

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА»

На правах рукописи

Андреева Екатерина Васильевна

**ВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ОТРИЦАНИЯ
В ТИПОЛОГИЧЕСКИ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Пушкин Алексей Александрович

Чебоксары – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ	12
§ 1.1 Общая характеристика английского и чувашского языков в межъязыковом пространстве	12
§ 1.2. Традиционные теоретические положения в основе исследования категории отрицания	15
§ 1.3. Современные сопоставительные исследования категории отрицания в английском и чувашском языках.....	28
§ 1.4. Каритив в английском и чувашском языках.....	35
Глава 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКСПЛИЦИТНЫХ СРЕДСТВ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ	41
§ 2.1. Средства выражения глагольного отрицания в английском и чувашском языках.....	42
§ 2.2. Средства выражения именного отрицания в английском и чувашском языках.....	64
§ 2.3. Средства усиления отрицания в английском и чувашском зыках.....	77
Глава 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМПЛИЦИТНЫХ СРЕДСТВ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ	101
§ 3.1. Лексические импликативы отрицания в английском и чувашском языках.....	103
§ 3.2. Грамматические импликативы отрицания в английском и чувашском языках.....	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	152
ПРИЛОЖЕНИЯ	187

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование представляет собой опыт сопоставительного исследования выражения значения отрицания в разноструктурных языках, каковыми являются рассматриваемые в настоящей работе английский и чувашский языки. Категория отрицания является одной из форм мышления человека и находит свое выражение в системах всех естественных языков. Вследствие этого она может быть «общей эквивалентной базой для сопоставляемых структур самых разных языков» [200, с. 493–499]. Имея статус «языковой универсалии», отрицание характеризуется как «единообразный, изоморфный способ выражения внутрисистемных корреляций языковых элементов или однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира» [162, с. 3–16].

Категория отрицания является предметом исследования ученых разных областей наук с древнейшей поры по настоящее время. Это подтверждается обширной научной литературой, в которой сущность и содержание категории отрицания излагаются с логико-философской, психологической и лингвистической точек зрения (Э.И. Айзенштадт, А.И. Бахарев, Н.Н. Болдырев, В.Н. Бондаренко, И.Н. Бродский, Н.А. Булах, Н.А. Васильев, С.А. Васильева, В.В. Виноградов, О. Есперсен, И. Кант, Н.И. Кондаков, А.М. Пешковский и др.).

Несмотря на достаточный солидный список исследований категории отрицания с позиций системно-структурного, коммуникативно-функционального и когнитивно-интерпретируемого подходов к языку, она продолжает оставаться в фокусе внимания лингвистов, рассматривающих ее особенности в том или ином отдельно взятом языке, а также в двух или более как типологически родственных, так и разноструктурных языках в контрастивно-сопоставительном аспекте. Отсутствие значимых исследований категории отрицания в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале английского и чувашского языков предопределил выбор темы настоящей диссертационной работы, а сравнительно-

сопоставительный анализ структурно-семантических и коммуникативно-функциональных особенностей средств отрицания в типологически разноструктурных языках обуславливает ее **актуальность**.

Исследованию категории отрицания в разное время посвятили свои научные труды такие известные ученые, как В.Г. Адмони, Э.И. Айзенштадт, Т.М. Беляева, Н.Н. Болдырев, В.Н. Бондаренко, И.Н. Бродский, Н.А. Булах, С.А. Васильева, В.Г. Гак, Н.А. Гасилена, В.В. Гуревич, Е.С. Кубрякова, Г.Н. Макарова, Е.В. Падучева, Ю.М. Скребнев, Е.И. Шендельс, О. Jespersen, W. Chafe, T. Givon, R. Jackendoff, L. Karttunen, E. Klima, J. Miller, R. Lakoff, R. Quirk и др.

У некоторых зарубежных и отечественных лингвистов имеются значимые исследования, выполненные в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале двух и более этнических языков, среди которых выделяют труды Н.Д. Аракина, Н.Д. Артюновой, Дж. Буранова, Е.С. Петровой, Е.Д. Поливанова, Н.А. Резюкова, R. Jackendoff, R. Lakoff и др.

Степень разработанности исследования. В чувашском языкознании до недавнего времени имелись в основном лишь фрагментарные исследования и очерки, в которых рассматривались собственно грамматические средства выражения значения отрицания (А.И. Андреев, Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, И.П. Павлов, В.И. Сергеев, М.Р. Федотов). Вместе с тем комплексным исследованием, посвященным описанию структурно-семантических характеристик средств выражения значения отрицания в чувашском языке, явилась диссертационная работа Р.А. Мышкиной.

Начало логико-философского осмысления категории отрицания, давшего импульс для ее исследования в языкознании, уходит своими корнями в древние времена. В концепции особой отрицательной реальности древнеиндийских философов понятие «отрицание» рассматривалось в структуре концептосферы «небытие». Она состояла из таких концептов, как «несуществование, отсутствие, различие» [48, с. 7].

По мнению древнегреческого философа, основателя формальной логики Аристотеля, «всякое суждение, в котором всегда нечто отрицается или

утверждается о чем-либо, имеет основу в действительности, и эта действительность может быть выражена (явно или неявно) как в утвердительном, так и в отрицательном суждении» [25, с. 14].

Британский философ Б. Рассел указывал на наличие «особых отрицательных фактов» [153, с. 211, 214, 215, 287], однако ученые И.Н. Бродский и Н.А. Васильев отмечают, что концепция Б. Рассела «безосновательна» [50, с. 25–30], [48, с. 207–246]. По мнению этих ученых, «истинные отрицательные суждения говорят о положительных фактах, но делают это не прямо, а косвенно, отражая не собственные свойства отдельных вещей, а их отношения к другим вещам» [Там же]. Согласно таким философам, как Б. Бозанкет, Г. Гегель, Г. Плуцэ, Г. Райл, «в основе отрицания лежит положительное знание – различие, противоположность («противность»), несовместимость чего-то (с чем-то)» [48, с. 12–13]. Н.А. Васильев [56, с. 207–246], Н.А. Булах [52, с. 37–86], Н.Г. Озерова [132] рассматривают отрицание как самостоятельную категорию, имеющую соответствующий аналог в самой действительности. Э.И. Айзенштадт была первой, кто ввела в лингвистику понятие разъединенности. По ее мнению, «отрицание в языке есть выраженное системой языковых средств разделение явлений реальной действительности» [9, с. 19–25]. Из этого следует, что мы разъединяем в сознании то, что разъединено в действительности. В исследованиях В.Г. Адмони, В.В. Виноградова, О. Есперсена, А.М. Пешковского отрицание наряду с утверждением рассматривается в качестве «формы модальности» [4], [60], [75], [147].

Таким образом, уже в ранних трактатах и исследованиях логико-философского направления утверждалась объективность категории отрицания, а в ранних лингвистических работах, исходя из отражательной функции языка, ее знаковая репрезентабельность, хотя и не всегда в статусе самостоятельной грамматической категории, а в составе категории модальности.

Методологической и теоретической основой диссертационного исследования послужили труды:

– по сопоставительному языкознанию В.Д. Аракина, Дж. Буранова, В.Г. Гака, Е.Д. Поливанова, Н.А. Резюкова, В.Н. Ярцевой;

– по общему языкознанию и семантике Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, С.Д. Кацнельсона, Е.В. Падучевой;

– по когнитивной семантике Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой, Т. Гивона, Р. Джакендоффа;

– по синтаксической семантике И.М. Богуславского, О.Н. Селиверстовой.

Объектом исследования служат предложения-высказывания с семантикой отрицания в сопоставляемых английском и чувашском языках.

Предметом исследования являются разноуровневые языковые структуры, представленные в определенном коммуникативном контексте морфологическими и синтаксическими единицами, посредством которых актуализируются значения эксплицитного и имплицитного отрицания в двух сопоставляемых языках.

Цель настоящего диссертационного исследования – выявить и установить общее и особенное в способах и средствах реализации значений отрицания в типологически разноструктурных английском и чувашском языках.

Цель исследования предопределила постановку и решение следующих **задач**:

1) конкретизация лингвистического статуса категории отрицания на основе традиционных и современных подходов к языковым явлениям;

2) комплексный анализ функционирования средств отрицания в сопоставляемых языках;

3) определение структурно-функционального изоморфизма при реализации категории отрицания в сопоставляемых типологически разноструктурных языках.

Для решения поставленных задач был использован **комплекс методов исследования**:

– теоретический анализ научно-методической литературы по рассматриваемой проблеме;

- описательный метод, реализующийся при интерпретации языкового материала;
- сравнительно-сопоставительный анализ категории выражения отрицания в разноструктурных языках;
- метод контекстуального анализа примеров-репрезентантов средств отрицания в исследуемых языках;
- статистический метод примеров-репрезентантов средств отрицания в исследуемых языках.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые рассматривается категория отрицания в разноструктурных английском и чувашском языках в сопоставительном аспекте. Представлен системный анализ эксплицитных языковых средств выражения значения отрицания и имплицитных контекстуально обусловленных значений отрицания в анализируемых языках, определены их структурно-семантические и коммуникативно-функциональные особенности с акцентуацией на черты сходства и отличия.

Теоретическая значимость диссертационного исследования представлена в следующих результатах:

- 1) впервые систематизированы эксплицитные и имплицитные средства отрицания в типологически разноструктурных английском и чувашском языках;
- 2) установлены общее и особенное в плане выражения категории отрицания, выявляя при этом и определенные корреляционные закономерности;
- 3) проведен количественный анализ эксплицитных и имплицитных средств отрицания по различным критериям в сопоставительном аспекте;
- 4) обоснованы возможность и невозможность экспликации имплицитного значения отрицания в предложениях-высказываниях, что детерминируется этнокультурными особенностями и традициями, принятыми в каждом из сопоставляемых языков.

Практическая значимость диссертации заключается в систематизации знаний о средствах и способах отрицания в исследуемых языках, которые могут быть использованы в курсах преподавания общего языкознания, теории и

практики перевода, спецкурсах по сопоставительной грамматике, в лингводидактике при составлении учебников и учебных пособий для обучения английскому языку учащихся в чувашско-русской билингвальной аудитории.

Эмпирическим материалом для исследования послужила картотека эксплицитных и имплицитных средств выражения отрицания за 2012–2025 гг., созданная нами на базе оригинальных художественных произведений чувашских и английских авторов XIX–XX веков, а также академических словарей сопоставляемых языков. Из названных источников методом сплошной выборки отобрано свыше десяти тысяч примеров с отрицательным значением, на основе которых создана авторская картотека. Картотека на английском языке включает 3295 примеров, содержащих эксплицитные средства выражения отрицания, и 3848 примеров, содержащих имплицитное отрицание. Примеры на чувашском языке включают 3241 эксплицитное и 4358 имплицитных средств отрицания. Переводные 2575 конструкций с отрицанием также включены в состав исследуемых средств. Все анализируемые языковые единицы представляют собой письменную форму современного английского и чувашского языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт «отрицание», представляющий собой единицу человеческого знания об *отсутствии, различии, несоответствии, разъединенности, небытии, неприсутности*, имеет определенное семантическое содержание в картине мира и манифестируется в сопоставляемых английском и чувашском языках равноуровневыми средствами, создавая при этом универсальный когнитивный контекст, или ментальное пространство.

2. Каритивное значение, рассматриваемое в качестве особого вида значения отрицания, с семантикой *отсутствия чего-либо или кого-либо*, в английском языке выражается сочетанием предлога *without* с именами существительными как в единственном, так и во множественном числах, а также и адъективированными существительными в единственном числе с отрицательным суффиксом *-less*. В отличие от английского языка, в чувашском языке каритивное значение выражается посредством существительных в

единственном числе с аффиксами *-сӑр* (*-сӗр*), а с существительными во множественном числе – с аффиксом *-сӗр*.

3. В сопоставляемых языках наличествует «кумулятивное» или множественное отрицание в пределах одного предложения-высказывания. В чувашском языке оно оформляется приглагольными отрицательными аффиксами *-м-*, *-ма* (*-ме*), *-мас* (*-мес*) в повествовательных конструкциях в изъявительном наклонении и отрицательной частицей *ан* в повелительном наклонении, при этом именные части речи с кумулятивным отрицательным значением выражаются отрицательным префиксальным аффиксом *ни-* в составе неопределенных местоимений и наречий с усилительной частицей *та* (*те*). В английском языке в отличие от чувашского языка кумулятивное отрицательное значение оформляется неопределенными местоимениями и наречиями с компонентом *any-*.

4. Специфичные речевые обороты, передающие значение «*подчеркнутого*» утверждения в английском и чувашском языках имеют очевидное сходство. В английском языке это устойчивые обороты *can't help doing smth*, *cannot help but do smth*, *can't fail to do smth*, *can't avoid doing smth*, состоящие из обязательного компонента в виде модального глагола *can* с отрицательной частицей *not*. В чувашском языке реализация аналогичного значения достигается при помощи аффикса отрицания *-сӑр* (*-сӗр*) при инфинитиве и вспомогательных глаголах *чӑт*, *тӗс*, *пултар* (от глагола *пул* в понудительном залоге), «отягощенных» аффиксами *-ай* (*-ей*) с модальным значением возможности совершить действие и аффиксами *-ма* (*-ме*) с отрицательным значением.

5. В ходе анализа примеров с имплицитными отрицательными значениями выявлено 15 семантических групп предложений-высказываний. Экспликация имплицитного значения отрицания в предложениях-высказываниях представляется возможной посредством внутриязыковых и межъязыковых трансформаций на основе знания коммуникативно-прагматических ситуаций, а также механизма получения выводных знаний, т.е. коммуникативных имплицатур в духе Г. Грайса. Выбор между эксплицитным и имплицитным способами выражения значений отрицания детерминируется этнокультурными

особенностями и традициями, принятыми в каждом из сопоставляемых языков.

Степень достоверности и апробация результатов. Методология исследования ориентирована на осуществление всестороннего, структурированного и достоверного сопоставительного анализа. Комплексный анализ теоретической и эмпирической базы по исследуемой теме способствует получению верных результатов в ходе сопоставительного исследования. Общий объём авторской картотеки включает достаточное количество аутентичных примеров, что позволило достичь объективных, точных данных качественного и количественного анализа.

Апробация диссертационной работы. Основное содержание диссертационного исследования представлено в докладах на научных конференциях: XI Международная научно-практическая конференция «Современная филология: теория и практика» (г. Москва, 2013), III Международная заочная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы германистики и методика преподавания иностранных языков» (г. Саранск, 2013), Международная научно-практическая конференция «Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования» (г. Чебоксары, 2014, 2015, 2016, 2017, 2022, 2024), XV Международная научно-практическая конференция (г. Белгород, 2016), XXI Международная научно-практическая конференция «Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия» (г. Чебоксары, 2021), VIII Международная научная конференция «Донецкие чтения – 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 2023).

Основные положения и материалы исследования представлены в 22 научных публикациях, из них 5 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертационной работы соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, приложения.

Во введении аргументируется актуальность темы работы, обозначается научная новизна, формулируются цель и задачи, описываются предмет и объект исследования, излагаются используемые фактографические материалы и методы исследования, характеризуются теоретическая и практическая значимость работы, представлены основные положения, выносимые на защиту, и апробация исследования.

В первой главе рассмотрены традиционные и современные подходы к исследованию категории отрицания. Выделены признаки, формирующие концепт отрицания в двух исследуемых языках. Дана общая характеристика английского и чувашского языков в межъязыковом пространстве (генезис, ареальные контакты и структурирование). Проанализированы контексты, выражающие каритивное значение в английском и чувашском языках.

Вторая глава представляет результаты сравнительно-сопоставительного анализа эксплицитных средств выражения значения отрицания в английском и чувашском языках. Выявлены общие и отличительные признаки в английском и чувашском языках.

В третьей главе сопоставлены имплицитные средства выражения значения отрицания в типологически разнотипных английском и чувашском языках. Показаны возможные и невозможные способы трансформации исходных предложений-высказываний с имплицитным значением отрицания в предложения-высказывания с эксплицитным значением отрицания в обоих языках.

В заключении обобщаются результаты проведенного сопоставительного исследования, излагаются основные выводы и намечается перспектива для дальнейшего исследования проблемы.

В Приложениях (1, 2) диссертации представлены продуктивные средства выражения значения отрицания и их вариации в английском и чувашском языках, также приводятся оригинальные переводные примеры с английского на чувашский язык, отобранные методом сплошной выборки из авторской картотеки.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

В теоретической части диссертационного исследования поэтапно характеризуются периоды становления категории отрицания в научной картине мира. Общеизвестно, что «отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы» [261, с. 354]. Исследуемая категория является оптимальным вариантом для сопоставления и выявления структурно-семантических и функциональных особенностей средств отрицания в типологически разнотипных английском и чувашском языках.

§ 1.1. Общая характеристика английского и чувашского языков в межъязыковом пространстве

Современное межкультурное языковое пространство диктует новые подходы к осмыслению взаимодействия и интерпретации разнотипных языков, обусловленных рядом факторов. Во-первых, это фактор генезиса и ареальных контактов, во-вторых, это фактор языкового структурирования и функционирования, включающий в себя все уровни языка и общепризнанные единицы его описания.

Современный английский язык является самым распространённым среди германских языков и имеет материальное сходство со многими другими германскими языками, а также с некоторыми мёртвыми языками, которые тоже относятся к индоевропейской семье языков, например, готский, бургундский, вандальский, гепидский, герульский языки. Общие черты проявляются на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Исходя из географии распространения индоевропейской языковой семьи, выделяют следующие группы: восточногерманскую, западногерманскую и

северогерманскую. Английский язык входит в состав группы западногерманских языков. Он является государственным языком Великобритании и США, один из двух официальных языков Ирландии и Канады, язык населения Австралии, официальный язык Новой Зеландии, также некоторых государств Азии и Африки. Он является одним из шести официальных и рабочих языков ООН.

Миграция германских племен на Британские острова в V–VI вв. значительно повлияла на современное состояние английского языка. Географическая изолированность от других германских языков и нормандское завоевание в XI веке оставили глубокий след не только в общественной и политической жизни страны, но также и в языковой системе, которая подверглась сильнейшему воздействию французского языка, который до середины XIV века оставался официальным языком государства и правящей феодальной знати, образовавшейся из французских завоевателей. Однако к концу средних веков стал создаваться «собственный литературный язык – английский на основе лондонского диалекта» [36, с. 92].

В отличие от английского языка, чувашский язык является национальным языком чувашей и государственным языком Чувашской Республики. В генеалогической классификации языков мира он относится к тюркской группе алтайской языковой семьи и является единственным живым языком болгарской группы. География распространения чувашского языка прослеживается в среде чувашских общин, проживающих в Башкортостане, Татарстане, Самарской, Ульяновской, Саратовской и Пензенской областях, а также в некоторых других областях, краях и республиках Урала, Поволжья и Сибири. Однако, согласно наблюдениям А.Д. Ахвандеровой, «лингвистический ландшафт чувашского языка довольно однороден, различия между диалектами незначительны. В настоящее время различия между диалектами ещё больше нивелируются» [30, с. 74–78].

В чувашском языке выделяют три диалекта, а именно – верховой «окающий» (выше по течению реки Суры), средний (смешанный или переходный) и низовой «укающий» (ниже по течению реки Суры) [270, с. 389]. Современный литературный чувашский (новобулгарский) язык начал

формироваться на основе низового диалекта с 1870-х годов, постепенно вытесняя старолитературный язык, функционировавший на основе верхового диалекта [144].

Согласно морфологической классификации, впервые разработанной Фридрихом Шлегелем, а затем дополненной Вильгельмом Гумбольдтом, английский язык относится к флективному типу, чувашский язык – к агглютинативному типу, что наглядно проявляется в выражении грамматических отношений внутри языков. Изучая особенности выражения грамматических отношений в современном английском языке, Р.Х. Робинс приходит к заключению, что флективный английский язык содержит также структуры, свойственные языкам изолирующего и агглютинативного типов [239]. Свой тезис Р.Х. Робинс подтверждает конкретными примерами из английского языка. Он считает, что предлоги, союзы, а также отдельные местоимения и наречия, которые не изменяют своих форм, могут служить примерами изолирующего типа, как *from, in, on; and, but; what, much*. Ряд английских слов, состоящих из словообразовательных и формообразующих аффиксальных морфем, могут вписаться в типологическую парадигму языка агглютинативного типа, например, *illegalities* – **незаконные** действия, *ungodliness* – **нечестие**, *unavoidably* – **неизбежно**, *irreconcilability* – **непримиримость**, *stabilizers* – **стабилизаторы**. Следует отметить, что подобное языковое явление можно наблюдать во многих языках мира, что подтверждается исследованиями С.Е. Яхонтова. Рискованно было бы категорически утверждать, что в языках какой-то группы совершенно невозможен тот или иной способ словообразования и словоизменения. Однако в большинстве языков «какой-то один способ является преобладающим» [201, с. 69], в соответствии с которым и определяется тип языка.

В чувашском языке преобладающим способом выражения грамматических отношений служит агглютинативный способ, где словообразование и словоизменение осуществляются путем присоединения однозначных аффиксов, имеющих строгую последовательность, соблюдая закон сингармонизма гласных. Вместе с тем в чувашском языке встречаются отдельные языковые единицы, для которых закономерным может являться флективность, например, окончание

множественного числа существительных *-сем*, а также признаки аналитизма и синтетизма, характерные для английского языка.

Таким образом, в общепризнанной типологической парадигме языков английский язык относится к флективному типу, чувашский язык – к агглютинативному типу. Следует отметить, что частные изоморфные явления в языках могут быть обусловлены рядом факторов, как развитием и изменением языковой системы внутри самого языка, а также взаимодействием и взаимовлиянием разноструктурных языков в межъязыковом пространстве.

§ 1.2. Традиционные теоретические положения в основе исследования категории отрицания

В рамках традиционного логико-философского подхода к языку вообще и языковым фактам в частности, древнеиндийские философы, рассматривая понятийное значение отрицания, дифференцировали в нем такие семантически релевантные маркеры, как несуществование, отсутствие, различие. Особого внимания заслуживает предпринятая философами попытка объяснить сущность категории отрицания на основе философской категории знания, рассматривавшегося ими в двух ипостасях, а именно как отрицательное знание и положительное знание. Отрицательное знание, по мнению древнеиндийских философов, характеризовалось признаками «различия, несоответствия, противоположности, противности, несовместимости чего-то с чем-то» [48].

Солидаризируясь с вышеназванными философами в том, что отрицание представляет собой «несовместимость чего-то с чем-то», Н.А. Васильев уточняет, что «отрицание – это то, что несовместимо с утверждением <...>. Вообще можно утверждать, что единственным логическим основанием отрицания является несовместимость» [56, с. 214].

Древнегреческий философ Аристотель требовал четко различать между понятиями «бытие» [25, с. 103] и «небытие» [Там же], под которыми он понимал существование и несуществование соответственно. Бытие, по мнению

Аристотеля, реализуется в предикатной структуре «Человек есть» [Там же]. Небытие Аристотелем определяется как «Человек не есть» [Там же]. Анализ понятий «бытие» и «небытие» в суждении также указал на необходимость дифференциации временного фактора в суждении. При этом утверждение и отрицание, согласно Аристотелю, представляют собой понятийные категории. Вследствие этого он относит их к «полаганию мыслимого существующим или несуществующим. Утверждать – значит говорить, что данный предмет (или признак) существует; отрицать – значит говорить, что данный предмет (или признак) не существует, не имеет места в действительности» [48, с. 14]. Отсутствие у вещи определенного признака Аристотель определяет как понятие «лишенности» [25, с. 103], которое обладает такими признаками, как отсутствие, противоположность, различие, которые также могут служить основанием для интерпретации категории отрицания.

Так, значение *отсутствия предмета, признака* или явления в английском языке выражается при помощи отрицательной глагольной частицы *not* и детерминатива *no* [251]. В чувашском языке аналогичное значение выражается внутриглагольным аффиксом *-ма* (*-ме*), выступающим в зависимости от фонетической позиции в виде алломорфов *-мас* (*-мес*), *-м*, а также постпозитивными отрицательными частицами *сук*, *мар*, образующими отрицательные формы от именных и глагольных основ. Препозитивная отрицательная частица *ан* выражает значение *запрета* на выполнение действия, называемого последующим глаголом в повелительном наклонении, например, *ан кала* – не говори, ср.: *кала* – говори.

Отсутствие признака в силу объективной необходимости выражается при помощи аффикса отрицания *-сӑр* (*-сӑр*) в чувашском языке и отрицательного суффикса *-less*, а также предлога *without* в английском языке.

Противопоставление двух неидентичных предметов или явлений в оппозиции положительного и отрицательного, истинного или ложного выражается при помощи специальной противительной конструкции. В современном английском языке эта конструкция состоит из противительного

союза *but* и отрицательной частицы *not*, представленная в двух вариациях, например, *it is not ... but* или *it is ... but not*. В чувашском языке наличествует только один вариант, где значение противопоставления выражается при помощи постпозитивной отрицательной частицы *мар*.

Исключение – это противопоставление части целому, отдельного класса – представителю этого класса, и выражается посредством предлога *excep (of)* в английском языке, послелого *пуçне* после существительного с постфиксом *-сӑр* (*-сӗр*) в чувашском языке.

Ученые-логики рассматривали категорию отрицания с позиции понятий тождества и различия. Английский логик У.С. Джевонс, как и И. Кант, предположил, что «отражение отношений тождества и различия, имеющих в самих предметах объективной действительности, находит свое выражение и в формах мышления – соответственно в утвердительных и отрицательных суждениях» [71, с. 30–33]. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что отрицание может пониматься как «выражение различия, отличия, противоположности и прямого уничтожения» [112, с. 268]. Когда характеризуют предмет по определенным признакам, возникают акты сравнения, сопоставления, противопоставления, противоположности одного предмета к другим. А.В. Савинов указывает, что «в противоположении (А и не – А) отрицание выражено явно как существенный момент различения. Противопоставление есть и отрицание с функцией, обособляющей различия, т. е. определения нечто в противоположность другому нечто, при обособлении от другого» [156, с. 186].

Сущность отрицательных суждений в логических категориях также подробно описана И.Н. Бродским. По его мнению, особенность оппозиции наличия – отсутствия заключается в том, что «в содержании суждения отношения принадлежности (наличия) или непринадлежности (отсутствия) признака предмету мысли не является отличительной особенностью всякого суждения, ибо указанное отношение имеет место и в понятиях, и оно не свойственно таким формам мысли, как вопрос и побуждение» [50, с. 25–30]. Автор, поддерживая утверждения Платона и Аристотеля, приходит к заключению, что «отрицательное

суждение есть форма отражения и познания небытия именно определенного предмета или определенного признака. Знание о небытии чего-либо возникает как осознание или установление либо различия, либо несовместимости чего-либо в чем-то; а также либо отсутствия чего-то, либо ложности мысли о бытии (наличии) чего-либо» [Там же].

Вместе с тем И.Н. Бродский считает, что отрицательные связи в предложении хотя и могут быть интерпретированы при помощи логических понятий, однако логическое выражение отрицательных связей не всегда совпадает с целями языкового выражения отрицания. Вследствие этого наиболее оптимальными основаниями для определения отрицания являются фактологические примеры отрицания в естественном языке, ибо «отрицание в языке – это констатация отсутствия предмета, признака, явления, выраженная языковыми средствами» [39, с. 15], «информация о несуществовании имеет теоретическое и практическое значение» [50, с. 37–59].

Логическое основание выражения отрицания исследовано также такими авторами, как И. Кант, Х. Зигварт и др. Важность их концепции заключается в том, что отрицание носит субъективный характер, что оно представлено в мыслях и реализуется в процессе указания на ложность предшествующего утвердительного суждения в целом. Так, И. Кант по поводу отрицательных суждений пишет следующее: «Они выполняют специальную задачу, именно только удерживать нас от заблуждения»; «отрицательные суждения, имеющие отрицательный характер не только по своей логической форме, но и по содержанию, не пользуются особым уважением людей при их страсти к знанию <...>» [85, с. 398].

Немецкий философ-логик Х. Зигварт, рассматривая логическое основание противоречия, приходит к формулированию закона двойного отрицания, согласно которому, «отрицание отрицания даёт утверждение, а уничтожение отрицания равно утверждению того же самого предиката относительно того же самого субъекта» [78, с. 139]. Он также отмечает, что «отрицательные и утвердительные суждения не параллельны, а совершенно неравноправны. Отрицательные

суждения показывают, что связь – ложная, не имеющаяся в реальной действительности, смысл отрицательных суждений – «уберечь от ошибок и не впадать в заблуждения» [79, с. 135–136].

Русский философ и логик М.И. Каринский не согласен с выводами других идеалистов-кантианцев и уточняет: «В прямую противоположность этому мы, наоборот, должны утверждать, что отрицательные суждения часто оказываются существенно важными дополнительными условиями для достижения того знания, которым мы владеем» [90, с. 537]. В своем рассуждении о значимости отрицательных суждений в практической деятельности людей, о случаях использования отрицательных суждений для достижения знаний о предметах действительности он пишет: «Нет, конечно, никакого сомнения в том, что убеждение в ложности того или другого утвердительного предложения только в том случае и возможно, когда установлено отрицательное предложение о том факте, о котором говорит это утвердительное суждение; и поэтому без предварительной установки этого отрицательного предложения утверждение ложности утвердительного предложения даже и состояться не может» [Там же, с. 555].

Русский логик Н.О. Лосский, как и Х. Зигварт, интерпретирует отрицательные суждения по критерию истины и лжи, где отрицание – субъективная реакция говорящего. Значимость отрицательных суждений, согласно Н.О. Лосскому, в том, что «отвержение (отрицание) первоначального утвердительного суждения (предположения) есть только следствие или, точнее, сторона отрицательного суждения, но не его сущность» [106, с. 83–98], «утвердительные суждения, в свою очередь, не имеют никакого приоритета над отрицательными» [Там же, с. 93], «утвердительность и отрицательность следует рассматривать не как абсолютные, а как относительные свойства суждения, так что в одном отношении суждение признается утвердительным, а в другом – отрицательным» [Там же, с. 84–89].

Отечественный логик Н.И. Кондаков, анализируя понятийную категорию отрицания, приходит к выводу, что «отрицание – это логическая операция, заключающаяся в том, что истинному высказыванию (суждению)

противопоставляется неистинное высказывание (суждение) или ложному высказыванию (суждению) противопоставляется неложное высказывание (суждение). В результате этой операции вместо данного высказывания (напр., А) получается новое высказывание (не – А) или вместо не – А образуется А» [259, с. 43]. Итальянский философ Т. Кампанелла считал, что «утвердительные и отрицательные суждения отражают бытие и небытие чего-то, отрицание имеет объективное онтологическое основание, а именно – различие, то есть человек есть – это его утверждение; но он является человеком лишь благодаря тому, что он не есть камень, лев и т. д.» [78, с. 144]. Ученые – авторы фундаментального труда «Логика Пор-Рояля» А. Арно и П. Николь солидарны с мнением Т. Кампанеллы, что суждения следует дифференцировать на утвердительные и отрицательные как «что одна вещь есть некоторая другая вещь» (соединение и отождествление субъекта с атрибутом, так как именно это обозначается связкой есть), а сущность отрицательного суждения – как выражение того, что «одна вещь не есть другая» [21, с. 65–66].

Таким образом, концепции, отражающие свойства категории отрицания, усматривают трансфер, то есть явления или предметы становятся противоположными друг другу, обладая новыми качественными признаками. Логические понятия, как *неприсущность, несоответствие, лишенность, противопоставление, исключение, небытие, непринадлежность, отсутствие* являются семантической составляющей категории отрицания.

Ввиду того, что категория отрицания является объектом исследования не только таких наук, как логика, философия и психология, она имеет свои особенности, которые свойственны науке о языке, поэтому полагаться только на логические, философские и психологические концепции неправомерно.

Вклад ранних лингвистических исследований в раскрытие сущности категории отрицания в основном базировался на логических понятиях. По определению Е.И. Шендельс, «отрицание как языковая категория представляет собой выражение с помощью определенных языковых средств негативных связей между понятиями» [193, с. 125–142]. Н.Г. Озерова пишет: «Грамматическая

категория отрицания выражает логическое отрицание, которое, в свою очередь, отражает отсутствие реальных связей между определенными явлениями действительности» [132, с. 6]. По мнению А.М. Пешковского, «отрицание – элемент значения предложения, указывающий на отсутствие связи между некоторыми явлениями, о которых говорится в предложении словами и словосочетаниями, реально не существует» [147]. Последователи Е.И. Шендельс, Н.Г. Озерова и К.В. Саматова не учли тот факт, что отрицание следует рассматривать как «отсутствие определенной связи не между двумя членами предложения, а между предметами (или явлениями) в самой объективной действительности» [48, с. 57]. Поэтому данная концепция была раскритикована и не получила признания в лингвистическом обществе.

Первыми, кто ввел в лингвистику понятие разъединенности, были ученые Э.И. Айзенштадт и Е.М. Галкина-Федорук. По мнению Э.И. Айзенштадт, «отрицание в языке есть выраженное системой языковых средств разделение явлений реальной действительности» [8, с. 30]. Е.М. Галкина-Федорук в работе, посвященной проблеме соотношения суждения и предложения, отмечает, что «в отрицательном суждении мы разъединяем в мысли то, что разъединено в действительности» [62].

Лингвист Н.А. Булах считает, что «грамматическая категория есть такая синтаксическая категория отрицания, которая выражает с помощью специального грамматического средства, несмотря на наличие синтаксической связи между двумя членами предложения, смысловую разъединенность между этими членами, отображающую разъединенность, имеющую место в действительности» [53, с. 7].

Таким образом, авторы склоняются к тому, что грамматическое и логическое отрицание эквивалентны, однако доминирующая функция разъединенности принадлежит грамматическому отрицанию, которое указывает на отсутствие связи между предметами и их признаками в самой действительности. Несомненно, что логика и язык взаимодополняют друг друга, однако законы мышления изучаются в логике, средства выражения мышления соответственно в грамматике. Воплощение в реальность логического мышления

происходит при помощи определенных языковых средств, которые не всегда коррелируют с законами логического мышления. В качестве дополнения приведем верное утверждение А.М. Пешковского: «... <...> при определении отрицания в грамматическом плане следует учитывать то обстоятельство, что грамматическое отрицание имеет свои специфические особенности, в частности, нельзя определить грамматическое отрицание только с помощью логических понятий» [147, с. 387].

Согласно исследованиям категории модальности и категории отрицания мнения ученых-лингвистов не совпадают, то есть некоторые отождествляют их, а другие различают.

Ученые В.И. Кодухов, Л.И. Баранникова ассоциируют отрицание «с субъективной оценкой содержания предложения – с модальной оценкой говорящим высказывания, а именно с характером выражающего в предложении отношения к действительности» [94, с. 278], [37, с. 263]. И.Б. Толстой, сравнивая утвердительные и отрицательные высказывания, подчеркивает, что «отрицательные высказывания обладают модальной окраской оценочного характера (неодобрительности, нежелательности, усиления или ослабления качества, признака и т. п. в зависимости от лексического наполнения высказывания)» [175, с. 58–65]. Исследователь В.С. Щемерова разделяет точку зрения О. Есперсена, что «утверждение и отрицание выражают абсолютную уверенность говорящего соответственно в наличии и отсутствии чего-либо» [195, с. 3].

Ранее в трудах отечественного лингвиста В.Г. Адмони утверждение и отрицание представлены как формы, выражающие модальные значения: «утверждение и отрицание суть выражения соответственно реальности и нереальности отражаемых в предложении связей и явлений действительности» [4, с. 163–164], где «утвердительные и отрицательные предложения различаются не по содержанию выражаемых в предложении отношений объективной действительности, как таковых, а по своему модальному характеру, по оценке реальности этих содержаний» [Там же]. В.Г. Адмони дополняет, что «модальные

значения, как сомнение и вероятность, ослабляют положительный или отрицательный характер сообщения» [Там же]. Данным утверждением он соглашается с трехчленной схемой отрицания О. Есперсена.

Отрицание, будучи функциональной категорией, способно придавать предложению различные оттенки модальности. Это связано с тем, что «для осуществления прагматических и познавательных целей в каждом языке должны иметься в наличии средства выражения утверждения того, что сказанное в предложении не является истинным, при этом формы выражения и правила функционирования этих языковых средств в языках различны» [Там же].

Большинство современных отечественных и зарубежных лингвистов включает отрицание в категорию «модальности» [48, с. 64–72], отрицание рассматривается ими как «чисто субъективная, оценочная категория» [Там же]. В.В. Виноградов сравнивает отрицание с «модальной категорией наклонения» [60, с. 573]. По утверждению А.М. Пешковского, «отрицание обозначает не отношения между представлениями, а отношение говорящего к этим отношениям» [147, с. 387]. В.Г. Адмони определяет «утверждение и отрицание как основные модальные значения, представляемые утвердительной и отрицательной формами предложения» [5, с. 42], которые характеризуются как «выразители реальности и нереальности связей предметов и явлений объективной действительности, отражаемых в предложении» [Там же]. При этом автор признает, что с утверждением и отрицанием тесно связаны значения сомнения и возможности. Они способны ослабить положительный и отрицательный характер сообщения.

Обобщим данный языковой факт примерами из английского и чувашского языков:

англ. *I read* (утвердительная форма). – *I do not (don't) read* (отрицательная форма).

чув. *Энĕ вулатăн* (утвердительная форма). – *Энĕ вуламăстăн* (отрицательная форма).

Анализируя приведенные примеры, можно констатировать, что в вышеприведенных примерах сопоставлены категорическое утверждение и категорическое отрицание. В чувашском языке средством выражения отрицания является аффикс отрицания *-мас*, в английском языке – это частица *not*.

англ. *I probably read* (утвердительная форма). – *I do not (don't) read at all* (отрицательная форма).

чув. *Энӗ вулатӑн пулӗ* (утвердительная форма). – *Энӗ вуламастӑн сав* (отрицательная форма).

Вторые два примера включают как утверждение, так и отрицание. Однако в предложения внесены дополнительные оттенки степени выполнения действия. В чувашском языке – это частицы *пулӗ*, *сав* (при отрицании), в английском языке – это наречия *probably* и *at all* (при отрицании).

В грамматическом плане модальность представляется как выражение отношения содержания высказывания к действительности при помощи специальных грамматических средств: наклонения, модальных слов и частиц, модальных предикативов. При этом В.В. Виноградов считает, что «как утвердительные, так и отрицательные предложения могут быть как реальными, так и ирреальными» [60, с. 573], то есть утверждение и отрицание могут присутствовать при любом виде модальности.

В работах некоторых тюркологов модальность понимается даже как «форма реализации целевой установки речи: повествование, побуждение, вопрос, утверждение и отрицание» [204, с. 30–37]. И.А. Андреев опровергает точку зрения С.П. Горского о включении отрицания и утверждения «в ряд повествовательных, побудительных и вопросительных предложений в связи с тем, что соответствующие предложения, в свою очередь, могут быть утвердительными и отрицательными, и поэтому утверждение-отрицание следует рассматривать как особый аспект предложения» [203, с. 146]. Существуют отрицательные предложения, заключающие в себе различные оттенки модальности. Подобные предложения свойственны разговорной речи и включают следующие компоненты экспрессивности: «интенсивность, эмоциональность и образность» [64, с. 159–

167]. К отрицательным предложениям относят реплику-повтор, риторический вопрос, восклицательные предложения, утвердительные по форме, а по содержанию – отрицательные. Именно здесь идет речь о так называемой модальности отрицания в значении утверждения. Исходя из наблюдений Д.Н. Шмелева, «прямые лексические значения слов перестают формировать и определять внутреннее содержание речи, утвердительному предложению придается отрицательное значение (ироническое отрицание, по сути дела, может скрываться вообще за всяким предложением), словам положительной оценки – характер осуждения и т. д.» [194, с. 63–75]. В.Н. Бондаренко в монографии «Отрицание как логико-грамматическая категория» подчеркивает, что «отрицательное значение некоторых синтаксических конструкций может передаваться только интонационно, без использования лексических средств выражения отрицания. Интонация характеризуется значительной продолжительностью звучания ударного слога отрицаемого по смыслу слова и восходящим тоном этого слога. Интонация вместе с порядком слов, наличием устойчивых словосочетаний служит средством имплицитного выражения отрицания (прежде всего экспрессивного характера)» [48, с. 109].

Подводя итог вышесказанного, в данном исследовании за основу берется точка зрения тех ученых, которые не включают утверждение и отрицание в категорию выражения модальности, так как они указывают на наличие или отсутствие чего-либо, не затрагивая аспекты модального выражения.

В исследованиях Г.Н. Макаровой, Ю.М. Скребнева отрицание рассматривается как форма выражения «предикативности» [109, с. 11–12], [164, с. 78]. Исследователь А.И. Смирницкий замечает, что «одной из характерных черт предикативности является установление некоторых положительных связей между предметами и явлениями действительности или указание на отсутствие таковых» [167]. Я.А. Спринчак так и пишет: «Предикативность, или сказуемость состоит в том, что предложение что-то сообщает, утверждает или отрицает в сказуемом» [170]. А.Н. Савченко также дополняет предыдущих авторов и пишет: «Сказуемое находится в предикативном

отношении к подлежащему... Предикативное отношение сказуемого к подлежащему есть отношение утверждения и отрицания. С этим и связано отнесение мысли к действительности» [157]. Е.В. Гулыга, как и предыдущие авторы, указывает на связь между подлежащим и сказуемым, уточняя, что «предикативность находит свое выражение в утвердительной и отрицательной связи подлежащего со сказуемым», «реализуется в частных категориях утверждения и отрицания» [69, с. 47]. Взгляды И.Б. Толстого на предикативность отличаются от предыдущих авторов, он считает, что предикативность является «отвлеченным синтаксическим значением категории утверждения – отрицания» [175, с. 60]. Исследователь Т.П. Ломтев, опровергая точку зрения И.Б. Толстого, обобщает, что предикативность – это «общее глобальное логическое свойство всякого высказывания, выраженного предложением» [104, с. 23, 27, 30, 31].

Согласно авторам данной концепции, предикативность следует рассматривать как синтаксическую категорию, а утверждение и отрицание – как формы ее проявления.

Нельзя не согласиться с мнением В.Н. Бондаренко, что «предикативность как отнесенность содержания всего предложения к действительности не зависит от отрицательной формы данного предложения. Некоторые типы предложений не могут быть отрицательными, но при этом они всегда предикативны. Следовательно, указанные факты свидетельствуют о проблематичности определения сущности языкового отрицания как формы проявления предикативности» [48, с. 76].

Исследования учеными категории отрицания с психологической точки зрения выявили, что в основу данного направления заложено разделение психических актов предикации и суждения, в которых «утверждение выражает одобрение (признание), а отрицание – неодобрение (отклонение)» [212, с. 46, 177], [59, с. 25–36, 360]. Х. Зигварт не разделяет точку зрения В. Виндельбанда, поясняя, что «всякая одобрительная или неодобрительная оценка субъектно-предикатного отношения с точки зрения истинности его есть суждение, которое в свою очередь может быть истинным или ложным. И это суждение есть суждение

об отношении вещи к познающему субъекту, а не суждение о вещи самой по себе. Но это отношение существует просто, и оно признается, а не одобряется или вызывает неодобрение» [78, с. 444–445]. Рассуждая о смысле суждения, В. Рассел подчеркивает, что «смысл суждения заключается в понятиях *belief* – вера (убежденность) и *disbelief* – неверие (разубежденность). Вера и неверие – это психические состояния человека, выражающиеся в неясном чувстве говорящего относительно того, что он говорит» [153, с. 46].

Точное определение о смысле суждения встречается у С.А. Васильевой, которая также против деления утверждения и отрицания на одобрение и неодобрение соответственно. Она подчеркивает, что одобрение и неодобрение являются субъективными и не представляют собой логической основы суждения. «Для качества суждения, – отмечает в этой связи С.А. Васильева, – не имеет значения, одобряем мы или отвергаем связь между предметом и признаком, так как мы можем одобрять как утвердительные, так и отрицательные суждения» [58, с. 157–165].

Таким образом, сущность отрицания как психологического акта в выражении неодобрения (несогласия) субъектом мыслимого содержания или неверия считается нами не совсем адекватным, так как психологические акты не являются логической характеристикой суждения.

Изучив основные концепции, определяющие сущность и значимость категории отрицания в рамках традиционных подходов в философии, логике, лингвистике, следует обратить внимание на совершенно иные подходы, так как «отрицательные высказывания являются специфической особенностью любой системы человеческой коммуникации и отсутствуют в системах коммуникации животных. «Негация и ее корреляты – значение истинности, ложные высказывания, противоречие и ирония – могут, поэтому рассматриваться как определяющие характеристики человеческого вида» [220, р. 1–19].

§ 1.3. Современные сопоставительные исследования категории отрицания в английском и чувашском языках

Современный подход к изучению категории отрицания отличается тем, что он основывается на определении «языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [100, с. 406], «язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [Там же, с. 9]. Поэтому в рамках когнитивного подхода отрицание рассматривается как результат негативного восприятия действительности. Отрицание приравнивают к таким познавательным процессам, как память, воображение и мышление, которые являются основной когнитивной способностью человека и, следовательно, базовыми функциями языка. Исходя из вышесказанного, принято считать когнитивно-репрезентативную и коммуникативную функции, где «функции языка взаимосвязаны и не стоит рассматривать их отдельно друг от друга» [107, с. 41–51].

Н.Н. Болдырев, как и упомянутые авторы, отмечает, что «отрицание является продуктом человеческого знания, поскольку в реальном мире отсутствия существования или наличия как такового нет, и только человек постулирует его, выражая восприятие определенной ситуации и опираясь на собственный опыт осмысления аналогичных ситуаций, на свою собственную систему ценностей, мнений, оценок, ожиданий» [46, с. 4], «рассматриваемый концепт имеет коммуникативную природу, то есть формируется и впервые возникает именно в процессе общения, и, следовательно, собственно коммуникативная функция является ключевой функцией репрезентирующих его языковых средств» [Там же]. По мнению С.В. Мотова, концепт отрицание обладает такими категориальными признаками, как «отсутствие (предмета, действия, признака, свойства, качества и

т. д.), несоответствие положительному знанию, коммуникативная реакция» [124, с. 13–19]. Автор уточняет: «Так, отсутствие чего-либо предполагает главным образом релятивность отрицания, зависимость его от положительного знания. Когда мы говорим о несоответствии, важна в первую очередь интерпретация, т. к. необходимо установить несоответствие нормам, стереотипам именно с помощью их адекватной интерпретации. При профилировании коммуникативной реакции отрицания особенно важно отметить его внутриязыковой статус, выражающийся в коммуникативных реакциях: несогласии, неприятии, запрете, отказе и т. п.» [Там же]. В связи с этим пристального внимания требует анализ языковой личности, ее лексического наполнения, реализующей коммуникативную функцию языка. Лексическое наполнение языка отражает представления человека о предмете, его индивидуальном вкладе в смысл употребляемых слов. Именно значения слов играют роль в понимании внутренней культуры человека, его менталитета, биографии, социальных контактов, мировоззрения. Так, по замечанию Ю.Н. Караулова, «анализ языковой личности следует начинать с ономаσιологического подхода, предполагающего знание личностных смыслов индивида и рассматривающего их воплощение в соответствующих словесных образах» [89, с. 63–67]. По мнению Ю.А. Бельчикова, «замысел – это культурный компонент слова, который включает социально-историческую, интеллектуальную, экспрессивную, оценочную и национально-специфическую информацию» [41, с. 32].

Коммуникативная функция отрицания неразрывно связана с прагматической функцией, цель которой – воздействовать на собеседника, т. е. опровергнуть, отклонить или скорректировать мнение собеседников. Согласно наблюдениям Р. Ибаньеса, «прагматическая концепция широко освещает коммуникативную обусловленность функционирования отрицания. Условия коммуникации диктуют нам, как нужно воспринимать высказывание, – как отрицательное по смыслу или как положительное. Грамматическая форма не обязательно является определяющей. Известно, что отрицательные грамматические формы вполне оказываются способными передавать

положительные значения» [221]. Т. Гивон утверждает, что «отрицание опирается на предпосылку заблуждения адресата и поэтому оно существенно, более прагматически нагружено, чем утверждение. Заблуждение требует исправления и мотивирует дальнейшие речевые действия участника коммуникации. Известно, что отрицание в данном случае представлено во вторых репликах диалога. Такие ответные реплики выражают несогласие, протест, опровержение и т. п., а также манифестируют субъективную негативную оценку» [215, р. 59–116].

В прагматической концепции «отрицание – это не чисто грамматическая категория, но сложная коммуникативная операция, с помощью которой говорящий сообщает адресату свое отношение к определенному факту. Отрицание – некий глубинный индикатор коммуникативного потенциала с канонической инструкцией отклонения или коррекции мнения адресата о положении дел» [Там же]. Прагматика ставит человека в центр как объект исследований в акте коммуникации. Е.В. Милосердова пишет: «В центре прагматического исследования находится человек – субъект речи, личность которого доминирует в коммуникативной ситуации, определяет его взаимоотношения с другой личностью – адресатом и влияет на весь процесс протекания речевого акта, акта общения» [119, с. 8]. Е.М. Люльчева в своей статье «Имплицитные способы выражения отрицания» подчеркивает, что «прагматический аспект отрицания заключается в его способности характеризовать человека через те тексты с отрицательной семантикой, которые порождает данная языковая личность. Из этого следует, что «смысл высказывания как коммуникативной единицы языка, формируясь из значений единиц, его составляющих, не может быть равен их простой сумме, а включает смысл ситуации, в которой это высказывание функционирует, социальный статус коммуникантов, их культурный и образовательный уровень, характер взаимоотношений, т. е прагматический аспект» [108, с. 100–108].

Исследования, посвященные категории отрицания, в целом актуальны и по настоящее время, что подтверждается научными работами современных авторов,

как Гашими Афет Тофик гызы [65], В.В. Беркутова [44], К.Г. Красухин [97], В.В. Переяшкин [142], Р.В. Тарасов [174], Ф.Г. Фаткуллина [179], К.У. Чомокеева [206], Х.З. Хажмурадова [186], [206], F. Zolfaghari [248] и др.

Вместе с тем имеется достаточное количество научных работ в английском языке отдельно, а также в сопоставлении с другими языками. В современном английском языке системное описание формальных единиц категории отрицания отражены в работах А.В. Авериной [2], И.А. Анашкиной [13], З.Р. Ахметзадиной [31], А.Н. Беляева [42], О.И. Максименко [110], С.И. Мутаевой [126], Е.И. Свиридовой [158], Д.М. Соболева [169], Ю.М. Усмонова [177], Ju.V. Ranchinskaya [238] и др. Комплексный анализ средств имплицитного выражения отрицания в английском языке выполнен исследователем А.Т. Амировым [200]. В работах его последователей, как Ф.Г. Агакишиева [3], С. Азимова [6], О.С. Анисимова [20], С.А. Зыкова [80], А.А. Мусаева [125], Е.С. Ошанова [135], П.О. Россыйкин [155], Ф.Б. Ситдикова [163], А.В. Сытько [173], E. Klingvall [229], G. Magistro [232] и др., рассматривается прагматический аспект категории отрицания, реализующийся при помощи имплицитных средств отрицания. Семантические, прагматические и стилистические особенности английских структур, содержащих отрицание, и фактически передающих семантику утверждения исследуется в работах О.В. Смуровой [168], С.Х. Умаровой [176], Y. Shabanov [242], N. Tursunova [246] и др. Исследование функционирования экспрессивного отрицания рассматривается в работе К.Р. Керимова [92].

Актуальные сравнительно-сопоставительные исследования изучения категории отрицания изложены в трудах Г.Р. Абдуллиной [1], М.Д. Амони [12], Е.В. Андреевой [16], [17], [18], [19], Е.Д. Белоусовой [40], М.М. Добренко [72], Т.С. Игнатъевой [83], А.Д. Лоовой [105], З.А. Чоршанбиевой [190], Б. Элназарова [196] и др.

В.В. Юхт [197], анализируя формально-синтаксические и семантические особенности предложения, выделяет шесть типов общеотрицательных предложений на фактографическом материале из английского языка. Он

обозначает, что не только главные и второстепенные члены предложения, но и некоторые соединительные слова могут быть носителем синтаксически значимого отрицания. Ранее исследователи О. Есперсен [75], Б.А. Ильиш [84], Е. Клима [227] и другие обосновали случаи употребления общеотрицательных и частноотрицательных предложений в английском языке. Лингвистические факты из английского языка указывают на то, что не только глагол в отрицательном аспекте может быть показателем общего отрицания, но и существительное, и местоимение, и наречие.

англ. *I am **not** a family man in fact* [291, с. 53]. – Я могу жить и **без** семьи. Здесь отрицание предиката происходит при помощи отрицательной частицы *not*.

англ. ***Nothing** of the kind!* [291, с. 53]. – **Ничего** подобного! В предложении отрицательное местоимение является индикатором общего отрицания.

англ. *The Happy Prince **never** dreams of crying for anything* [291, с. 27]. – Бедный Принц **никогда ни** о чем **не** плачет. Показателем отрицания является отрицательное наречие *never*.

Е.В Падучева выделяет английский оборот *it is **not** the case that*, который, как правило, стоит в начале предложения и относится к средствам общего выражения отрицания. Согласно наблюдениям автора, «предложение общеотрицательное, если сферой действия в нем является все предложение, и частноотрицательное, если какой-то фрагмент смысла не входит в сферу отрицания» [138, с. 241–244]. Также автором уточняется о функционировании фразового ударения в выражении общеотрицательных и частноотрицательных предложений. В английском языке специальные предикаты, выраженные глаголами *believe* «верить, полагать», *mean* «означать, иметь в виду», *seem* «казаться, показаться», *suppose* «предполагать», *think* «думать, считать», *want* «хотеть, желать» способны смещать общее отрицание к частному. В связи с тем, что границы между общим и частным выражением отрицания, особенно в сложноподчиненных предложениях, стираются, стоит обратить внимание на утверждение О. Есперсена, что «<...> классификация не может быть основана

только на кратких и легко приложимых определениях <...>» [75, с. 6], она должна «учитывать, как форму, так и содержание» [Там же].

англ. *I don't think I like boys* [291, с. 31]. – Мне и не нравятся мальчишки, где частное отрицание выражено в глаголе.

англ. *I don't want you to go away* [288, р. 289]. – Я не хочу, чтобы ты покидал нас.

В чувашском языке для выражения общего отрицания достаточно отрицания грамматического предиката соответствующим средством отрицания, например: чув. *Анне Хусана кайнӑ* «Мама уехала в Казань» – *Анне Хусана кайман* – «Мама не уехала в Казань»; *Анне Хусантан килнӑ* «Мама приехала из Казани» – *Анне Хусантан килмен* «Мама не приехала из Казани». В этом случае отрицательным показателем грамматического предиката является внутриглагольный аффикс отрицания *-ма*. Частное отрицание подлежащего и второстепенных членов всегда сопровождается противопоставлением однородного члена, например, чув. *Вӑрманан Иван мар, Петӑр кайнӑ* «В лес ушел не Иван, а Петр». Поэтому конструкция типа *Анне Хусана мар кайнӑ* недопустима нормами чувашского языка. К тому же в конструкциях с частным отрицанием вместе с постпозитивной отрицательной частицей *мар* могут присутствовать усилительные частицы *кӑна*, *сес*, *анчах* в первом из двух однородных членов, например: чув. *Энӑ мар, эсӑ каятӑн Мускава* «Не я, а ты поедешь в Москву» – *Энӑ кӑна (сес, сех, анчах) мар, эсӑ те каятӑн Мускава* «Не только я, но и ты поедешь в Москву». Частицы *кӑна*, *сес*, *анчах* могут присутствовать вместе с показателем отрицания *мар* и при втором однородном члене (*кӑна мар*, *сес мар*, *анчах мар*), функция которых – не только противопоставить однородные члены предложения, но и добавить экспрессивности в предложение.

Так, в чувашском языкознании стоит выделить диссертационную работу Р.А. Мышкиной «Отрицание в структуре чувашского предложения», в которой автором описаны структурные модели предложений и средства их отрицания. Средства отрицания, в частности частицы, были отражены в трудах А.Б. Булатова [51], В.Г. Егорова [74], В.И. Сергеева [161], М.Р. Федотова [182]. Сравнительно-

историческое исследование частицы *mar* было проведено В.В. Барановой [38]. Статьи, где анализируются средства выражения категории отрицания на примере придаточных предложений в чувашском языке в сопоставлении с английским, написаны Р.А. Мышкиной [129], И.Г. Михайловой [121], Г.П. Петровым [143]. В статье Т.С. Игнатъевой [83] рассмотрены структурно-семантические особенности вопросительных предложений с отрицанием в английском и чувашском языках.

Таким образом, в чувашском языке проведены отдельные лексико-грамматические исследования категории отрицания. ИмPLICITное выражение отрицания в современном чувашском языке в настоящей диссертационной работе рассматривается впервые. В английском языке исследования категории отрицания представляют собой комплексный анализ, в котором рассмотрены грамматические, семантические, синтаксические показатели в аспекте отрицательности в предложении.

Из этого следует, что перед началом классификации содержательных структур языка необходимо располагать систематическими описаниями его формальных структур. На первом этапе изучения содержательной категории отрицания необходимо выделить его формальные единицы (маркеры отрицания), и только потом дать интерпретацию этим единицам. Категория отрицания, являясь многоаспектной и многогранной коммуникативно-прагматической категорией, определяется развитием объективной действительности с учетом психологического восприятия субъекта и выражается в процессе коммуникации под влиянием прагматических факторов как прямыми, так и косвенными средствами языка. Поэтому определять статус отрицания исходя из традиционных положений не совсем адекватно, так как отрицание – это «функциональная категория, выражающая некое отклоняющее, опровергающее отношение говорящего к высказыванию» [235, s. 237–252].

Опираясь на опыт предыдущих исследователей и принимая результаты современных сопоставительных изысканий, нами проводилось сравнительно-сопоставительное исследование категории отрицания с целью выявления общего и особенного в английском и чувашском языках.

§ 1.4. Каритив в английском и чувашском языках

Изучение каритива как сравнительного понятия предполагает, во-первых, глубокое осмысление сущности термина каритив, определение соответствующих контекстов, в которых заложены каритивные значения, во-вторых, определение специфичных средств каритивного значения для каждого из сопоставляемых языков. В научном обороте термин *каритив* появился сравнительно давно. Слово *каритив* происходит от латинского *carere* в значении «отсутствовать, недоставать» [252].

Результаты ранее проведенных исследований, посвященных каритивному значению, изложены в двух статьях. В первой статье автор В.В. Иванов анализировал морфемы, выражающие отрицательное значение при имени в сравнительно-историческом аспекте, затрагивая также выражение каритивного значения на примерах из индоевропейских языков и языков других семей [81, с. 5–59]. Автор второй статьи Т. Штольц дал комплексное типологическое исследование комитатива, инструменталиса и каритива [244, с. 63–122]. Сопоставительное исследование каритива проведено замечательным коллективом авторов (Н.М. Заика, С.Б. Клименко, С.А. Оскольская, М.Л. Федотов) в рамках фундаментальных научных исследований «Грамматическая периферия в языках мира: типологическое исследование каритивов» в 2018–2021 гг. Основные результаты исследований представлены в научных статьях на сайте проекта www.caritive.org [263].

Так, термин *каритив* встречается в описаниях языков Кавказа [127], Сибири [63], алтайских языков [68]. Вместе с термином *каритив* встречается синонимичный ему термин «абессив» (абэссив), который больше свойственен финно-угроведению [216], употребляющийся при глаголе. При описании языков Австралии и Новой Гвинеи, в частности австралийского языка, применяются термины «приватив» [213], «антикомитатив» [224], «деприватив» [233], в русскоязычной литературе иногда встречается также термин «лишительность» [81]. В статье исследователя А. Хамари находим традиционное определение

каритива. По мнению автора, для реализации каритивного значения необходимы соответствующие показатели, которые «используются для выражения отсутствия участника {...} или действия {...} в данной ситуации» [216, с. 37–84]. Под соответствующими показателями Ф. Карлссон имеет в виду, например, «падежные показатели» [225].

В связи с этим особого внимания заслуживает научный труд исследователя Л.С. Левитской, посвященный показателю *-сӑр (-сӗр)* в чувашском языке. В книге «Историческая морфология чувашского языка» автор выделяет так называемые совместный и лишительный падежи. Например, показатель лишительного падежа *-sər* на морфологическом и синтаксическом уровнях «генетически тождествен общетюркскому привативному *-süz/-siz*» [103, с. 24], комитативом которого является «показатель совместного падежа *-pa/-pe* и его алломорфы» [Там же]. Он по своим характеристикам аналогичен показателю *-ly/-li (-le)* в других тюркских языках» [Там же]. В англоведении наличествуют два показателя, выражающих каритивное значение: отрицательный суффикс *-less* и предлог *without*, участвующие в образовании отрицательных форм от именных частей речи.

В научной статье «Определение каритива как сравнительного понятия» авторы исследования (Н.М. Заика, С.Б. Клименко, С.А. Оскольская, М.Л. Федотов) приводят шесть контекстов, способствующих созданию каритивного значения при помощи определенных языковых средств.

Далее на примерах из английского и чувашского языков выясним, в каких случаях употребляется тот или иной показатель отрицательности для создания каритивного значения.

Первый контекст.

англ. *Ivan came **without** Mary.* – Иван пришел **без** Маши.

Ivan came with Mary. – Иван пришел **с** Машей.

чув. *Иван Машӑсӑр килнӗ.* – Иван пришел **без** Маши.

Иван Машӑна килнӗ. – Иван пришел **с** Машей.

В примерах из английского и чувашского языков представлен контекст, выражающий отрицание комитатива в его ядерном значении, т. е. в значении

спутника, где показателями каритивного значения являются предлог *without* в английском языке и аффикс лишительного падежа *-сӑр* в чувашском языке. Это связано с тем, что их можно сопоставить при помощи предлога *with* в английском языке и показателя совместного падежа *-на* в чувашском языке.

Второй контекст.

англ. *Accommodation needs to be found for thousands of homeless families.* – Необходимо найти жилье для тысяч **бездомных** семей.

чув. *Килсӑр-суртсӑр пин сын валли сурт тупмалла.* – Необходимо найти жилье для тысяч **бездомных** семей.

В примерах из второго контекста каритивное значение представляет собой отрицание посессивности, то есть отрицание легального владения, где показателями каритивного значения служат отрицательный суффикс *-less* в английском языке, аффикс отрицания *-сӑр* в чувашском языке.

Третий контекст.

англ. *Couples who are childless can feel excluded from the rest of society.* – **Бездетные** пары могут чувствовать себя изолированными от остального общества.

чув. *Ача-пӑчасӑр мӑшӑрсем хӑйсене ытти обществӑран уйӑрнӑ нек туйма пултараççӗ.* – **Бездетные** пары могут чувствовать себя изолированными от остального общества.

В третьем контексте представлена ситуация «отсутствие родственника». Каритивное значение выражается при помощи отрицательного суффикса *-less* в английском языке, аффикса отрицания *-сӑр* в чувашском языке.

Четвертый контекст.

англ. *An armless man and his blind best friend have planted over 10,000 trees in rural China.* – Преодолевая физические трудности, **безрукий** человек и его слепой товарищ посадили более 10000 деревьев в сельской местности Китая.

чув. *Алӑсӑр çынсене аран ёçe илеççӗ.* – **Безруких** (инвалидов) с трудом берут на работу.

В четвертом контексте представлена ситуация «отсутствие частей тела», каритивное значение выражено отрицательным суффиксом *-less* в английском языке, аффиксом отрицания *-сӑр* в чувашском языке.

Пятый контекст.

англ. *He came to **without** books today.* – Сегодня он пришел в школу **без** учебников.

чув. *Паян вӑл шкула учебниксем**сӑр** килчӗ.* – Сегодня он пришел в школу **без** учебников.

В пятом контексте представлена ситуация «отрицание временной принадлежности». Это значит, что предмет отсутствует в данной ситуации в указанном месте в конкретное время. Показателями каритивного значения являются предлог *without* в английском языке, аффикс лишительного падежа *-сӑр* в чувашском языке.

Шестой контекст.

англ. *Peter opened the door **without** keys.* – Петр открыл дверь **без** ключей.

чув. *Петӑр алӑка сӑра**ссисӑр** усрӗ.* – Петр открыл дверь **без** ключей.

В шестом контексте представлена ситуация «неучастие (невовлеченность) инструмента, реализующая каритивное значение при помощи предлога *without* в английском языке, аффикса лишительного падежа *-сӑр* в чувашском языке.

Исходя из классификации контекстов, реализующих каритивное значение, средства выражения данного значения в английском и чувашском языках частично идентичны. Это объясняется тем, что анализируемые языки относятся к разным морфологическим типам. Общим для двух языков является наличие таких показателей, как отрицательный суффикс *-less* и предлог *without* в английском языке, в чувашском языке – это аффикс *-сӑр* (*-сӑр*).

Выводы по первой главе

В первой главе осуществлен обзор научно-методической литературы по проблеме исследования, дана краткая характеристика сопоставляемых языков,

систематизированы концепции, рассматривающие категорию отрицания с древнейших времен по настоящее время. Каритивное значение как особый вид выражения отрицательного значения был сопоставлен нами на примере определенных контекстов в типологически разнотипных языках.

Как явствует из проведенного теоретического материала, в основу которого положено наше исследование, мы пришли к следующим выводам:

1) исследуемые языки представляют разные языковые семьи. Английский язык принадлежит к англо-фризской подгруппе западной группы индоевропейской языковой семьи, чувашский язык принадлежит к болгарским языкам тюркской группы алтайской семьи. Теоретический анализ источников исследуемых языков подтверждает тот факт, что английский и чувашский языки не имеют прямых контактов в межъязыковом пространстве, однако некоторые изоморфные явления, обнаруженные в каждом из сопоставляемых языков, наводит на мысль, что далеко неродственные языки идентичны в аспекте отрицательности;

2) исследования, направленные на описание древних философских концепций категории отрицания, показали, что сущность и сфера отрицания весьма обширны. Понять философскую природу отрицания немислимо через простые понятия, о чем свидетельствуют разнообразные точки зрения древних философов. Сходство философского и логического отрицания проявляется в «снятии» определенного признака или явления, превращая его в свою противоположность, тем самым делая суждение ложным, несуществующим, контрастным;

3) при рассмотрении категории отрицания в языковом плане следует учитывать, что отрицание имеет целый арсенал специфических особенностей, которые нельзя выразить с помощью простых логических понятий. Несмотря на то, что лексический пласт каждого из исследуемых языков подвергается постоянному пополнению и обогащению, традиционные средства выражения отрицания остаются неизменными и ярко выраженными, за исключением скрытых форм отрицания, которые требуют глубокого осмысления. По этой

причине исследование направлено на изучение категории отрицания с позиции когнитивной, коммуникативной, а также прагматической функций языка, так как категория отрицания охватывает все виды и способы организации в сознании человека лингвистических и экстралингвистических знаний, которые необходимы для осуществления успешной межкультурной коммуникации;

4) изучение категории отрицания актуально, что подтверждается современными сравнительно-сопоставительными исследованиями на примерах разноструктурных языков. Значимость изучения категории отрицания обусловлена тем, что концепт «отрицание» представляет собой единицу человеческого знания об *отсутствии, различии, несоответствии, разъединенности, небытии, неприсущности*, и манифестируется разноуровневыми средствами, создавая при этом универсальный когнитивный контекст, или ментальное пространство;

5) каритивное значение в типологически разноструктурных английском и чувашском языках имеет структурно-семантическое сходство, которое выражается при помощи отрицательного суффикса *-less* в английском языке и аффикса *-сӑр* в чувашском языке. Особенным для английского языка является наличие предлога *without*, который обнаруживается в трех контекстах из шести: отрицание спутника, отрицание временной принадлежности, отрицание неучастия, невовлеченности инструмента.

ГЛАВА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКСПЛИЦИТНЫХ СРЕДСТВ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

В первой главе нашего диссертационного исследования проведен теоретический анализ научной литературы, посвященный становлению категории отрицания в научной картине мира. Анализ теоретической литературы послужил основанием для осуществления сравнительно-сопоставительного анализа эксплицитных средств отрицания, а также выявления общего и особенного в типологически разноструктурных английском и чувашском языках.

Среди традиционных и современных положений при рассмотрении категории отрицания выделяются утверждения, в которых она рассматривается как «отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция» [46, с. 6–7], «отрицательные категорические суждения типа «S не есть P» отражают различные виды отсутствия, лишения, неприсущности, непринадлежности, несуществования признака P...» [50, с. 25–30], «одно и то же понятие может быть передано различными средствами, что наиболее наглядно выступает при сравнительных сопоставлениях материалов различных систем языков. В одних языках оно выражается в семантической группировке слов, в других те же нормы отражаются на грамматическом построении слов и словосочетаний в предложении и т. д.» [118, с. 58–61].

В качестве эмпирического материала для сравнения послужили примеры из оригинальной художественной литературы анализируемых языков, а также чувашских и английских компетентных словарей, учебных пособий по практической грамматике каждого из исследуемых языков.

§ 2.1. Средства выражения глагольного отрицания в английском и чувашском языках

В исследуемых английском и чувашском языках глагол представляет собой сложную категорию в грамматическом аспекте. *Глагол* – это самостоятельная знаменательная часть речи, обозначающая действие, состояние, свойство, отношение, признак. Залог, наклонение, лицо, число являются грамматическими признаками глагола.

В данном разделе проводится сопоставительный анализ средств выражения отрицания, образующие отрицательные формы глагола в английском и чувашском языках.

Известно, что индикатив (изъявительное наклонение) указывает на соответствие содержания высказывания существующему положению дел, поэтому позволяет объединить все имеющиеся в языке формы категории времени – именно здесь они выражены наиболее полно при помощи главного члена предложения – глагола.

В ходе анализа глагольных средств отрицания в типологически разноструктурных языках выявлено, что самыми продуктивными средствами являются частицы. «Частицы представляют собой разряд неизменяемых служебных слов, участвующих в выражении форм отдельных морфологических категорий, входя в состав слова <...>, либо присоединяясь к нему <...>. Они сигнализируют о коммуникативном статусе высказываний, которые могут квалифицироваться как «вопросительные и/или отрицательные» [131]. Частицы также выражают «отношение высказывания и/или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому, так называемые, модальные частицы» [Там же].

Так, в современном английском языке выражение отрицательного значения глагола в изъявительном наклонении достигается при помощи отрицательной частицы *not*. Наряду с полной формой, например, *we do not go*, имеется редуцированная форма *we don't go*, которая характерна для разговорной речи и

считается менее выразительной по сравнению с полной формой *not*, которая предпочтительна в официальной и письменной речи.

англ. *Ah. Chere Madame, quelle surprise!* – Дорогая моя, какой сюрприз!

*I have **not** seen you since Berlin!* [290, р. 11] – Я **не** видел вас с нашей последней встречи в Берлине!

англ. *I adore political parties!* – Я восхищаюсь политическими партиями!

*They are the only place left to us where people **don't** talk politics* [290, р. 12]. – Политические партии – это единственное место, где **не** поднимают вопросы политики.

англ. *It **won't** be easy to find another secretary* [251]. – Будет **нелегко** найти другого секретаря.

В отличие от английского языка, в чувашском языке образование отрицательных форм глагола реализуется в основном при помощи внутриглагольного аффикса *-ма (-ме)*, который может выступать в зависимости от фонетических позиций в виде *-мас (-мес)*, *-м*. При помощи данного аффикса образуются «отрицательные формы настоящего-будущего времени, будущего времени, прошедшего категорического времени, прошедшего субъективного времени (выраженного при помощи аффикса причастия *-нӑ (-нӛ)*), прошедшего постоянного времени I, прошедшего постоянного времени II и несколько форм давнопрошедшего времени» [101, с. 60–64].

чув. *Шӑтӑклӑ шӑрса сӑрте выртмасть тенӑ ваттисем* [284, с. 6]. – Старики говорили, что бусы с дырками **не** лежат на земле.

чув. *Ун синчен пӑр самант та манма юрамасть* [279, с. 30]. – Об этом **нельзя** забывать ни на минуту.

чув. *Тараев ним те шарламарӑ. Те ёненчӑ вӑл сав сӑмахсене, те ёненмерӑ* [279, с. 31]. – Тараев **ни** слова **не** проронил. То ли поверил он тем словам, то ли **не** поверил.

Сослагательное наклонение выражает ситуацию, которая не принадлежит к нашему реальному миру. Значение сослагательного наклонения сильно зависит от того, употребляется ли оно в независимой предикации или в придаточном

предложении. В нашем случае анализируются придаточные предложения условия. В научной статье авторы Р.А. Мышкина, И.Г. Михайлова проанализировали придаточные предложения с семантикой условия в английском языке в сопоставлении с чувашским языком в структурно-семантическом аспекте. На основании проведенного исследования мы выявили, что в современном английском языке отрицательные формы глагола в аспекте условности образуются при помощи показателя *not*, в чувашском языке – инфиксацией показателя отрицания *-ма (-ме)*.

чув. *Сёклеймесен ним те пулмасть, сёклесессён... каламастӑп* [279, с. 43]. – Если **не** поднимешь, ничего тебе не будет, а если поднимешь...не скажу.

чув. *Лӑпланмасан эфир сире ситес пристаньрех антарса хӑваратпӑр* [272, с. 27]. – Если **не** успокоитесь, мы вас высадим на следующей же пристани.

чув. *Ытах нит чӑрӑлмесен, автоллӑ сӑтӑк сунтарса карбюратора ӑшӑтаттӑмӑр, свечана хӑртеттӑмӑр* [283, с. 55]. – Если уж совсем **не** заводилась, подогревали карбюратор и свечи, подпалив ветошь с автолом.

англ. *We'll have the party in the garden as long as it doesn't rain* [251]. – Вечеринка будет у нас в саду, если **не** будет дождя.

англ. *If I wouldn't work for them (even) if they paid me twice my current salary* [251]. – Даже если бы я на них **не** работал, они заплатили бы мне вдвое, чем я получаю сейчас.

англ. *If ye be not afraid ye can kill them in the shallows* [289, с. 171]. – Если вы **не** боитесь, то можете убить их на мелководье.

Как видно из примеров, сопоставляемые языки структурно не идентичны в плане выражения реального и нереального действия в отрицательном статусе. В английском языке аспект отрицательности достигается при помощи отрицательной частицы *not*, в чувашском языке – аффикса отрицания *-ма (-ме)*.

Идея запрета как одно из значений повелительного наклонения реализуется при помощи обязательного вспомогательного глагола *do* и отрицательной частицы *not*, которая характерна для формального стиля общения. В английском языке сокращенная форма *don't* употребляется в разговорной речи.

англ. *Don't leave the door open* [251]. – **Не** оставляйте дверь открытой.

англ. *Do not make coffee with boiling water* [251]. – **Не** готовьте кофе на кипяченой воде.

англ. *Do not forget me!* [291, с. 25] – **Не** забывайте меня!

Интересные особенности выражения аналогичной семантики находим у форм повелительного наклонения в отрицательном статусе в чувашском языке. Они образуются посредством специальных частиц – препозитивной отрицательной частицы *ан* и постпозитивной отрицательной частицы *мар*, например, *ан кай* – **не** уходи, *каяр мар* – **не** пойдём.

чув. *Варуца сӑкӑр ан ситӑр тесе ласса хупнӑ* [284, с. 69]. – Варюху закрыли в хлеве, чтобы она **не** ела хлеб.

чув. «*Ан вӑлерӑр! Тархасшӑн, чӑррӑн хӑварӑр!*» – *ӱкӑтлеме тытӑнчӑ вӑл* [280, с. 125]. – «**Не** убивайте! Пожалуйста, прошу, оставьте в живых!», – начал он уговаривать.

Отметим, что в случае употребления постпозитивной отрицательной частицы *мар* семантика запрета снимается и предложение приобретает значение побуждения к действию.

чув. *Атя каяр, хӑр нике-ташӑсӑ сук кунта* [283, с. 52]. – **Давай** пойдём, здесь нет девушек, с которыми можно потанцевать, где значение побуждения к действию выражается глаголом *кай* в повелительном наклонении.

чув. *Урӑх сӑре кусса каяр мар-и?* [285, с. 127] – **Не** переехать ли нам в другое место? Аналогичное значение интенсифицировано при помощи постпозитивной отрицательной частицы *мар* и модальной частицы *-и*, функция которой заключается во внесении в предложение значения сомнения и колебания в совершении действия.

В английском и чувашском языках значение запрета можно выразить при помощи иных средств отрицания, например, детерминатива *no* в сочетании с вербоидом и лексемы *юрамасть* соответственно.

чув. «*Сана кӑртмесӑсӑ унта. Юрамасть. Хӑрарӑм алтаре кӑрсенех аса сапатӑ*», – *ёнентерӱллӑ каларӑ Митя* [284, с. 171]. – «Тебя не впустят туда.

Нельзя. Как только женщина войдет в алтарь, то ее ударит молния», – с уверенностью сказал Митя.

чув. «*Ан тив, – пуса кăкăрĕ сумне пăчăртарĕ Лива, – Тур пурнĕ телее тивме юрамасть*» [283, с. 55]. – «Не трогай, – прижала Лива мою голову к груди. – Счастье, дарованное Богом, **нельзя** трогать».

чув. *Ирхине мана пурнĕр тьтса каясĕ... Сук, сук, унчен тăхтаса тăма юрамасть! Халех, сак самантрах тухса шăвăнас пулать!* [272, с. 5] – Утром меня все равно заберут... Нет, нет, **нельзя** ждать до этого момента! В данный же миг надо удалиться.

англ. *No smoking!* [251] – Курение **запрещено!**

англ. *No fishing!* [251] – Ловить рыбу **запрещено!**

В английском языке для выражения семантики *запрета* также используется модальный глагол *must*, который употребляется в соответствии с правилами и законами языка. Отрицательная форма модального глагола образуется при помощи отрицательной частицы *not*.

англ. *You must not park outside the entrance* [251]. – Парковаться у входа **запрещено!**

англ. *You must not make noise after 9 o'clock* [251]. – Шуметь после 9 часов **запрещено!**

Изучив семантику запрета на материале аутентичных примеров, мы выявили, что общим для двух языков является наличие отрицательных частиц. К тому же в английском языке отрицательная частица *not* может иметь сокращенную форму, что недопустимо в чувашском языке. Дополнительными средствами выражения запрета в двух генетически неродственных языках являются лексема *юрамасть*, детерминатив *но* и модальный глагол *must*.

Специфичная особенность английских глаголов в том, что отрицательная форма образуется при помощи префиксов с отрицательной семантикой. Данная особенность не распространяется на чувашский язык, так как ведущим способом словообразования и словоизменения является аффиксальный.

В современном английском языке к префиксам с отрицательной семантикой относят *dis-*, *mis-*, *un-*. Префикс *under-* употребляется в значении *не до конца*, например, *qualify* «квалифицировать» – *disqualify* «дисквалифицировать», *trust* – «доверять» – *mistrust* «не доверять», *do* «делать» – *undo* «не делать», *cook* – «готовить» – *undercook* «недоготовить». Префикс *un-* обладает противительным значением, то есть, присоединяясь к основе глагола с имплицитным выражением значения отрицания, глагол приобретает положительный смысл, например, *cover* «закрывать» – *uncover* «открывать».

Рассмотрим данные префиксы на аутентичных английских примерах.

англ. *We disagree on most things, but on this question we are at one with each other* [251]. – Мы **не** соглашаемся по многим вопросам, но именно по этому вопросу мы пришли к единому мнению.

англ. *Unscrew the gas cap* [251]. – **Открути** крышку бензобака.

англ. *He is fond of being misunderstood* [290, p. 18]. – Ему нравится, когда его **недо**понимают.

В отличие от английского языка, в чувашском языке способ префиксации не является распространенным, за исключением одного показателя, префикса *ни-*. Он образует отрицательные формы исключительно от вопросительных местоимений и наречий, например, *кам?* «кто?» – *никам* «никто», *мён* «что?» – *нимён* «ничто, ничего», *хăсан* «когда» – *нихăсан* «никогда».

Общее сходство разноструктурных языков проявляется в выражении значения *не имеется в наличии / отсутствует*, где отрицательными показателями являются частицы и детерминатив *no* в английском языке. В английском языке, как правило, данная конструкция состоит из оборота *there is / are*, где *there* – это наречие места, *is / are* – глагол в настоящем времени, образованный от начальной формы глагола *to be*, употребляющийся в прошедшем времени в виде *was/were*, в будущем времени – *will be*. Отрицательные формы образуются при помощи предикативной отрицательной частицы *not* и детерминатива *no*, например, *there is no* и *there is not*. Обе конструкции допустимы, однако употребляются в разных контекстах. Конструкция *there is no*

применяется для указания на отсутствие чего-либо, фраза *there is not* приемлема в тех случаях, когда отрицается факт существования чего-либо. В сопоставляемом чувашском языке аналогичная семантика выражается при помощи постпозитивной отрицательной частицы *сук*, специфичная особенность которой принимать как модальные частицы, так и образовывать форму прошедшего времени, например, *сук-и?* *сук-ха*, *сук-ши?* *сукчĕ* (форма прош. вр). В ходе анализа чувашских примеров выявлено, что показатель *сук* преобразуется в имя существительное *сукки* со значением *то, чего нет / отсутствие*.

англ. *There is **not** a single cloud in the sky* [291, с. 29]. – На небе **нет ни** облачка.

англ. <...> *and I am afraid that after I have mended my barn-roof there **won't** be any left for you to mend the wheelbarrow with* [292]. – После того, как я закончу чинить крышу амбара, ты **не** сможешь починить тележку, так как у тебя **не** останется материала для ремонта.

англ. *There was **no** other sound save the sound of a wave fretting the smooth pebbles below* [291, с. 142]. – **Не** было слышно **ни** звука, кроме шума волн, разбивающихся о прибрежную гальку.

чув. «*Ахалех кутӑнланатӑн, Михаля. Ман енчен пӑр ултав та сук*», – *терӑ Иванюк* <...> [284, с. 71]. – «Напрасно упрямисься, Михаля. С моей стороны **нет** никакого обмана», – сказал Иванюк.

чув. «*Ыйтусем сук-и?*» – *ыйтрӑ Виктор* [279, с. 55]. – «**Нет** ли у вас еще вопросов?» – спросил Виктор.

чув. *Иртнӑ суркуннехи сурасем хӑмӑр пулмаллаччӑ, ун пеккисем пачах сук* [279, с. 63]. – Рожденные прошлой весной детеныши были коричневыми, но таких **нет** совсем.

Стоит отметить, что английский и чувашский языки различают средства выражения отрицания при неформальном и формальном стилях общения.

В английском языке в процессе неформального стиля общения значение *потенциальной возможности совершения действия* выражается при помощи

модального глагола *can (could)* в настоящем и прошедшем времени посредством отрицательной частицы *not*.

англ. *Why can't you be like the Happy Prince?* [291, с. 27]. – Почему ты **не** можешь быть похожим на Счастливого Принца?

англ. *I am sure the clergyman himself could not say such beautiful things as you do* [291, с. 98]. – Я серьезно говорю, что даже священник **не** может так красиво говорить, как это делаешь ты.

англ. *I delight in talking politics. I talk them all day long. But I can't bear listening to them* [290, р. 23]. – Я в восторге, когда говорят о политике. Я могу говорить о ней весь день. Однако я **не** в состоянии выслушивать их речь.

В чувашском языке аналогичная семантика реализуется при помощи аффикса возможности совершения действия *-ай (-ей)*. Внутриглагольный аффикс *-ма (-ме)* и его алломорфы в виде *-мас (-мес)*, *-м* участвуют в осуществлении значения *потенциальной невозможности совершения действия*.

Относительно значения аффикса *-ай (-ей)* существуют два подхода в чувашеведении. Во-первых, аффикс *-ай (-ей)* рассматривается в качестве аффикса с семантикой *желание совершить какое-либо действие*, во-вторых, в качестве аффикса в значении *возможности совершения действия*. Мы солидарны с языковедом Э.Е. Лебедевым склоняемся к тому, что аффикс *-ай (-ей)* – это аффикс, употребляемый в значении *возможности совершения действия*.

чув. «*Ку ача Иванна Альтик нек илемлӗ пулаймасть*», – *хурлӑхлӑн каланӑ Праски* [284, с. 10]. – «Этот ребенок **не** может стать таким красивым, как Иван и Альтик», – расстроилась Праски.

чув. *Эпӗ сылтӑм ура сине пусаймастӑп та* [284, с. 12]. – Я и **не** могу (не в состоянии) наступать на правую ногу.

чув. *Питӗ кансӗр ӗс пулчӗ ку – сӗс кантра питӗ хытса ларнӑскер иккен, савӑнна та пӗчӗк сӗсӗ ӑна ниенле те час татаймарӗ* [272, с. 6]. – Эта была очень тяжелая работа – оказывается, пеньковая веревка была очень затвердевшей, поэтому маленький нож **никак не** смог ее отрезать.

В английском языке в рамках формального стиля общения принято употреблять модальный глагол *to be able to*, образующий формы в настоящем, прошедшем и будущем времени, например, *I am able to* «я могу что-либо сделать», *I was able* «я мог что-либо сделать», *I will be able to* «я смогу что-либо сделать». Он является эквивалентом модального глагола *can*. Значение *потенциальной невозможности совершения действия* выражается при помощи отрицательной частицы *not*.

англ. *I am very sorry but I am **not** able to give you that information* [251]. – Я очень извиняюсь, но я **не** могу вам дать эту информацию.

англ. *I'm sorry that I wasn't able to phone you yesterday* [251] – Извиняюсь, что **не** смог позвонить вам вчера.

В чувашском языке при формальном стиле общения соответствующее значение передается при помощи инфинитива на *-ма (-ме)*, причастия на *-и*, а также вспомогательного глагола *пул*, например, *курма пултараймастӑн* «не могу видеть», *килме пӗлеймерӗ* «**не** смог прийти», *курми пултӑм* «стал **невидящим**». Последняя форма причастия не употребляется в утвердительной форме, а только в отрицательном статусе.

чув. *Икӗ-виçӗ кунтан эӗ курми те пултӑм* [284, с. 177]. – Через два-три дня я уже **не** могла видеть.

чув. *Арсынна хирӗç тӑма пултараймастӑр!* [284, с. 27]. – Вы **не** можете противостоять мужчине!

чув. *Манӑн сурӑх хамӑн та иккех, виçсӗччӗ, пӗри вилчӗ, сурӑх пама пултараймастӑн* [284, с. 53]. – У меня две овцы, а было три, одна умерла, отдать **не** могу **ни** одной.

чув. *Эӗ чӑвашла каласа пама пултараймастӑн <...>* [284, с. 66]. – Я **не** смогу рассказать вам об этом на чувашском языке.

Схематическое изображение средств глагольного отрицания в исследуемых языках представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Глагольные средства отрицания в английском и чувашском языках
(количественный анализ)

Сфера действия отрицания	Языки	Найдено всего, ед.	В процентах от общего числа единиц
Английский язык			
Изъявительное наклонение Условное наклонение Семантика <i>потенциальной возможности совершения действия</i>	отрицательная частица <i>not</i>	505	43,0
Императив	отрицательная частица <i>not</i> ; детерминатив <i>no</i> в сочетании с герундием	403	33,6
Семантика <i>не имеется в наличии / отсутствует</i>	отрицательная частица <i>not</i>	151	12,6
Отрицательные префиксы	<i>dis-, mis-, un-, under-</i>	142	11,8
Чувашский язык			
Изъявительное наклонение Условное наклонение Семантика <i>потенциальной возможности совершения действия</i>	аффикс отрицания <i>-ма (-ме)</i> и его алломорфы <i>-мас (-мес), -м</i>	458	47,3

Императив	препозитивная отрицательная частица <i>ан</i> ;	167	17,2
	постпозитивная отрицательная частица <i>мар</i> ;	105	10,8
	лексема <i>юрамасть</i>	94	9,7
Семантика <i>не имеется в наличии / отсутствует</i>	Постпозитивная отрицательная частица <i>сук</i>	143	14,8

Таким образом, в ходе сопоставительного анализа глагольного отрицания мы пришли к следующим результатам:

1) продуктивными средствами глагольного отрицания в двух сопоставляемых языках являются: в английском языке – это отрицательная частица *not* (43,0 %), в чувашском языке – это аффикс отрицания *-ма* (*-ме*) и его алломорфы *-мас* (*-мес*), *-м* (47,3 %);

2) в индикативе отрицательная форма английского предиката образуется двумя способами: аналитическим и синтетическим. К аналитическому способу относится отрицательная частица *not*, к синтетическому способу – префиксы с отрицательной семантикой, например, *dis-*, *mis-*, *un-*, *under-*. В отличие от английского языка, в чувашском языке преимущественно преобладает синтетический способ, представленный аффиксацией в виде показателя отрицания *-ма* (*-ме*) и его алломорфов *-мас* (*-мес*), *-м*;

3) в императиве идея *запрета* выражается при помощи английской отрицательной частицы *not*, в чувашском языке – это препозитивная частица *ан* и *мар*. Постпозитивная отрицательная частица *мар* употребляется в обратном значении *желания совершить действие*;

4) идея *запрета* выражается иными средствами в исследуемых языках: в чувашском языке – это лексема *юрамасть*, в английском языке – детерминатив *no* в сочетании с герундием;

4) сокращенные формы глагола в отрицательном аспекте не выявлены в чувашском языке, в отличие от английского языка. В английском языке краткие формы являются показателями неформального стиля общения;

5) значение *потенциальной невозможности совершения действия* аналогично в английском и чувашском языках. Основным различием в двух языках является средство выражения отрицания: в английском языке – это отрицательная частица *not*, в чувашском языке – это аффикс отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфы *-мас (-мес)*, *-м*;

6) в чувашском предложении семантика *не имеется / отсутствует* выражается при помощи постпозитивной отрицательной частицы *сук*, функционирующая в качестве главного члена предложения – глагола, в английском языке аналогичная семантика осуществляется также при помощи отрицательной частицы *not* в обстоятельственном обороте *there is / are*;

7) специфичная особенность английского языка заключается в том, что способ префиксации является одним из доминирующих, в чувашском языке словообразование и словоизменение осуществляется при помощи аффиксации;

8) в английском языке отрицательная форма семантики *условности, индикатива, императива, потенциальной возможности совершения действия* реализуется при помощи отрицательной частицы *not*, в чувашском языке аналогичные значения выражаются при помощи аффикса отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфов *-мас (-мес)*, *-м*.

Далее рассмотрим функционирование *инфинитива, причастия, герундия, деепричастия, имени действия* в аспекте отрицательности.

Чувашеведы Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, И.П. Павлов, В.И. Сергеев и др. провели комплексные исследования функционирования инфинитива в предложении, а также выделили его базовые средства в отрицательном статусе.

В чувашском языке инфинитив – это неизменяемая глагольная форма, не имеющая определенного отношения к лицу, отличается своим происхождением, формообразованием, функционированием в синтаксических конструкциях.

Исследователь И.П. Павлов пишет: «Форма чувашского инфинитива состоит из основы глагола и формативов *-ма (-ме)*, *-машкӑн (-мешкӑн)*, восходящих к архетипу *-мак (-мек)* [63, с. 195]. По наблюдениям И.А. Андреева, инфинитивы «занимают промежуточное положение между глаголами и отглагольными именами и в предложении могут быть подлежащим, дополнением и определением, например, *сулла ялта пурӑнма лайӑх, кунта чӑлем туртма юрамасть*» [15, с. 195]. В научном труде В.И. Сергеева «Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение, формообразование» описаны аффиксы, которые могут присоединяться к формооснове *-ма (-ме)*. По мнению автора, «формооснова *-ма (-ме)* представляет собой категориальную форму инфинитива и может присоединять аффиксы уподобления *-ла (-ле)*, *-лла (-лле)*, лишительного падежа *-сӑр (-сӑр)*, *-машкӑн (-мешкӑн)*, *-лӑх (-лӑх)*, *-ах (-ех, -х)*» [161, с. 322]. Так, В.Г. Егоров приводит интересные факты профессора Н.И. Ашмарина относительно инфинитива в чувашском языке. В.Г. Егоров отмечает, что, по наблюдениям Н.И. Ашмарина, в чувашском языке нет инфинитивных форм, за исключением одного случая, когда форма на *-ма (-ме)* обозначает цель действия при глаголах движения. В иных случаях глагольные формы на *-ма (-ме)* он называл «супинами» [117, с. 213], видимо, по примеру латинских грамматик. В грамматике латинского языка *супин* – это «неизменяемая глагольная форма, обозначающая цель действия при глаголах движения» [Там же]. В.Г. Егоров не согласен с мнением Н.И. Ашмарина и пишет: «<...> эта форма употребляется и при других глаголах для обозначения не цели действия, но и просто всякого действия без указания лица, числа и времени, т. е. в значении инфинитива, или неопределенной формы: *ёслеме пушла* – начинай работать. *Ача чӑтреме чарӑнчӑ*. – Ребенок перестал дрожать. Поэтому форму на *-ма (-ме)* называть супином не совсем точно, <...> более целесообразным называть ее инфинитивом, или неопределенной формой» [Там же, с. 213–214]. Особенность чувашского

инфинитива в том, что он склонен к субстантивации, то есть «некоторые глаголы перешли в разряд существительных с семантикой продукта, результата действия, назначения или орудия действия, например, существительное *йсма* – черпак, образованное от глагола *йс* – черпать, сущ. *чёрме* – подрез у саней, образованное от глагола *чёр* – чертить, царапать» [Там же, с. 214–215]. К тому же В.Г. Егоров отмечает, что «отрицательная форма на *-ма* (*-ме*) не имеет отрицательной формы» [Там же, с. 213].

Отличительным внешним признаком английского инфинитива является частица *to*, не имеющая как самостоятельного значения, так и ударения. Английский инфинитив имеет видовременные формы, залог, аналогично чувашскому инфинитиву, субстантивируется или подвергается номинализации, например, инфинитив *to develop* «развивать» – существительное «*development*» развитие, инфинитив *to teach* «учить» – *teacher* «учитель». Отрицательная форма английского инфинитива образуется при помощи отрицательной частицы *not* во всех временных формах глагола действительного и страдательного залога. К тому же местоположение английской отрицательной частицы *not* может меняться. В чувашском языке постпозитивная отрицательная частица *сук* передает значение *трудности исполнения действия*, выраженного инфинитивом в функции главного члена односоставного предложения. Семантика *противопоставления значительного действия незначительному* выражается при помощи постпозитивной частицы *мар*, которая присоединяется к глаголу с незначительным действием.

Рассмотрим частицы, образующие отрицательные формы инфинитива в разноструктурных языках.

англ. *To not realize what was happening was stupid. She should have noticed something was wrong* [251]. – **Не понимать**, что происходит, было глупо. Она должна была заметить, что что-то не так, или

Not to realize what was happening <...> [251]. Эта форма инфинитива в отрицательном статусе считается не этикетным примером, показателем небрежности в речи и грамматике, однако допустимой.

чув. *Икĕ хутчен харĕсах хĕнана пыни питех мар та-ха, ним тума та сук, пырас пулĕ* [279, с. 97]. – Два раза ходить в гости подряд – не очень-то хорошо, но **ничего не** поделаешь, пожалуй, приду.

чув. *Тепĕр чухне тĕшмана сĕнтерме пулать, анчах ыйха сĕнтерме сук* [273, с. 38]. – Иногда можно победить врага, но **невозможно** победить сон.

чув. *Чылайчен ларчĕ вĕл шарламасĕр, унтан тĕруках Хумкка енне саврĕнчĕ* [284, с. 55]. – Он долго сидел, **не** разговаривая, а потом вдруг повернулся к Хумкке.

Сочетание формоосновы на *-ма (-ме)* и отрицательной частицы *сук* образует аналитическую форму усиления качества прилагательных: *калама сук пысăк* – очень большой (букв. «такой большой, что выразить невозможно»).

чув. *Калама сук хытĕ сухăрчĕ* [279, с. 311]. – Кричал **очень громко**.

чув. <...> *чĕрĕш айĕнче пытанса тĕракан сынсем патне калама сук хĕвĕрт сывхара пусларĕс* [279, с. 282]. – <...> стали **стремительно** приближаться к спрятавшимся людям под елкой.

чув. *Анчах Михала лесникра ёслени арĕмне асаплантарма кĕна мар, пуйма та пулĕшнĕ* [279, с. 13]. – Но работа лесником помогла Михаилу **не** только мучить жену, **но** и разбогатеть.

На основании вышеприведенных примеров из разноструктурных языков можно заключить, что чувашский язык богат средствами отрицания инфинитива, которые представлены постпозитивными частицами *сук* и *мар*, аффиксом отрицания *-сĕр (-сёр)*, в отличие от английского языка, где в основном участвует только отрицательная частица *not*. Отличительным признаком образования отрицательных форм инфинитива в английском языке является то, что частица *not* может менять свое местоположение, создавая эффект усиления негативного значения, выраженного инфинитивом. Общая особенность инфинитива в исследуемых языках заключается в том, что он склонен к субстантивации.

В чувашском языке как формы, так и значения причастий разнообразны и каждая отдельная форма отличается средствами выражения отрицания в предложении. И.А. Андреев тщательно изучал формообразование, функции и

особенности употребления причастий в чувашском языке. Особый интерес вызывают те формы причастия, которые употребляются только в отрицательном статусе. Такие формы причастия в основном встречаются в фольклоре, в официальной речи, как правило, не используются.

Далее рассмотрим разнообразные отрицательные формы причастия в чувашских предложениях.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени, имеющая формооснову на *-нй* (*-нĕ*), образуется при помощи алломорфа *-м* между основой глагола и аффиксом причастия. Иногда к причастному аффиксу *-нй* (*-нĕ*) добавляется показатель усиления значения причастия аффикс *-ах* (*-ех*).

чув. *Тул сұтӑлнӑ-сұтӑлманӑх полк сывӑлаша сӗкленчӗ* [280, с. 124]. – **Едва рассвело**, полк поднялся в воздух.

чув. *Юр ирӗлнӗ-ирӗлменех ешӗл курӑкпа витӗннӗ сӑрт самкинче лапталла вылянисем* <...> [283, с. 52]. – **Как только растаял снег**, на склонах гор, покрытых зеленой травой, <...> игры в лапту.

Причастие настоящего времени на *-ан* (*-ен*) приобретают отрицательную семантику при помощи алломорфа *-м*, который вставляется между основой и аффиксом причастий. В.Г. Егоров в разделе «Глагол» отмечает, что данная форма встречается в «устойчивых привычных фразеологических сочетаниях» [117, с. 219], «форма весьма употребительна в фольклоре» [Там же].

чув. *Тухман сын тухсан тӑман тухать тет* (поговорка). – Если выйдет **домосед**, то быть пурге [Там же].

чув. *Туман тиха пилӗкне ан хуҫ* (пословица). – Делить шкуру **неубитого** медведя [Там же].

Исследователь чувашского причастия И.А. Андреев выделяет три средства, выражающих отрицательное значение для причастий будущего времени на *-ас* (*-ес*), (*-с*), например, прибавление аффикса отрицания *-ма* (*-ме*) между основой и аффиксом причастий.

чув. *Кунта ӑна хӑй некех сӑмламас пуҫӑ икӗ самраҫ кӗтсе тӑнӑ* [280, с. 98]. – Здесь его ждали два молодых **небритых** человека, как он сам.

чув. *Юрламас юррӑма юрларӑм / Анпапа йысна кӑмӑлӗшӗн.* – Ради сестры и зятя я спела песню, которую я **никогда не** пою [117, с. 224]. Данная отрицательная форма причастия употребляется редко, в основном в фольклоре.

В современном чувашском языке продуктивными средствами являются постпозитивные отрицательные частицы *сук* и *мар*, например, «*калас сӑмах* – слово, которое хочется сказать, *калас мар сӑмах* – слово, которое не хочется сказать, *сиес апат* – пища, которая будет съедена и *сиес сук апат* – пища, которая не будет съедена» [14, с. 159].

чув. *Пурне те калама сӑмах та ситес сук <...>* [280, с. 124]. – И слов **не** хватит, чтобы всем все рассказать.

чув. «*Хура карапӑл*» вилчӗ, вӑл нихсан та сирӗнне сӑпӑсас сук сӗкленчӗ [280, с. 126]. – «Черный корабль» побит, он **никогда не** сразится с вами.

чув. *Кампура сутас мар тесе асаттене питӗ йӑлӑнтӑм, йӗрсе те пӑхрӑм, асатте сутмарӗ вара* [284, с. 259]. – Я очень умоляла дедушку, чтобы он **не** продавал Кампура, даже плакала, ну дедушка и не продал.

чув. «*Текех хӑрас марчӗ ёнтӗ*», – *шутлатӑп хам йшӑмра* [284, с. 126]. – «Больше бы так **не** бояться», – думаю я про себя.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-нӑ* (*-нӗ*), причастия настоящего времени на *-ан* (*-ен*), причастия будущего времени на *-ас* (*-ес*), (*-с*) образуется посредством аффикса *-ма* (*-ме*) и его алломорфов. Последняя форма также приобретает отрицательное значение при помощи постпозитивных отрицательных частиц *сук* и *мар*.

В исследовании чувашского причастия выделяют два вида причастия притворного действия. Обе разновидности встречаются в современном чувашском языке, но отличаются по отдельным говорам. Отрицательная форма причастия притворного действия на *-анси* (*-енси*) образуется при помощи аффикса отрицания *-м*, вставляемого между глагольной основой и причастным аффиксом.

чув. <...> *Ял пунне курсан утатчӗ курманси пек инсетрен.* – Если увидит, бывало, попа, то делал вид, что **не** замечает его, и проходил стороной [117, с. 232].

Причастие притворного действия на *-иш* образует отрицательную форму путем добавления аффикса *-м*, вставляемого между глагольной основой и причастным аффиксом, например, *пёл-иш* «притворяющийся знающим» – *пёл-м-ёш* «притворяющийся незнающим»; *кур-иш* «притворяющийся видящим» – *кур-м-ёш* «притворяющийся невидящим». Утвердительная форма этого причастия не имеет сингармонических вариантов аффикса *-иш*. В современном чувашском литературном языке утвердительная форма встречается очень редко, так как аффикс *-иш* «непродуктивен и нерегулярен» [14, с. 242–243].

чув. *Малтанах Нина илтмёш пулчё*. – Вначале Нина притворилась неслышащей [117, с. 232].

Причастие на *-асшён* (*-есшён*) образует отрицательную форму при помощи постпозитивной отрицательной частицы *мар*.

чув. *Хёрах айккинелле тайълнипе «Як» руле пёхёнасшён мар, кёшт йёнашсанах сёре анса ларас вырённе сунатпа сёре пырса сапёнма пултарасть* [281, с. 125]. – Из-за наклона в одну сторону «Як» **не** подчиняется рулю, может удариться крылом в землю вместо безопасного приземления.

Причастие долженствования на *-малла* (*-мелле*) также образует отрицательную форму при помощи постпозитивной отрицательной частицы *мар*.

чув. *Курёнмалла мар вырёна, алёк сывёхнерех, вырнасать: «Тёпеле хёнасем ларччёр. Мана, ял сыннине, кунта та юрать»* [283, с. 56]. – Устраивается ближе к двери, на место, откуда его **не** видать: «В красный угол пусть гости усаживаются. Мне, сельчанину, и здесь сойдет».

чув. <...> *Генерал самолетне те кусран вёсертмелле мар, таврара мён пулса иртнине те вёхётра асёрхамалла <...>* [280, с. 126]. – Генералу надо и **не** спускать глаз с самолета, и вовремя замечать происходящее.

Это не единственное средство отрицания причастия долженствования. Если причастие долженствования сопровождается вспомогательным глаголом *пул*, то средство отрицания может примыкать как к причастию, так и к глаголу, в последнем случае участвует не частица *мар*, а препозитивная частица *ан*.

чув. *Юрѣ, кайтӑр, урӑх нихсан та курмалла ан пултӑр, анчах чӑрӑ юлтӑр, сывӑ юлтӑр* [273, с. 37]. – Хорошо, пусть уходит, лучше никогда больше **не** увидеть, но чтобы остался живым, здоровым.

чув. *Анчах асту, тискер кайӑк шӑлӑ хушшине хӑсӑнмелле ан пултӑр* [279, с. 51]. – Только смотри, чтобы **не** застрял между зубами зверя.

В английской грамматике выделяют два вида причастия: Participle I (причастие настоящего времени с показателем *-ing*) и Participle II (причастие прошедшего времени, имеющее две формы в зависимости от глагола: правильный глагол имеет окончание *-ed*, неправильный глагол преобразуется в третью форму глагола). Обе формы функционируют в качестве определения и обстоятельства в предложении. Отмечено, что Participle I участвует в образовании настоящего продолжительного времени, например, *He's sleeping*. – Он спит; настоящего законченного действия, выражающего результат, например, *I've already eaten an apple*. – Я уже съел яблоко. В отрицании английского причастия участвует базовая отрицательная частица *not*. Английские причастия склонны к субстантивации, например, *dying* «умирающий» – *the dying* «умирающие», *wounded* «раненный» – *the wounded* «раненые», *unemployed* «неработающий» – *the unemployed* «безработные».

англ. *She left the house very quietly, not wishing to alarm anyone* [251]. – Она вышла из дома очень тихо, **не** желая никого тревожить.

англ. *Not funded by any government grants, the research team have to raise money from companies and individuals* [251]. – **Не**финансируемая никакими государственными грантами исследовательская группа должна собирать деньги от компаний и частных лиц.

В чувашеведении деепричастие относят к неличным формам глагола или вербоидам. Деепричастие на *-сассӑн* (*-сесӑн*) или виде краткой формы *-сан* (*-сен*) образует отрицательную форму при помощи аффикса отрицания *-ма* (*-ме*) между основой глагола и аффиксом деепричастия, например, *кур-сан* (*курсассӑн*) «если увидеть» – *кур-ма-сан* (*кур-ма-сассӑн*) «если **не** увидеть». Отрицательная

форма деепричастия на *-сассӑн (-сессӑн)* или *-сан (-сен)* выражает условно-временное значение.

чув. *Юратнӑ ёҫ пулмасан эсӗ те мана телей кӳреймӗн* [280, с. 125]. – Если **нет** любимой работы, и ты не принесешь мне счастья.

чув. *Тӑшмана вӑхӑтра персе антарма ёлкӳреймесен вӑл хӑй сана персе ӳкерет* [280, с. 125]. – Если **не** успеешь вовремя сбить врага, он сам тебя подстрелит.

Отрицательная форма деепричастия на *-иччен* образуется при помощи аффикса отрицания *-м*, вставляемый между основой глагола и аффиксом деепричастия, однако отрицательная форма избирается не всеми деепричастиями на *-иччен*, а только деепричастиями со значением конечного результата действия.

чув. *Аслӑ Совет сӗрӗнче Пӗр тӑшман та юлмиччен Хӗсе йӗнне чикер мар! Шит те калла чакар мар!* [275, с. 51] – Меч в ножны не вонзим, пока на великой советской земле **не** останется **ни** одного врага! **Не** отступим ни на пядь!

чув. <...> *савсене пӗтӗмпех, пӗр тӗпренчӗк хӑвармиччен туртса илчӗс* [277, с. 201] – <...> это все, **до единой крошки отобрали**.

В английском языке деепричастие в качестве самостоятельной формы не выделяют.

Имя действия, или герундий, согласно определению, данному в словаре лингвистических терминов под ред. О.С. Ахмановой, – это «существительное отглагольное (существительное глагольное, глагольное имя, имя действия). Существительное, образованное от глагольной основы и обозначающее действие (состояние, процесс) как «определенное», «субстантивированное», т. е. представляющее его в наиболее общем и отвлеченном смысле» [256, с. 465]. В связи с этим отрицательные формы герундия и имени действия образуются по типу именного отрицания в разноструктурных языках.

В чувашском языке имя действия образуется при помощи аффикса *-у (-ӳ)*, например, *сӳре + ӳ* «хождение», *сан + у* «хлестание» [161, с. 330]. В английском языке герундий образуется при помощи окончания *-ing*, например, *to read + ing* «чтение», *to swim + ing* «плавание».

Рассмотрим функционирование средств отрицания у неличных форм глагола в английском и чувашском языках.

чув. <...> *Çук çёрте çылăха кёрӳ те çук.* – <...> Там, где нет такой обстановки, там **нет** и совершения грехов [171, с. 194].

чув. *Унӳн çынна камне кура пӳху çук.* – Он **не** делит людей по положению [171, с. 194].

англ. *I couldn't get the picture out of the frame **without** breaking the glass* [251]. – Я **не** смог вытащить картину из рамки, не сломав саму рамку.

англ. *She didn't want to admit to **not** knowing what the Emerald Isle was* [251]. – Она не хотела признаваться, что **не** знала, где находится Изумрудный остров.

В целом значение, передающееся при помощи глагольных средств выражения отрицания, в типологически разнотипных английском и чувашском языках эквивалентно в семантическом аспекте, но имеются структурные различия, обусловленные морфологическим типом языка, подчеркивая, таким образом, специфичность каждого языка.

Схематическое изображение средств глагольного отрицания (инфинитив, причастие, деепричастие, имя действия, герундий) в исследуемых языках представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Глагольные средства отрицания (инфинитив, причастие, деепричастие, имя действия, герундий) в английском и чувашском языках (количественный анализ)

Сфера действия отрицания	Языки	Найдено всего, ед.	В процентах от общего числа единиц
Английский язык			
Инфинитив	отрицательная частица <i>not</i>	208	27,6

Причастие	отрицательная частица <i>not</i>	280	37,2
Герундий	отрицательная частица <i>not</i> , предлог <i>without</i>	265	35,2
Чувашский язык			
Инфинитив	постпозитивные отрицательные частицы <i>çук</i> ; <i>мар</i> в случае противопоставления	387	31,2
Причастие	постпозитивные отрицательные частицы <i>мар</i> , <i>çук</i>	683	54,9
Деепричастие	аффикс отрицания <i>-ма (-ме)</i> , <i>-м</i>	122	9,8
Имя действия	постпозитивная отрицательная частица <i>çук</i>	51	4,1

В ходе сравнения глагольного отрицания мы пришли к следующим результатам:

1) общее сходство английского и чувашского языков в том, что отрицательная форма инфинитива образуется при помощи отрицательных частиц: в английском языке – это отрицательная частица *not* (27,6 %), в чувашском языке инфинитив в отрицательном статусе имеет две формы: формооснова на *-ма (-ме)* в сочетании с постпозитивной отрицательной частицей *çук* и формооснова на *-ма*

(-me) в сочетании с постпозитивной отрицательной частицей *mar*. Каждая чувашская частица функционирует исходя из коммуникативной установки предложения, что составляет (54,9 %);

2) в английском языке отрицательная форма причастия образуется при помощи отрицательной частицы *not* (37,2 %). Чувашский язык, в отличие от английского языка, имеет три средства отрицания, представленные аффиксом отрицания *-ма (-me)*, *-м* и постпозитивными отрицательными частицами *mar* и *çuk*. Отрицательные формы чувашского причастия разнообразнее в сравнении с английскими формами, следовательно, средства выражения отрицания богаче (54,9 %);

3) в английском языке деепричастие в качестве самостоятельной формы глагола специально не выделяют, в отличие от чувашского языка, где средством выражения отрицательного значения служит показатель отрицания *-ма (-me)* (9,8 %);

4) в образовании отрицательной формы английского герундия участвуют такие показатели, как предлог *without* и отрицательная частица *not*, что составляет (35,2 %). В чувашском языке имя действия, как правило, отрицается только при помощи постпозитивной отрицательной частицы *çuk* (4,1 %). Функционирование имени действия в отрицательном статусе встречается реже в чувашском языке, чем функционирование герундия в английском языке.

§ 2.2. Средства выражения именного отрицания в английском и чувашском языках

Известно, что в английском языке *имя существительное* реализует отрицательное значение при помощи префиксов с отрицательной семантикой, например, *ability* «дееспособность» – *disability* «недееспособность», *convenience* «комфорт» – *inconvenience* «дискомфорт», *trust* «доверие» – *mistrust* «недоверие», *possibility* «возможность» – *impossibility* «невозможность», *happiness* «счастье» – *unhappiness* «несчастье», *literacy* «грамотность» – *illiteracy* «безграмотность».

К часто употребляемым английским префиксам, исходя из фактического материала исследования, относятся *dis-*, *im-*, *ir-*, *mis-*.

англ. *The opposition party have been in such **dis**order for so long that they pose no real threat to the present government* [251]. – Оппозиционная партия так долго пребывала в таком **беспорядке**, что не представляет реальной угрозы нынешнему правительству.

англ. *Many Americans believe in some kind of **im**mortality of the soul* [251]. – Многие американцы верят в некое **бессмертие** души.

англ. *This act shows the **ir**responsibility of the government* [251]. – Это действие свидетельствует о **безответственности** правительства.

В английском языке детерминатив *no* может функционировать в качестве «словообразовательной морфемы» [251], [197]. В чувашском языке наблюдается соответствующая тенденция и достигается она при помощи постпозитивной отрицательной частицы *мар* и аффикса отрицания *-м*. В таких случаях образуются имена существительные с аффиксом *-лӑх* (*-лӑх*), что подтверждается наглядными примерами из чувашского языка.

англ. *The decision was a complete **no**-brainer* [251]. – Решение было совершенно **необдуманн**ым.

англ. *People on low incomes may qualify for our **no**-cost loan* [251]. – Люди с низким доходом могут претендовать на наши **беспроцентные** займы.

чув. *Тӗрӗс**мар**лӑх сынна вӗчӗхтерет*. – **Несправедливость** раздражает человека [268].

чув. *Калаҫу ҫыхӑн**мар**ӗ. Марине аван**мар**лӑхран тухас тесе* <...>. – Разговор не сложился. Марине, чтобы выбраться из **неприятностей** <...> [268].

чув. *Юратуна курай**ман**лӑх ҫӗпри **мар**-ши?* [283, с. 65] – **Не** причина ли (это) любви и **ненависти**?

На основе фактографического материала показано, что образование отрицательных форм имен существительных при помощи префиксов с отрицательной семантикой является распространенным средством выражения отрицания в английском языке. В чувашском языке способ префиксации

практически отсутствует, за исключением местоимений и наречий с отрицательной семантикой [82, с. 83]. Отрицательное значение, реализуемое при помощи отрицательных префиксов *dis-*, *im-*, *ir-*, *mis-* *no-* в английском языке, эквивалентно аналогичному значению в чувашском языке, выражаемое при помощи частицы *мар* и аффикса *-м*.

Несмотря на то, что исследуемые языки являются разноструктурными, семантика противопоставления имен существительных реализуется при помощи отрицательных частиц *not* и *мар*.

англ. *She's very hard-working but not very imaginative* [251]. – Она очень трудолюбивая, но **не** творческая личность.

англ. *This is not caused by evil, but by simple ignorance* [251]. – Данное стечение обстоятельств в речи вызвано **не** небрежностью, а простым игнорированием деталей.

англ. *She's not a painter but a writer* [251]. – Она **не** художник, она писатель.

чув. «Эп нимёнке **начальник та мар** кунта, ахаль **гражданин сес**, анчах та сире йёркеллё пулма ыйтатай», – *терё лешё* [272, с. 27]. – «Я никакой **не начальник** вам здесь, **лишь простой гражданин**, прошу вас, уважайте друг друга», – сказал другой.

чув. *Тепёр тесен эпир кунта заключенныйсем мар вёт, ирёклё сынсем, гражданин начальник!* [272, с. 27]. – Впрочем, мы же здесь **не заключенные, а свободные люди**, гражданин начальник!

чув. *Чёчё ачи мар вёт, авлантармалли каччй пекех ўссе кайнй-ис!* [272, с. 32]. – **Не грудной же ребенок, а** ведь вырос как жених.

Как видно из примеров, семантика противопоставления имен существительных в английском и чувашском языках эквивалентна, но структурно отличается, в частности, отрицанием второго компонента предложения. Так, в чувашском языке в качестве показателя противопоставления служит только постпозитивная отрицательная частица *мар*, второго компонента, как правило, не предусмотрено. В английском языке соответствующая конструкция состоит из отрицательной частицы *not* и противительного союза *but*, которые могут менять

свое местоположение в виде *not... but* или *but not*. Это связано с тем, что отрицается главный член предложения или другие члены предложения. В случае отрицания глагола выбирается сочетание *not...but*, если же подвергаются отрицанию другие члены предложения, то избирается сочетание *...but not*.

Общее сходство разноструктурных языков в том, что отрицательные частицы *no* и *mar*, функционируя при имени существительном, формируют отрицательное значение всего предложения. Относительно лексемы *no* наличествует несколько определений [251], поэтому следует учитывать и ее цель. В нашем случае это слово, определяющее имя существительное в отрицательном статусе.

англ. *I fear I have **no** advice to give you, Mrs. Cheveley, except to interest yourself in something less dangerous* [290, p. 30]. – Боюсь, что у меня **нет ни** одного совета для вас, Миссис Чивли, кроме одного, – интересоваться чем-либо, менее опасным для вас.

англ. *He certainly has **no** secrets from me. At least I don't think so* [290, p. 68]. – Конечно, у него **нет ни** одного секрета от меня. По крайней мере, я так думаю.

англ. *By the way, Lady Chiltern, there is **no** list of your guests in The Morning Post of today* [290, p. 64]. – Кстати, Леди Чилтерн, **нет ни** одного из ваших гостей в списке сегодняшней газеты *The Morning Post*.

чув. *Ултав **мар-и** сав?* [284, с. 17]. – Это **не** обман?

чув. *Сёрё кунта мёнле, шурлэхлэ **мар-и**?* [279, с. 64]. – Какая здесь земля, **не** болотная?

чув. *Чёкессен сес ун нек **мар**?* [279, с. 68]. – Лишь у ласточек **не** так?

чув. *Батарейки нихэйш лавккара та **сук**!* [283, с. 61]. – А батарейки **нет ни** в одном магазине!

чув. *Хам **сук** чухне аттене пёр чёлё сэйкёр та, пёр курка шыв та памё тет* [283, с. 63]. – В мое отсутствие он **не** даст папе **ни** кусочка хлеба, **ни** ковшка воды.

чув. *Кэмйла килекен кашни сыннах пилёк пуслэх укса нек тытса савёркаласа пэхма **суккине** тэйлать-ши вэл е **сук-ши**?* [283, с. 60]. – Понимает ли

она или **нет**, что каждого понравившегося человека **невозможно** рассмотреть со всех сторон, как пятикопеечную монету?

чув. *Суккине ман суратса парас-им?* [284, с. 61] – Мне родить то, чего **нет**?

чув. *Суккине сук мар, анчах сирён хулара сук кун пекки.* – **Не** то что совсем **нет**, но в вашем городе такого **нет** [268].

Схематическое изображение средств отрицания имени существительного в английском и чувашском языках представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Средства отрицания имени существительного в английском и чувашском языках (количественный анализ)

Показатель отрицания	Язык	Найдено всего, ед.	В процентах от общего числа ед.
Английский язык			
Отрицательные префиксы	<i>dis-, il-, im-, in- ir-, mis-, no-, un-</i>	75	22,4
Детерминатив	<i>no</i>	215	64,2
Средства выражения значения <i>противопоставления</i>	отрицательная частица <i>not</i>	45	13,4
Чувашский язык			
Аффиксы отрицания	<i>-мар, -м</i>	10	3,9
Постпозитивные отрицательные частицы	<i>сук, мар</i>	139	41,5
Средства выражения значения <i>противопоставления</i>	постпозитивная отрицательная частица <i>мар</i>	45	17,6
Существительное	<i>сукки</i>	60	16,9

Как видно из таблицы 3, продуктивными средствами образования отрицательных форм имен существительных в двух языках являются постпозитивная отрицательная частица *mar* (59,4 %) и детерминатив *no* (64,2 %).

В ходе сопоставительного анализа средств отрицания имени существительного в типологически разноструктурных языках мы пришли к следующим результатам:

1) очевидным отличием английского языка от чувашского языка в том, что в нем развит способ префиксации (22,4 %);

2) в чувашском языке отрицательные формы имен существительных образуются при помощи аффиксов *-мар* и *-м* (3,9 %), однако таких случаев немного;

3) семантика *противопоставления* двух имен существительных аналогично в исследуемых языках, однако структурно отличается. В английском языке значение *противопоставления* реализуется при помощи оборота, в состав которого входит отрицательная частица *not* и противительный союз *but* (13,4 %). В отличие от английского языка, в чувашском языке наличествует только одно средство отрицания – постпозитивная отрицательная частица *mar* (17,6 %);

4) в чувашском языке слово *сукки* формирует отрицательное значение предложения (16,9 %). Для усиления значения слова *сукки*, как правило, допускается наличие иных средств отрицания.

Отрицательная форма *имени прилагательного* реализуется при помощи префиксов с отрицательной семантикой, например, *able* «способный» – *unable* «неспособный», *mortal* «смертный» – *immortal* «бессмертный», *flammable* – «воспламеняемый» – *nonflammable* «невоспламеняемый», *legal* «законный» – *illegal* «незаконный», *responsible* «ответственный» – *irresponsible* «безответственный», *honest* «честный» – *dishonest* «нечестный».

англ. *It would be inaccurate to call him picturesque* [290, p. 13]. – Было бы неправильно назвать его привлекательным.

англ. *I'm sorry I was unable to attend the meeting* [251]. – Простите, я не смог посетить мероприятие.

В сравнении с английским языком, в чувашском языке отрицательные формы имен прилагательных реализуются при помощи постпозитивной отрицательной частицы *мар*. Относительно прилагательных в отрицательном статусе И.А. Андреев пишет: «Чувашский язык не допускает отрицания при определяемом имени, в связи с этим невозможность сочетаний типа *çёнё мар çурт* – **не** новый дом, *айш мар çанталăк* – не теплая погода. Однако в некоторых случаях отрицание определяемого имени при помощи частицы *мар* возможно, когда определение имеет при себе усилительный аффикс *-ах (-ех)*, например, *айшах мар çакталăк* – не очень теплая погода, *сивех мар шыв* – не очень холодная вода [128]. В этих случаях категоричное отрицание, выражаемое при помощи постпозитивной отрицательной частицы *мар*, становится менее категорично выраженным.

чув. *Мархва ят ырй мар* [284, с. 8]. – Мархва – **не**милое имя.

чув. *Çак ёç çăймăл мар ёнтё, пайтах кёрешмелле пулё* [279, с. 85]. – Эта работа будет **не**легкой, предстоит долгая борьба.

чув. *Комод синче ылтăн эрешлё пысăках мар сехет тăрать иккен* [271, с. 140]. – Оказалось, что на комодe стоят **не**большие часы с золотыми украшениями.

Интересные особенности находим в чувашском языке, где постпозитивная отрицательная частица *мар* употребляется вместе с вопросительным местоимением *мён*, например, *мар-мён* «нет, оказывается» и является средством отрицания имен прилагательных.

чув. *Анчах пулёмре хёр ача пёччен мар-мён, тепёр стена сумёнчи сарлака кровать синче ватй хёрарăм ларать, унăн та хăранипе куçё-пуçё чарăлса кайнă, тăруках чёлхесёр пулнă пулмалла вăл* [283, с. 140]. – Но **о**казывается, девочка в комнате **не** одна, на широкой кровати у другой стены сидит старая женщина, глаза ее вытаращены от страха, она, кажется, внезапно онемела.

чув. *Анчах кун пек пакăлтатни пёртте тёрёс мар-мён* [283, с. 156]. – Но так болтать, **о**казывается, **ни**сколько неправильно.

Семантика *отсутствия* какого-либо признака или предмета выражается при помощи отрицательного суффикса *-less* в английском языке, например, *home* «дом» – *homeless* «бездомный», *hope* «надежда» – *hopeless* «безнадежный».

англ. *Kaa, his head motionless on the ground, thought of all that he had seen and known since the day he came from the egg* [289, с. 167]. – Каа лежал неподвижным на земле, вспоминая все с момента рождения.

англ. *Built in the shadow of the windless gorge, and huge masses of spongy, rotten trash had rolled down and stuck among the trees and creepers that clung to the rock-face* [289, с. 169]. – Огромные массы гнилого мусора, скопившегося в тени безветренного ущелья, катились вниз и застряли среди деревьев и лианы, цепляясь за скалу.

В чувашском языке наличествует показатель *-сӑр (-сӗр)*. В ходе анализа теоретической литературы взгляды ученых на показатель *-сӑр (-сӗр)* разделились. Значимые исследования о специфичности употребления данного аффикса опубликованы в трудах Л.С. Левитской, И.П. Павлова, В.И. Сергеева.

В.И. Сергеев предлагает различать падежный аффикс (словоизменительный) *-сӑр (-сӗр)* и словообразовательный аффикс *-сӑр (-сӗр)*. Согласно наблюдениям В.И. Сергеева, во-первых, «прилагательные на *-сӑр (-сӗр)* противопоставляются прилагательным на *-лӑ (-лӗ)*, например, *вӑйлӑ сын – вӑйсӑр сын*, существительные с аффиксом *-сӑр (-сӗр)* в творительном падеже на *-на (-не)*, например, *тракторна сухала – тракторсӑр сухалама сук*» [161, с. 139], во-вторых, «прилагательные на *-сӑр (-сӗр)* не образуются от имен существительных, имеющих притяжательный аффикс и аффикс множественного числа *-сем*, а падежная форма может сочетаться с именами существительными, имеющими такие аффиксы» [Там же]. В «Материалах по грамматике современного чувашского языка» уточняется, что «аффикс *-сӑр (-сӗр)* делает высказывание эмоциональным в случае присоединения к глагольной основе на *-ма (-ме)*, то есть высказывание приобретает особый модальный оттенок – говорящий относится к предмету речи как к известному и само собою разумеющемуся факту» [117, с. 24–26]. В своей книге «Историческая морфология чувашского языка»

Л.С. Левитская подчеркнула, что словообразовательный аффикс *-сӑр (-сӗр)* и аффикс лишительного падежа *-сӑр (-сӗр)* имеют общее историческое происхождение, однако их функции различны, например, «отрицательная форма деепричастия на *-масӑр (-месӗр)* восходит к отглагольному имени на *-ма (-ме)* в сочетании с словообразовательным аффиксом *-сӑр (-сӗр)*» [103]. Существует абсолютно противоположная точка зрения И.П. Павлова, согласно которой автор пишет: «Деепричастие на *-масӑр (-месӗр)* образовалось от древней формы деепричастия на *-сӑр (-сӗр)* при помощи аффикса отрицания *-ма (-ме)*. Древний аффикс *-сӑр (-сӗр)* впоследствии превратился в безударном положении в *-сӑр (-сӗр)*» [136, с. 287].

Не входя в споры с вышеназванными авторами, мы склоняемся к тому, что показатель *-масӑр (-месӗр)* структурно состоит из глагола на *-ма (-ме)* и отрицательного аффикса *-сӑр (-сӗр)*, к тому же подобное сочетание делает предложение экспрессивным и эмоционально окрашенным.

чув. *Уссӑр сатӑлтататӑн* [283, с. 67]. – **Бесполезно болтаешь.**

-сӑр является показателем лишительного падежа.

чув. *Пӑла урӑ вара йӗпенмесӗр-нушаланмасӑрах касрӑмӑр* [283, с. 68]. –
Через Булу мы переправились, и даже **не** промокнув и **не** пострадав.

Показатель *-сӑр (-сӗр)* является интенсификатором инфинитивов *йӗпенме* и *нушаланма*.

чув. *Вӑл пирӗн йӑхран мар, урасӑр, шуйттан куслӑскер* [281, с. 56]. – Он не из нашего рода, он **безногий** да и с дьявольскими глазами.

-сӑр (-сӗр) является показателем каритивного значения в ситуации «отсутствие частей тела».

Схематическое изображение средств отрицания имени прилагательного представлено в таблице 4.

Таблица 4 – Средства отрицания имени прилагательного в английском и чувашском языках (количественный анализ)

Показатель отрицания	Язык	Найдено всего, ед.	В процентах от общего числа единиц
Английский язык			
Отрицательные префиксы	<i>un-, im-, non-, il-, ir-, dis-</i>	97	35,3
Суффикс с отрицательной семантикой	<i>-less</i>	178	64,7
Чувашский язык			
Постпозитивная отрицательная частица	<i>мар</i>	113	34,0
Аффикс отрицания	<i>-сӑр (-сӗр)</i>	148	56,0

Как видно из таблицы 4, сопоставительный анализ средств отрицания имен прилагательных в английском и чувашском языках показал, что в целом семантика аналогична в исследуемых языках, однако имеются структурные сходства и отличия:

1) современный английский язык богат префиксами, образующими отрицательные формы имен прилагательных *un-, im-, non-, il-, ir-, dis-* (35,5 %), что не характерно для чувашского языка (0 %);

2) постпозитивная отрицательная частица *мар* является распространенным средством отрицания имен прилагательных в чувашском языке (39,8 %);

3) несмотря на то, что английский и чувашский языки представляют разные морфологические типы, общим для двух языков в выражении каритивного значения является наличие отрицательного суффикса *-less* (64,7 %) и показателя

отрицания *-сӑр (-сӗр)* (56,0 %), что свидетельствует о наличии изоморфизма в двух генетически разноструктурных языках.

Значение *не имеется / отсутствует* выражается при помощи отрицательной частицы *not*, предлога *without* в английском языке. В выражении значения противопоставления двух местоимений употребляется противительная конструкция *not...but*.

англ. *If it's **not yours**, whose is it?* [251] – Если это **не** ваше, тогда чье же?

англ. *She's **not one** of my close circle of friends* [251]. – Она **не** входит в круг моих близких друзей.

англ. *I found myself in a strange country, **without it** and with no one to turn to* [251]. – Я оказался в другой стране **без** него и без возможности попросить о помощи кого-либо.

англ. *Do start **without me!*** [251] – Не начинайте без меня!

В чувашском языке соответствующие значения осуществляются при помощи отрицательной частицы *мар*.

чув. *А-ӑ-ӑ, **сирӗм пиллӗк мар, вӑтӑр пилӗк** сӑмарталӑх краҫсын панӑ сана* [284, с. 8]. – Я тебе дала керосина **не** на двадцать пять яиц, **а** на тридцать пять.

чув. ***Пурте пӗр мар-и?** Кирек те кам илӗ пултӑр, виҫсӗмӗре пӗрер премӗк* [284, с. 27]. – **Не все** ли одинаковые? Кто бы ни взял, нам троим по одному прянику.

чув. *Ку **сирӗн лаша мар вӗт?*** [284, с. 48] – Это же **не** ваша лошадь?

В отличие от английского языка, в чувашском языке отрицательные формы местоимений и числительных также образуются при помощи показателя отрицания *-сӑр (-сӗр)*.

чув. *«Пирӗнсӗр **пуснех** ӑна, мӗскӗне, хытӑ тивертнӗ», – терӗ пичче* [284, с. 2]. – «И **без** нас ему, бедняжке, сильно досталось», – сказал брат.

Рассмотрим функционирование отрицательных частиц *сук* и *not* в значении *не имеется / отсутствует* в двух языках. Общим для анализируемых языков является наличие наречий места, как *there* и *унта* «там, туда».

англ. ***There won't** be any left for you to mend <...>* [291, с. 60]. – Тебе **не** нужно ничего больше чинить <...>.

чув. *Унта йытти те сук!* – Там нет ни собаки! [268]

В структурно-семантическом аспекте значение *не имеется /отсутствует* аналогично в анализируемых языках.

Схематическое изображение средств отрицания числительных и местоимений приведено в таблице 5.

Таблица 5 – Средства отрицания числительных и местоимений в английском и чувашском языках (количественный анализ)

Виды значений выражения отрицания	Показатель отрицания	Найдено всего, ед.	В процентах от общего числа ед.
Английский язык			
Значение <i>противопоставления</i>	отрицательная частица в сочетании с противительным союзом <i>not...but</i>	25	17,8
Значение <i>не имеется / отсутствует</i>	отрицательная частица <i>not</i>	30	21,4
Значение <i>отсутствия</i> какого-либо признака, предмета или явления	отрицательная частица <i>not</i> ; предлог <i>without</i>	85	60,8
Чувашский язык			
Значение <i>противопоставления</i>	постпозитивная отрицательная частица <i>мар</i>	30	23,6
Значение <i>не имеется / отсутствует</i>	постпозитивная отрицательная частица <i>сук</i>	28	21,8

Значение <i>отсутствия</i> какого-либо признака, предмета или явления	постпозитивная отрицательная частица <i>мар</i> ; аффикс отрицания <i>-сӑр (-сӗр)</i>	70	54,6
---	--	----	------

Как видно из таблицы 5, в ходе сравнения числительных и местоимений в английском и чувашском языках мы пришли к следующим итогам:

1) в английском языке семантика *противопоставления* двух числительных или местоимений выражается при помощи специального оборота *not...but* (17,8 %), состоящего из отрицательной частицы *not* и обязательного компонента – противительного союза *but*. В отличие от английского языка, в чувашском языке постпозитивная отрицательная частица *мар* (23,6 %) не имеет второстепенного показателя;

2) общее сходство проявляется в выражении значения *не имеется / отсутствует*, где показателями отрицания служат отрицательные частицы *not* (21,4 %) и *сук* (21,8 %). Особенность чувашской постпозитивной отрицательной частицы *сук* в том, что она является не только показателем отрицательности, но и главным членом предложения;

3) в обоих языках значение *отсутствия* какого-либо признака, предмета или явления выражается при помощи двух средств отрицания. В английском языке – это отрицательная частица *not* и предлог *without*, вместе составляют (60,8 %). В чувашском языке аналогичное значение достигается при помощи постпозитивной отрицательной частицы *мар* и аффикса отрицания *-сӑр (-сӗр)* вместе составляют (54,6 %) от общего числа найденных средств отрицания.

В целом отрицательное значение, достигаемое при помощи приведенных средств отрицания, эквивалентно, но по структуре отличается в исследуемых нами языках.

§ 2.3. Средства усиления отрицания в английском и чувашском языках

В настоящем разделе исследуются средства усиления значения отрицания в английском и чувашском языках. Наличие данных показателей в предложении имеет свою специфику функционирования. Специфичность в том, что они способны придавать предложению дополнительные оттенки экспрессивности, эмоциональности в выражении отрицательного эффекта.

В английском языке выделяют работы Э.И. Айзенштадт, Н.А. Булах, М.В. Евсиной, Б.А. Ильиш, Н.К. Козловой, М.Н. Сметаниной, Л.К. Чистоноговой и др. В чувашском языкознании в диссертационной работе Р.А. Мышкиной имеется раздел, посвященный средствам усиления и ослабления значения отрицания в предложении.

В данном разделе *отрицательные местоимения и наречия* разделены на шесть семантических групп, которые отличаются по содержанию. Содержание кластеров включает семантику *отсутствия одушевленного предмета*, семантику *отсутствия неодушевленного предмета*, семантику *никаким образом, никакими средствами*, семантику *ни в какое время / ни при каких обстоятельствах*, семантику *ни в каком месте / ни в одном из мест*, семантику *ни один из двух*.

Рассмотрим функционирование отрицательных местоимений и наречий в качестве интенсификаторов в исследуемых языках.

Семантика *отсутствия одушевленного предмета* выражается при помощи местоимений *nobody, no one, none* «никто» в английском языке и местоимения *никам* «никто» в чувашском языке. Отрицательное местоимение *никам* сопровождается усилительной частицей *та*.

англ. *Nobody ever goes to see her. She's very lonely* [251]. – **Никто никогда не** ходит к ней. Она очень одинока.

англ. *I called twice, but no one answered* [251]. – Я звонил дважды, **но никто не** ответил.

англ. *Of the Democratic candidates, none has an obvious lead* [251]. – Из всех кандидатов Демократической партии, очевидно, что **никто не** лидирует.

чув. *Урăх никам та ыйту таврашĕ хускатмарĕ* [279, с. 19]. – Больше **никто не** задавал **никаких** вопросов.

чув. *Çапла вара йна ку таранченех никам та тупайман* [279, с. 11]. – Таким образом, и до сегодняшнего дня **никто не** мог найти его.

чув. *Никама чĕнме антрарăм*. – Я **не** знал, кого позвать [268].

В приведенных примерах из разноструктурных языков видно, что в английском языке семантика *отсутствия одушевленного предмета* выражается при помощи трех средств отрицания – это *nobody, no one, none*, дополнительных средств отрицания в предложениях не выявлено. Для усиления отрицательного значения местоимений добавляются наречие *ever* и противительный союз *but*. В отличие от английского языка, в чувашском языке наличествует только один вид отрицания – это отрицательное местоимение *никам* в сочетании с частицей *та*. Особого внимания заслуживают такие примеры, как *Никама чĕнме антрарăм*, где отрицательное местоимение *никам* принимает форму дательного падежа *никама*, явно выраженных средств глагольного отрицания не замечено. Однако встречается глагол *антрарăм*, который содержит в себе имплицитное отрицание со значением «**не** находить объяснения чему-нибудь» [268].

Семантика *отсутствия неодушевленного предмета* в английском языке выражается при помощи местоимений *nothing, none* «ничто», в чувашском языке посредством местоимений *нимскер, ним, нимĕн* «ничто» в сочетании с усилительной частицей *те*.

англ. *When the wind blew from the land he caught **nothing** or **but little** at best* [289, с. 133]. – Когда ветер дул с земли, он **ничего не** мог поймать или в лучшем случае немного.

англ. *I asked for some more cake, but there was **none** left* [253]. – Я попросил еще немного торта, но от него уже **ничего не** осталось.

чув. *Анне нимĕн те калаймарĕ, йĕрсе ячĕ* [284, с. 53]. – Мама **ничего не** смогла сказать, заплакала.

чув. *Киле нимсĕр килтĕмĕр* [284, с. 76]. – Домой вернулись **ни** с чем.

чув. *Пуп ним чёнмесёр майшлатса сырнӑ* [284, с. 4]. – Священник писал посапывая, **не** проронив ни слова.

Аутентичные примеры из английского и чувашского языков подтверждают, что в английском языке семантика *отсутствия неодоушевленного предмета* выражается при помощи местоимений *nothing* и *none*, в чувашском языке – это местоимение *ним*. Отличительным признаком отрицательных местоимений в чувашском языке является тенденция к склонению отрицательных местоимений, например, аффикс лишительного падежа *-сёр* в составе местоимения *нимсёр* усиливает эффект отрицания. В английском языке дополнительный оттенок отрицательного значения достигается при помощи противительного союза *but*.

Семантика *никаким образом, никакими средствами* в английском языке выражается при помощи отрицательного наречия *none* «никак», в чувашском языке – наречием *ним* «никак».

англ. *She pushed him none too gently back against the wall* [253]. – Она неосторожно толкнула его обратно к стене.

чув. «*Çапӑсмастпӑр эфир, шӑтлетпӑр сес*», – **ним** пулман некех пӑлтертӑм энӗ [283, с. 75]. – «Да не ругаемся мы, всего лишь шутим», – сказал, как будто **ничего** и **не** произошло.

В английском языке наречие *none* формирует отрицательное значение всего предложения. В чувашском языке не только местоимение *ним*, но и глагол *пулман* в отрицательном статусе создает эффект тотального отрицания.

Семантика *ни в какое время, ни при каких обстоятельствах* в английском языке выражается наречием *never* «никогда», в чувашском языке – это наречие *нихӑсан* (*нихсан*) «никогда». Исследователь частного и общего отрицания в английском языке В.В. Юхт уточняет, что наречие *never* по значению и использованию в предложении определяется как «показатель отрицания предиката» [197, с. 10] и «своеобразный показатель акцентированного отрицания» [Там же].

Рассмотрим примеры с отрицательными наречиями в разноструктурных языках:

англ. *I will **never** again bring into the Jungle strange things – not though they be as beautiful as flowers* [289, с. 123]. – Я больше **никогда не** принесу в джунгли странные вещи, даже если они будут прекрасны, как цветы.

англ. *Yet would she **never** come near him that he might touch her* [289, с. 136]. – И все же она никогда не приблизится к нему для того, чтобы он мог прикоснуться к ней.

чув. *Эпӗ айна **нихсан та** пӑрахса каяс **сукчӗ** <...>* [279, с. 127]. – Я бы **никогда не** оставила тебя <...>.

чув. *Кольӑна эпӗ урӑх **нихсан та** курман* [284, с. 189]. – Колю я больше **никогда не** видела <...>.

чув. *Унтан тата **сакӑ нихсан та** манмалла **мар** асра юлчӗ* [289, с. 226]. – И еще крепко запомнилось, что это **никогда не** забудется.

Как видим, в английских предложениях для выражения абсолютного выражения значения отрицания достаточно наличия отрицательного наречия *never*, в чувашском языке помимо наречия *нихсан* в сочетании с учительной частицей *та* наличествуют глаголы в отрицательной форме, а также постпозитивные отрицательные частицы *сук* и *мар* при причастии.

Семантика *ни в каком месте, ни в одном из мест* в английском языке выражается при помощи наречия места *nowhere* «нигде, некуда»; в чувашском языке наречием *ништа* «нигде, некуда».

англ. *The room was very crowded – there was **nowhere** to sit* [251]. – В комнате было очень много народу, даже **некуда** присесть.

англ. *We had **nowhere** else to go* [251]. – Нам **некуда** было идти.

чув. ***Ништа** пӑр **сумкурӑк** курӑн**масть*** [268]. – **Нигде не** видно **ни** одного сорняка.

чув. *Ку кӗнекене **ништа** тупса илей**мерӗм*** [268]. – Я **нигде не** смог достать эту книгу.

В примерах из разноструктурных языков видно, что в чувашском языке наблюдается наличие несколько отрицательных элементов в высказывании, в

отличие от английского языка, где функционирует только один отрицательный показатель в предложении.

Семантика *никто из двух* выражается при помощи местоимения *none* с предлогом *of* в английском языке и местоимения *нихӑшӗ* в сочетании с частицей *те* в чувашском языке.

англ. *None of my friends will help me* [253]. – **Никто из** двух друзей мне не поможет.

чув. *Ачасенчен нихӑшӗ те ку ыйту сине хуравлаймарӗ* [268]. – **Никто из** ребят **не** смог ответить на этот вопрос.

Очевидным отличием в анализируемых языках является количество отрицательных показателей в предложении.

Несмотря на то, что анализируемые языки разноструктурные, их объединяет способ словообразования, выраженный при помощи префикса с отрицательным значением, например, англ. *no-+thing* «ничто», *no-+body* «никто», *no- + one* (архаич. форма *none*) – «никто», *no- + where* «нигде, некуда»; чув. *ни-* + *кам* «никто», *ни-* + *мӗн* «ничто», *ни-* + *хӑсан* «никогда», *ни-+ӑста* – *ниста* «нигде, некуда». В случае с английским наречием *never*: «древнеанглийская отрицательная частица *ne* сливается с наречием *ever*, где происходит выпадение одной из гласных *e*» [255].

Схематическое изображение сопоставительного анализа местоимений и наречий с отрицательной семантикой в английском и чувашском языках представлено в таблице 6.

Таблица 6 – Средства усиления отрицания в английском и чувашском языках (отрицательные местоимения и наречия) (количественный анализ)

Виды семантических групп	Показатель отрицания	Найдено всего, ед.	В процентах от общего числа единиц
Английский язык			

Отсутствие одушевленного предмета	отрицательные местоимения <i>no one, nobody, none</i>	130	21,6
Отсутствие неодушевленного предмета	отрицательные местоимения <i>nothing, none</i>	112	18,9
Никаким образом, никакими средствами	отрицательное наречие <i>none</i>	75	12,7
Ни в какое время, ни при каких обстоятельствах	отрицательное наречие <i>never</i>	106	17,9
Ни в каком месте, ни в одном из мест	отрицательное наречие <i>nowhere</i>	95	16,4
Ни один из двух	отрицательное местоимение <i>none of</i>	74	12,5
Чувашский язык			
Отсутствие одушевленного предмета	отрицательное местоимение <i>никам</i> в сочетании с усилительной частицей <i>та</i>	82	19,6
Отсутствие неодушевленного предмета	отрицательное местоимение <i>ним</i> в сочетании с усилительной частицей <i>те</i>	79	18,9

Никаким образом, никакими средствами	отрицательное наречие <i>ним</i>	56	13,4
Ни в какое время, ни при каких обстоятельствах	отрицательное наречие <i>нихсан</i> с усилительной частицей <i>та</i>	68	16,3
Ни в каком месте, ни в одном из мест	<i>ништа</i> в сочетании с усилительной частицей <i>та</i>	77	18,4
Ни один из двух	отрицательное местоимение <i>нихйше</i> в сочетании с усилительной частицей <i>те</i>	56	13,4

Как видно из таблицы 6, в ходе сравнения местоимений и наречий с отрицательной семантикой мы пришли к следующим результатам:

- 1) английский язык, в отличие от чувашского языка, запрещает наличия двух и более отрицательных показателей в одном предложении;
- 2) в чувашском языке наличие более двух отрицательных элементов интенсифицирует значение отрицания, выраженного главным членом предложения – глаголом;
- 3) в английском языке выражение семантики *отсутствия одушевленного предмета* реализуется при помощи трех отрицательных местоимений *no one, nobody, none* (21,6 %), в чувашском языке аналогичная семантика достигается при помощи одного отрицательного местоимения *никам*, как правило, сопровождающееся частицей *та* (19,6 %);
- 4) в английском языке выражение семантики *отсутствия неодушевленного предмета* осуществляется при помощи двух отрицательных местоимений *nothing, none* (18,9 %), в чувашском языке аналогичная семантика достигается при помощи одного отрицательного местоимения *ним*, как правило, сопровождающееся частицей *те* (18,9 %);

5) в отличие от английских местоимений и наречий, чувашские местоимения и наречия склоняются, что добавляет дополнительный эффект усиления отрицания, например, инфиксацией показателя *-сӑр* (*-сёр*);

6) в английском языке в качестве дополнительных интенсификаторов употребляются наречия степени *too, ever*, а также противительный союз *but*.

Известно, что **союзы и частицы**, выражая значение *никто / ничто из двух*, являются показателями акцентированного отрицания. В английском языке – это детерминатив *neither* [251], в чувашском языке – это частица *ни*. Детерминатив *neither* может употребляться самостоятельно в функции усилительной частицы и в качестве местоимения – *neither* с предлогом *of*.

чув. *Тилӗ тус калать тет: «Кунта пирӗн пата **ни** хут килмест»* [268]. – Лиса говорит: «К нам сюда не доходят письма».

чув. **Ни** юртти сук, чуппи сук. *Прахӑр хварӑр сьрмана та* [268]. – **Ни** рыси, **ни** бега нет. Оставьте в овраге.

англ. *Neither parent came to meet the teacher* [251]. – **Ни** мама, **ни** папа **не** пришли на встречу с учителем.

англ. *Neither of us went to the concert* [251]. – **Никто** из нас двоих **не** пошел на концерт.

Особенность чувашских конструкций заключается в том, что в предложении могут присутствовать несколько отрицательных элементов, где отрицательная частица *ни* выделяет значение негативности уже имеющегося в предложении отрицательного показателя. В сравнении с чувашским языком, в английском языке достаточно одного показателя в отрицательном статусе.

Парное сочетание в виде *neither...nor* в английском языке и *ни...ни* в чувашском языке не только интенсифицирует перечисление, но и формирует негативную семантику высказывания в целом. Однако в чувашском языке, в сравнении с английским языком, присутствуют дополнительные показатели выражения отрицания.

англ. *Nay, for the cloak is **neither** mine **nor** thine, but the child's only* [291, с. 200]. – Нет, плащ **не** наш и **не** ваш, а у ребенка.

англ. *There will be **neither** Manling **nor** Wolf-cub when that hunting is done, but only dry bones* [289, с. 167]. – Когда охота завершится, не останется **ни** человечка, **ни** волчонка, а только сухие кости.

англ. *There is **neither** society here, **nor** solitude* [290, р. 18]. – Здесь нет **ни** общества, **ни** одиночества.

чув. ***Ни** юрату, **ни** курайманлăх пирĕн тинсе хăрса ларнă ёмĕрте* [268]. – **Ни** любви, **ни** ненависти **не** найти в наш иссохший век.

чув. *Лампа çутас – **ни** краçсын, **ни** шăрпăк çук...* [283, с. 9] – Чтобы зажечь лампу, **ни** керосина, **ни** спичек **нет**.

Стоит отметить, что яркое отличие чувашского языка от английского языка в том, что в английских предложениях отрицательное значение реализуется парным союзом, сказуемое остается в положительной форме. В примерах из чувашского языка наглядно показано, что вместе с союзом *ни...ни* присутствуют как глаголы в отрицательном статусе, так и отрицательные частицы *мар* и *çук*.

В английском языке парные сочетания *not...neither* и *not...nor* семантически эквивалентны парному союзу *neither...nor*, но структурно отличаются.

англ. *I am **not** wise **nor** strong* [291, с. 167]. – Я не считаю себя **ни** мудрым, **ни** сильным.

англ. *He hadn't done any homework, **neither** had he brought any of his books to class* [251]. – Он не сделал **ни** домашнюю работу и не принес **ни** одной из своих книг в класс.

англ. *We didn't get to see the castle, **nor** did we see the cathedral* [251]. – Мы не видели **ни** замка, **ни** собора.

Таким образом, в английском языке, в отличие от чувашского языка, имеется многообразие грамматических форм с усилительной семантикой.

В английском языке лексемы со значением *небольшого количества, немного, чуть-чуть* в виде *a bit, a little, a finger, a part, a penny, a pin, a straw, a scrap, a thing, a whit* создают эффект отрицательности в предложении.

англ. *I've read every **scrap** of information I can find on the subject* [251]. – Я прочитал **очень мало** информации, которую смог найти по теме.

англ. *There's not a whit of sense in that head of his!* [251] – В его голове **нет ни** капли здравого смысла!

англ. *Can you move up a bit?* [251] – Вы **немного** не подвинитесь?

Показатели усиления отрицания с аналогичным значением приведены в диссертационной работе Р.А. Мышкиной. К ним относятся: «пёртте (нисколько), пёри те (ни один), пёрре те (ни разу); наречия с обязательным компонентом частицей та (те): кáшт та (ничуть), ву́сех те (совсем не), пáртак та (нисколько), чáлт та (нисколько); идиоматические выражения со значением незначительности, мизерности отрицательного действия, например, чё́рне хури чухлэ́ те (настолько мало, что несоизмеримо даже с кончиком ногтя), йё́п та́ршшэ́ те (настолько мало, что несоизмеримо по длине с иголкой), пёр пёрчэ́ те (ни зернышка, ни крошки) и т. д; идиоматические выражения со значением меры, количества, выражающие категоричность отрицания, например, пёр, сур, чёрёк, чёптём, хёлхем» [128, с. 9].

чув. *Кáшттах та пулин, пёр чёптём те пулин айáплá пулсан татахчэ хуть, атту вёт нухáш енчен те нимён чухлэ́ те айáплá мар-ске вáл!* [284, с. 208] – Если хоть **немного**, хоть чуть-чуть была бы виновата, а то **ни** с какой стороны **нисколько не** виновата!

чув. «Ху мён чухлэ́ парас тетён эппин?» – ыйтрэ́ Илюк сак хёрарáм ун пиншакне *ву́сех те илмесрен хáраса* [272, с. 55]. – «А сама за сколько готова взять тогда?» – спросил Илюк, боясь, что женщина и **вовсе не** купит у него пиджак.

чув. *Анчах сакна Илюк халь нимён чухлэ́ те туймарэ́...* [272, с. 68] – Но сейчас Илюк **нисколько не** почувствовал.

Общее сходство разноструктурных языков в том, что в случае употребления лексем с данной семантикой глагол имеет как положительную, так и отрицательную форму, и не искажает смысл высказывания, и не нарушает нормы, принятые в каждом из исследуемых языков. Сочетания приведенных лексических средств усиления отрицания вместе с грамматическими показателями (отрицательная частица *not* в английском языке; аффикс отрицания *-ма-* (*-ме-*) и его алломорфы *-мас* (*-мес*), *-м*, отрицательная постпозитивная частица

мар и др.) создают эффект тотального значения отрицания в английском и чувашском языках.

В отечественном и зарубежном языкознании представлены исследования, посвященные модальным частицам и их функционированию в предложении-высказывании. Модальные частицы рассмотрены в работах А.В. Авериной [2], А.Т. Кривоносова [98], С.И. Мутаевой [126], Т.М. Николаевой [131], М. Thurmair [245] и др.

Следует прояснить, что в англоведении не существует понятия «модальные частицы», но имеются модальные глаголы, модальные прилагательные и модальные наречия. В чувашском языке М.Р. Федотов комплексно описал функционирование различных модальных частиц в предложении-высказывании. Эти частицы, согласно наблюдениям исследователей, имеют «коммуникативную свободу» [131], «частицы являются носителями дополнительной скрытой семантики» [245], «<...> частицы обладают способностью выражать минимальной ценой весь комплекс прагматических значений» [Там же].

Отрицательные частицы *no* и *çuk* в функции отрицательного ответа на вопрос в английском и чувашском языках.

англ.

– *Has a ruby and diamond brooch been found in any of the rooms this morning, Mason?* [290, p. 71] – Мейсон, сегодня утром не находил ли ты брошь с рубином и бриллиантом в одной из комнат?

– *No, my lady* [290, p. 71]. – **Нет**, моя леди.

англ.

– *Did you feed the cat?* [251] – Ты покормил кошку?

– *No, I forgot* [251]. – **Нет**, я забыл.

чув.

– *Ывӑлу килте-и?* [284, с. 20] – *Ыйтрӗ стражник.* – Сын дома? – спросил стражник.

– *Çuk, – терӗ Улля анна* [284, с. 20]. – **Нет**, – ответила сестра Улля.

чув.

– *Йӓнӓшмастӓр-и?* – *шӓппӓн ыйтнӓ лейтенант* [272, с. 97]. – Вы не признаетесь? – тихо спросил лейтенант.

– *Сук, йӓнӓшмастӓн!* – *тенӓ студентка сирӓппӓн. Савах вӓл, савах!* [272, с. 97] – **Нет, не** ошибаемся! – уверенно ответила студентка.

Далее приведем примеры функционирования частиц *по* и *сук* в повествовательной речи при передаче итогов выражения размышления, приведшего к решительному отрицанию одного из предположений.

англ. *No, little Swallow, said the poor Prince, you must go away to Egypt* [291, с. 35]. – «**Нет**, моя милая Ласточка, – сказал бедный Принц, – ты должна отправиться в Египет».

англ. <...> *Oh! dear no, cried the Rocket* <...> [291, с. 80]. – Ах! **Нет!** – воскликнула ракета.

чув. *Сук, сук, темле пулсан та намастӓн ун нек тума!* [272, с. 127] – **Нет, нет**, ни за что не позволю сделать так.

чув. «*Сук-сук, ман пӓчӓкӓсӓ Чӓкӓсӓм, сук, – тенӓ мӓскӓн Принц, – санӓн Египета каймалла*» [285, с. 14]. – «**Нет, нет**, моя Ласточка, **нет**, – сказал бедный Принц, – ты должна отправиться в Египет».

В приведенных примерах из разноструктурных языков средствами выражения итогов размышления являются детерминатив *по* и постпозитивная отрицательная частица *сук*. Наличие данных показателей в начале предложения указывает, что реплика эмоционально окрашена и экспрессивна.

На основе анализа примеров из чувашского языка мы выявили, что не только постпозитивная отрицательная частица *сук* участвует в функции ответа на заданный вопрос, но и отрицательная частица *мар*, что не является нормой для чувашского языка.

чув. – *Ну, мӓнле, гражданин начальник, фальшивӓй мар-и пирӓн документсем?* – *Ну, гражданин начальник, наши документы не фальшивые?*

– *Мар*, – *терё капитан помощникё хутсене каялла парса.* – *Анчах сарах та эсир йёркеллё пуляр, хавъара хавър тытма пёлёр!* [272, с. 63] – **Нет**, – сказал помощник капитана, отдавая документы обратно. – Однако ведите себя достойно!

В английском языке отрицательная частица *not* также может функционировать в качестве отрицательного ответа на вопрос. В этом случае функция показателя *not*, согласно компетентному толковому словарю английского языка, «дать краткий отрицательный ответ вместо полного ответа» [251]. Полный ответ подразумевает повторение первой реплики и, как правило, в отрицательном статусе. Для реализации краткого ответа требуется ряд таких глаголов, как *to be afraid* «сожалеть», *to guess* «догадываться, предполагать, приблизительно определять, угадывать, отгадывать, понимать; заключать», *to hope* «надеяться, ожидать, предвкушать», *to suppose* «предполагать, полагать, думать, допускать» и др., а также наречия «*probably, maybe, certainly*» [251]. Цель соответствующих наречий – ослабить или усилить значение уверенности (неуверенности) в совершении действия.

англ.

– *Will I see you tomorrow, Harry?* [251] – Гарри, я увижу тебя завтра?

– *Oh, Alice, I'm afraid not* [251]. – Сожалею, Элис, **нет**. (Краткий ответ.)

Oh, Alice, I'm afraid you cannot see me tomorrow. – Сожалею, Элис, но ты не сможешь увидеть меня завтра. (Полный ответ.)

англ.

– *Can we speak to Mr Brindley, please?* [251] – Можем ли мы поговорить с мистером Бредли, пожалуйста?

– *I'm afraid not* [251]. – Боюсь, что **нет**. Он занят. (Краткий ответ.)

– *I'm afraid you cannot speak to Mr Brindley* – Боюсь, что у вас нет возможности поговорить с мистером Бредли. (Полный ответ.)

англ.

– *Do you think she'll remember to come at five instead of six?* [251] – Как ты думаешь, помнит ли она, что мы встречаемся в 5 часов, а не в 6?

– *Probably not* [251]. – Возможно, **нет**. (Краткий ответ.)

I think she cannot remember to come at five instead of six. (Полный ответ.)

В целом семантика, выражаемая при помощи частиц *çuk*, *map* и *no not*, аналогична в английском и чувашском языках.

Интерес к феномену двойное отрицание вызван тем, что исследуемые языки способны выражать данное языковое явление одинаково в структурно-семантическом аспекте. В труде О. Есперсена «Философия грамматики» выделяются кумулятивное и многократное отрицания, уточняются их функции. Автор подчеркивает, что *кумулятивное отрицание* подразумевает наличие в предложении двух отрицаний и выполняет психологическую функцию. Цель психологической функции отрицания – взаимоуничтожить друг друга, тем самым выражая определенное колебание адресанта в истинности высказывания, и ослабляя умственную энергию адресата; *многократное отрицание* содержит в себе два и более отрицательных элемента, цель которого – усилить отрицательную окраску и облегчить процесс восприятия высказывания» [75]. К тому же, по мнению О. Есперсена, «предложение, имеющее в себе как кумулятивное, так и многократное отрицание, становится более эмфатичным и эмоционально окрашенным» [Там же]. По данной теме в своем диссертационном исследовании М.В. Евсина пишет: «Для художественного текста некоторые ученые выделяют употребление плеонастического отрицания и рассматривают его как избыток средств отрицания в предложении, несущий в себе определенную коммуникативную функцию» [73], «двойное отрицание – одно из средств выражения категории интенсивности в языке» [73].

Большой вклад в изучение функционирования двойного отрицания в английском языке принадлежит отечественным и зарубежным исследователям Е.И. Беляевой [43], О. Есперсен [75], О.В. Смуровой [168], С.Х. Умаровой [176], W. Ball [209], T. Givon [215], L.R. Horn [219], Y. Shabanov [242], N. Tursunova [246] и др. Научный интерес к языковому явлению как двойное отрицание в английском языкознании, с точки зрения функциональной грамматики, вызван тем, что наличие более одного отрицательного элемента запрещается языковой нормой.

Рассматривая данный феномен в рамках лингвокультурологического подхода, стоит выделить исследование Е.И. Беляевой, в котором она указывает, что «употребление двойного отрицания связано с этнической культурой самих англичан» [43, с. 13–16]. Так, согласно Е.И. Беляевой, «соблюдение принципа такта при неформальном общении составляет важную лингвистическую и социальную характеристику речевого поведения англичан, что отмечается не только лингвистами, но и писателями и журналистами» [Там же]. Ранее в своем исследовании американский лингвист У.Дж. Болл отметил, что «выражение некатегоричности» присуще разговорной речи англичан. Выражение сдержанности или «некатегоричности» – это компромисс между хорошими манерами и правдивостью. При этом он отмечает, что «двойное отрицание – это одно из средств выражения сдержанной оценки. Это только кажется, что оно функционирует по алгебраическому принципу: -1 и $-1 = +1$, и поэтому в нем мало смысла. На самом деле оно используется, чтобы выразить некоторую степень “выделенности” (эмфазы) или некоторую меру подразумеваемого (подтекста)» [209, р. 201–202].

В современном английском языке имеются слова, инфиксированные двумя префиксами с отрицательной семантикой, где первостоящий префикс является показателем акцентированного отрицания, второй префикс входит в лексический состав слова, например, *unimpeachable* «безупречный», *unimpaired* «неослабленный, незатронутый».

англ. *A spokesman said the Bishop was a man of unimpeachable integrity and character* [251]. – Представитель сказал, что епископ обладал безупречной честностью и характером. Здесь прилагательное *unimpeachable* образовано при помощи двух префиксов с отрицательной семантикой *un-*, *im-*.

англ. *Only two of the unimpaired children performed above chance level on the comprehension test requiring oral responses* [251]. – Только двое из здоровых неослабленных детей ответили на вопросы к тексту выше порогового уровня. Двойное отрицание содержится в прилагательном *unimpaired*, образованного при помощи двух префиксов с семантикой отрицания *un-*, *im-*.

В чувашском языкознании специальных исследований, рассматривающих феномен *двойное отрицание*, мы не обнаружили, поэтому очевидно, что сравнительно-сопоставительный анализ, выполненный на материале из разноструктурных языков, позволяет изъяснить их структурно-семантическое сходство и отличие.

На основании эмпирического материала из чувашского языка выявлено, что в простом чувашском предложении наличествуют несколько «отрицательно» маркированных грамматических показателей или лексических элементов одновременно, функция которых – усилить негативное значение, выраженное глаголом.

чув. *Пёртте иккёленместён* [285, с. 26]. – **Нисколько не сомневаюсь.** Феномен двойного отрицания выражается в предикате *иккёленместён*, образованного от глагола *иккёлен* с семантикой имплицитного значения отрицания, инфиксированного аффиксом отрицания *-мес*. Усилителем отрицательной семантики предиката является слово *пёртте*.

чув. *Улӑп текех хаяр маррине курса* <...> [285, с. 26]. – Заметив, что Улып больше **не злится** <...>. Феномен *двойного отрицания* выражается при помощи имени прилагательного *хаяр* с имплицитным значением отрицания. Эффект усиления отрицательного значения имени прилагательного достигается при помощи отрицательной частицы *мар* (здесь в форме *маррине*).

англ. *Let us never forget those who gave their lives for their country* [251]. – **Никогда не забыть** нам тех, кто отдал свои жизни за спасение страны. Отрицательное наречие *never* усиливает эффект внутрилексемного значения глагола *forget* – не помнить.

англ. <...> *but he did not like to refuse the Miller, as he was such a good friend to him* [291, с. 62]. – <...> но он **не мог не** принять предложение Мельника, потому что он был ему таким хорошим другом. Отрицательная частица *not* интенсифицирует отрицательное значение глагола *refuse* «не принять что-либо».

англ. *But they have not lost their only son, no misfortune has happened to them at all* [291, с. 75]. – Они **не остались без** своего единственного сына, и никакое

событие не произошло с ними. Предикативная отрицательная частица *not* создает эффект усиления глагола с имплицитным отрицанием *lost* «не иметь что-либо». В примере имеется существительное *misfortune*, образованное при помощи префикса *mis-*, эффект усиления значения отрицания достигается при помощи отрицательной частицы *no*. Дополнительный эффект усиления значения отрицания реализуется при помощи частиц *only* и *at all*, которые будут рассмотрены в третьей главе нашего исследования.

Как видно из примеров из английского и чувашского языков, наличие отрицательных частиц, отрицательных наречий, аффикса отрицания и префиксов с отрицательной семантикой не столько формирует отрицательное значение, сколько усиливает качество отрицаемых слов.

Общее сходство данных разноструктурных языков заключается в том, что в них наличествуют обороты речи, состоящие из специальных показателей отрицания, которые способны выражать семантику *подчеркнутого утверждения*.

Так, в английском языке семантика *подчеркнутого* утверждения выражается оборотом, обязательными компонентами которого являются модальный глагол *can (could)* и отрицательная частица *not (n't)*, например, *can't help doing smth – cannot help but do smth* в значении *не в состоянии удержаться от чего-либо, очень хотеть сделать что-либо*. В качестве синонимов употребляются обороты *cannot help but do smth, can't fail to do smth, can't avoid doing smth* в значении *быть не в состоянии удержаться от того, чтобы не сделать что-либо, очень хотеть сделать что-либо*.

англ. <...> *and the Grand Inquisitor himself was so affected that he **could not help saying** to Don Pedro that it seemed to him intolerable that things made simply out of wood and coloured wax* [291, с. 179]. – <...> Великий Инквизитор был сам так взволнован, что **не мог не** сказать Дон Педро, что ему кажется немислимым, что вещи сделаны из дерева и цветного воска.

англ. *Stop laughing! I **can't help** it!* [251]. – Прекратите смеяться! Я **не** могу остановиться!

англ. *I couldn't keep from smiling when she told me what she'd done* [251]. – Я не мог сдержаться от смеха, когда она рассказала мне, что сделала.

В чувашеведении также имеется конструкция с аналогичной семантикой, которая состоит из деепричастия на *-са (-се)* в отрицательном аспекте и в аспекте возможности на *-ай (-ей)*. Осуществление такого типа конструкций подразумевает наличие глаголов *чӑт, тӑс, пултӑр*. Необходимо также отметить, что в чувашском языке форма деепричастия употребляется не в виде *-са (-се)*, а в качестве древней формы *-сӑр (-сӗр)*.

чув. *Сакна вуласан Тараев хӗрхӗн кулмасӑр чӑтаймарӗ* [279, с. 231]. – Почитав это, Тараев не смог удержаться от горькой усмешки.

чув. <...> *кӗрсе тухмасӑр чӑтаймарӗ* [279, с. 199]. – <...> не смог не заехать.

чув. *Армансӑна итлемесӑр те пултарайман вӑл, мӗншӗн тесен Армансӑ унӑн чи сывӑх тусӗ пулнӑ* [285, с. 36]. – Он не мог не послушать Мельника, так как Мельник был его лучшим другом.

Феномен *двойное отрицание* является признаком речевого и коммуникативного поведения носителей английского и чувашского языков. В первую очередь это обусловлено требованиями этикета общения в конкретном социальном и культурном обществе.

В чувашском языке наряду со средствами усиления значения отрицания наличествуют средства ослабления значения отрицания, также описанные в исследовании Р.А. Мышкиной. Среди эксплицитных средств отрицания автор выделяет постпозитивные отрицательные частицы *сук* и *мар*, к которым присоединяются определенные аффиксы для ослабления отрицательного эффекта. «Показатель отрицательного значения *сук*, инфиксированный аффиксом *-рах*, образует слово *сукрах*, которое употребляется в значении *не очень много имеется, есть*. Категоричность отрицательного значения показателя *мар* снимается, если к отрицаемому имени прибавляется частица *-ах (-ех)*, например, *лайӑх мар* «не хорошо» – *лайӑхах мар* «не очень хорошо», *сывӑх мар* «не близко» – *сывӑхах мар* «не очень близко» [128, с. 9].

чув. *Кунта ун хутне кёрекен сын сукрах.* – Здесь его защитников **не очень** много [128, с. 9].

чув. *Ун пек хёр ялта сукрах.* – Таких девушек в деревне **не очень** много [212 с. 9].

чув. *Завод директорён ёсё сямалах мар.* – Работа директора завода **не очень** легкая [128, с. 9].

чув. *Сапах Кёстук ытлашии кулянакан арсынах мар.* – Все же Кестюк **не очень** горящий мужчина [128, с. 9].

чув. «*Ан хярр манран, ытлашии пясках мар эп*», – *терё усълсан* [283, с. 61]. – «**Не** бойтесь меня, **не** слишком уж я большой», – сказал (он), когда пришел в себя.

Схематическое изображение сопоставительного анализа средств усиления отрицания в английском и чувашском языках представлено в таблице 7.

Таблица 7 – Средства усиления отрицания в английском и чувашском языках (количественный анализ)

Средства отрицания	Показатель отрицания	Найдено всего, ед.	В процентах от общего числа единиц
Английский язык			
Лексемы со значением <i>маленького и незначительного</i>	<i>a bit, a penny, a scrap, a straw, a finger, a thing, a bit, a whit, a penny, a pin</i>	40	2,3
Отрицательные местоимения и наречия	<i>nobody, nothing, no one, never, nowhere, none (of)</i>	833	48,0
Усилительная частица	<i>neither (of)</i>	79	4,2
Отрицательный парный союз	<i>neither...nor</i> <i>not...nor</i> <i>not...neither</i>	115	6,6

Двойное сочетание отрицательных префиксов	<i>in-, im-</i>	20	1,15
Отрицательные частицы в функции усиления отрицания	<i>not, no</i>	40	2,3
Обороты речи с семантикой <i>не в состоянии удержаться от чего-либо, очень хотеть сделать что-либо.</i>	<i>can't help doing smth, cannot help but do smth, can't fail to do smth, can't avoid doing smth</i>	98	5,6
Отрицательная частица в функции отрицательного ответа на вопрос	<i>no, not</i>	478	27,5
Чувацкий язык			
Слова и сочетания со значением <i>маленького и незначительного</i>	<i>пёртте, пёри те, пёрре те, кайит та, вуҫех те, пёртак та, чылт та; чёрне хури чухлё те, йён тёршишё те, пёр пёрчё те, пёр, ҫур, чёрёк, чётём, хёлхем и т.д.</i>	273	13,3
Отрицательные местоимения и наречия	<i>никам, нихай, никамла, нимён, нимёнле, нимён чухлё, нихайнешкел, нихсан, ниҫта та, ниепле</i> в сочетании с частицей <i>та (те)</i>	815	41,5

Частица	<i>ни</i>	49	2,5
Отрицательный союз	<i>ни...ни</i>	132	6,7
Обороты речи с семантикой <i>подчеркнутого утверждения</i>	деепричастие на <i>-са (-се)</i> в виде древней формы - <i>сӑр(-сӑр)</i> и вспомогательных глаголов <i>чӑт, тӑс, пултӑр</i> в отрицательном аспекте и в аспекте возможности на <i>-ай (-ей)</i>	85	4,3
Отрицательные частицы в функции усиления отрицания	<i>сук, мар</i>	112	5,7
Частица в функции отрицательного ответа на вопрос	<i>сук, мар</i>	495	25,2

В результате сравнительного анализа средств усиления отрицания мы пришли к следующим итогам (таблица 7):

1) слова со значением *маленького и незначительного*, как правило, часто присутствуют в чувашском языке (13,3%), в английском языке употребление такого рода лексических средств экономично (2,3%). Это связано с тем, что данные единицы употребляются только в определенных контекстах;

2) отрицательные местоимения и наречия являются продуктивными средствами усиления значения отрицания в исследуемых языках. В чувашском языке соответствующие показатели употребляются в сочетании с усилительной частицей *та (те)* и склоняются по падежам;

3) английская частица *neither* в сочетании с предлогом *of* встречается чаще (4,2 %) по сравнению с отрицательной частицей *ни* (2,5 %) в сопоставляемом чувашском языке;

4) в чувашском языке часто встречается парное сочетание *ни...ни* (6,7%), нежели его одиночное функционирование в виде частицы *ни*. В отличие от чувашского языка, в английском языке аналогичное сочетание представлено тремя вариантами *neither...nor, not...nor, not...neither*, что составляет (6,6 %);

5) в чувашском и английском языках усиление отрицания слов с имплицитным и эксплицитным отрицанием происходит при помощи частиц *сук, мар* и аффикса отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфов *-мас (-мес), -м* и частицы *по* соответственно;

6) общим для двух типологически разноструктурных языков является наличие оборотов речи, выражающих значение *подчеркнутого утверждения*. По структуре такие обороты, как правило, содержат в себе маркированные показатели отрицания: отрицательная частица *not* в английском языке и аффикс отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфы *-мас (-мес), -м* в чувашском языке. Обязательными составляющими для реализации соответствующих оборотов являются модальный оператор *can* и аффикс *-ай (-ей)*. Заметим, что оба оборота представлены в отрицательном статусе;

7) специфичная особенность английского языка в том, что слово может принимать два отрицательных префикса, данная особенность противоречит нормам чувашского языка.

Выводы по второй главе

В ходе сравнительно-сопоставительного анализа эксплицитных средств отрицания в английском и чувашском языках мы выявили следующее:

1) полинегативный чувашский язык, в отличие мононегативного английского языка, допускает более двух средств отрицания в предложении;

2) использование показателей отрицания в виде отрицательных частиц в двух сопоставляемых языках сближает разноструктурные языки. В английском языке – это отрицательные частицы *not* и *no*, в чувашском языке показателями отрицания являются препозитивная отрицательная частица *ан* и

постпозитивные отрицательные частицы *мар* и *сук*;

3) в английском языке префиксация является продуктивным способом выражения значения отрицания, как при глагольных, так и при именных частях речи. В чувашском языке способ префиксации недостаточно развит, однако преобладающим средством является аффикс отрицания *-ма* (*-ме*) и его алломорфы *-мас* (*-мес*), *-м*;

4) в выражении каритивного значения общим для двух языков является наличие специальных показателей. В чувашском языке – это аффикс *-сӑр* (*-сӗр*), в английском языке – отрицательный суффикс *-less* и предлог *without*;

5) в чувашском языке аффикс *-сӑр* (*-сӗр*) образует отрицательные формы определенных разрядов местоимений, а также числительных, что не характерно для английского языка. В английском языке отрицательные формы местоимений и числительных образуются при помощи предлога *without*;

6) в чувашском языке лексема *юрамасть* рассматривается в качестве дополнительного средства отрицания в выражении идеи *запрета*. В английском языке также аналогичное значение выражается детерминативом *no* в сочетании с герундием и модальным глаголом *must* в аспекте отрицательности;

7) основными средствами экспрессивного отрицания являются отрицательные местоимения и наречия в типологически разноструктурных языках. Стоит отметить, что местоимения и наречия с отрицательной семантикой по способу образования идентичны: в английском языке – префикс *no-*, в чувашском языке – это префикс *ни-*;

8) в чувашском языке отрицательные местоимения и наречия сопровождаются усилительной частицей *та* (*те*), что не является нормой для современного английского языка;

9) вместе с отрицательными местоимениями и наречиями в качестве интенсификаторов присутствуют слова и сочетания со значением *маленького* и *незначительного*. В чувашском языке они представлены лексемами *пӗртте*, *пӗри те*, *пӗрре те*, *кӑшт та*, *вусех те*, *пӑртак та*, *чӑлт та*; идиоматическими выражениями: *чӗрне хури чухлӗ те*, *йӗп тӑршишӗ те*, *пӗр пӗрчӗ те*, *сур*, *чӗрӗк*,

чѣптѣм, хѣлхем. В английском языке – *a bit, a penny, a snap, a blank, a scrap, a straw, a finger, a thing, a bit, a whit, a penny, a pin*;

10) в чувашском языке парный союз, формирующий отрицательное значение предложения, состоит из двух частиц *ни...ни*. В отличие от чувашского языка, в английском языке аналогичная семантика представлена тремя средствами: *neither...nor, not...nor, not...neither*;

11) в английском языке к базовым отрицательным показателям, выражающим отрицательный ответ на заданный вопрос, относятся детерминатив *no* и отрицательная частица *not*, в чувашском языке – постпозитивная отрицательная частица *сук*. В ходе анализа примеров мы выявили, что постпозитивная отрицательная частица *мар* также встречается в выражении значения *несогласия* в вопросе-ответе;

12) в результате изучения функционирования двойного отрицания в английском и чувашском языках выявлены определенные средства, формирующие усиление отрицательного значения: в английском языке – это двойное сочетание префиксов с отрицательной семантикой *in-, im-* и частица *no*. В чувашском языке двойное отрицание выражается словами с имплицитным значением отрицания, инфиксированных аффиксом отрицания *-ма (-me)* и его алломорфами *-мас (-mes)*, *-м* и постпозитивной отрицательной частицей *мар*;

13) специфичные обороты, передающие значение *подчеркнутого утверждения* в английском и чувашском языках. Несмотря на то, что анализируемые языки разноструктурные, очевидное сходство обнаруживается и в образовании этих единиц. В английском языке это устойчивые обороты *can't help doing smth, cannot help but do smth, can't fail to do smth, can't avoid doing smth*, состоящие из обязательного компонента модального глагола *can* с отрицательной частицей *not*. В чувашском языке реализация аналогичного значения достигается при помощи аффикса отрицания *-сӑр (-сӗр)* при инфинитиве и вспомогательных глаголов *чӑт, тӹс, пултӑр* в отрицательном статусе в аспекте возможности на *-ай (-ей)*.

ГЛАВА 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМПЛИЦИТНЫХ СРЕДСТВ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Во второй главе выявлены и сопоставлены эксплицитные средства отрицания, которые представлены отрицательными префиксами, суффиксами, наречиями и местоимениями, частицами, предлогами, союзами в исследуемых языках. В каждом языке мира наличествуют иные лексические единицы, формирующие семантику отрицания опосредованно, то есть *отрицательное значение скрыто в форме слова, а иногда и в целом предложении*.

В нашем исследовании под термином *имплицитное отрицание* мы имеем в виду скрытые показатели, явно невыраженные показатели, имплицитивы или опосредованное отрицание.

Результаты более ранних исследований, посвященных имплицитному отрицанию, отражены в трудах В.Н. Бондаренко, Г.П. Грайса, Е.С. Падучевой, В.З. Панфилова, В.Н. Ярцевой и др. и явились стимулом для перспективных исследований в сравнительно-сопоставительном аспекте. В.Н. Бондаренко в своей монографии, посвященной категории отрицания, указывает, что «негативное значение скрыто за счет положительной словоформы или синтаксической конструкции» [48, с. 103]. По мнению Г.П. Грайса, «имплицатура подразумевает небуквальные аспекты значения и смысла, которые не определяются непосредственно конвенциональной структурой языковых выражений (языковым кодом), а специальные показатели в дискурсе позволяют угадывать скрытый смысл значения отрицания» [67, с. 220–234]. В отличие от В.Н. Бондаренко и Г.П. Грайса, Е.В. Падучева подчеркивает, что для осуществления имплицитного отрицания важным является атмосфера коммуникации, а не специальные показатели, выражающиеся при помощи языка [137, с. 237]. Ранее В.З. Панфилов также уточнял, что «импликация представляет собой вид логической связи, устанавливаемый мышлением между каким-либо событием (процессом) и условиями, в которых это событие происходит» [141, с. 116]. Исследователи (И.В. Арнольд, А.Г. Поспелова, Ф.Н. Формановская и др.) пришли к общему

выводу, что потребность в таких высказываниях обусловлена рядом коммуникативных факторов. Н.И. Формановская уточняет, что «импликация возникает тогда, когда прямое эксплицитное выражение мысли, воли, желания является нежелательным или неэффективным» [185, с. 71–77], «иногда говорящий специально подбирает непрямую форму выражения. Это случается, когда есть необходимость передать смысл в подчеркнутой или смягченной форме, сделать намек или выразить иронию» [151, с. 141–153]. В словарной статье, посвященной категории отрицания, В.Н. Ярцева пишет: «Чаще всего отрицательное высказывание делается в такой ситуации, когда соответствующее утвердительное было сделано ранее или входит в общую презумпцию говорящих» [261, с. 354]. В связи с этим презумпция – это «подразумеваемый семантический компонент предложения, не выраженный в нем с достаточной эксплицитностью. <...> во всяком тексте, помимо эксплицитно выраженной информации, имеются самые разные виды имплицитной информации, которая не содержится в высказывании в явном виде и тем не менее имеется в виду говорящим и воспринимается слушающим» [139, с. 23–29].

На основе наблюдений исследователей мы можем утверждать, что исключительное свойство имплицитных средств отрицания возникает в рамках естественной коммуникации.

Несомненно, что изучение функционально-прагматических свойств имплицитного отрицания имеет место и в наше время, что подтверждается исследованиями, выполненными на эмпирическом материале как одного языка, так и в сопоставительном аспекте двух и более языков (Ф.Г. Агакишиева, С. Азимова, Ф.Б. Ситдикова и др.).

В последующих 3.1. и 3.2. разделах нами выявлены и сопоставлены имплицитные средства значения отрицания, сгруппированные по содержательным признакам в типологически разноструктурных английском и чувашском языках.

§ 3.1. Лексические импликативы отрицания в английском и чувашском языках

В данном разделе выявлены и сопоставлены лексические импликативы, которые сгруппированы в соответствии их содержанию в двух языках.

Первая группа включает «глаголы, выражающие не только отрицательные эмоции, но и действия с негативным эффектом» [140].

В исследовании ученого-лингвиста Е.В. Падучевой проанализированы глаголы, не содержащие маркированных показателей отрицания, но при этом выражающие отрицательные эмоции «пренебрег, отказался, постеснялся, избежал, воздержался и др.» [137, с. 226–232]. Автор подчеркивает, что глаголы с соответствующей семантикой имеют «внутрилексемное (внутрисловное) отрицание» [Там же]. Например, пренебрег «**не** посчитаться с кем-либо или с чем-либо, **не** сделать того, что должно», отказался «**не** согласиться на чье-либо предложение», постеснялся «**не** решиться сделать что-либо из застенчивости, робости», избежал «**не** попасть в неприятную ситуацию», воздержался «удержать себя от какого-либо действия, отказаться от чего-либо, **не** принимать участия, **не** выразить своего мнения».

Как показывает анализ имплицитных глаголов, они могут трансформироваться при помощи эксплицитных средств выражения отрицания, например, отрицательной частицы *не*.

В английском и чувашском языках также выявлены глаголы с аналогичной семантикой. В английском языке интерпретация глаголов с имплицитным отрицанием дана из толкового словаря английского языка *Cambridge dictionary*, в чувашском языке перевод осуществлен при помощи онлайн-словаря чувашского языка. Трансформация значений осуществлена автором данного исследования Е.В. Андреевой (здесь и далее).

Рассмотрим примеры из английского и чувашского языков, а также их возможную или невозможную трансформацию при помощи выраженных средств отрицания.

Далее рассмотрим глаголы с имплицитным значением отрицания в английском языке:

to avoid «to try **not** to do something» [251] – стараться **не** сделать чего-либо;

to defer «to **not** act quickly or immediately» [251] – **не** выполнить в срок;

to delay «to **not** act quickly or immediately» [251] – **не** выполнить в срок;

to deny «to say that something is **not** true» [251] – сказать о чем-то, что **не** соответствует действительности;

to detest «to hate, **dislike** extremely» [251] – быть крайне **недовольным**;

to evade «to manage **not** to do something» [251] – стараться **не** сделать чего-либо;

to fail «to **not** succeed in what you are trying to achieve or are expected to do» [251] – **не** оправдать ожиданий;

to forget «to be **unable** to remember a fact, something that happened, or how to do something» [251] – быть **не** в состоянии вспомнить о прошедшем событии или действии;

to lack «the fact that something is **not** available or that there is not enough of it» [251] – испытывать **недостаток**, нуждаться, **не** иметь что-либо;

to miss «to fail to do or experience something, often something planned or expected, or to avoid doing or experiencing something» [251] – **не** выполнить запланированное действие, **не** оправдать ожиданий;

to neglect «to **not** give enough care or attention to people or things that are your responsibility» [251] – **не** уделять должного внимания кому-либо или чему-либо;

to overlook «pretend **not** to notice something» [251] – притворяться **не** замечающим чего-либо;

to prevent «to **not** continue to operate something» [251] – **не** продолжать выполнять что-либо, **не** допускать;

to refrain «to avoid doing or stop yourself from doing something» [251] – стараться **не** сделать чего-либо;

to resent «to **dislike** or be angry at something or someone because you have been hurt or **not** treated fairly» [251] – быть **недовольным**;

to shirk «to avoid work, duties, or responsibilities, especially if they are difficult or unpleasant» [251] – **не** выполнять что-либо, особенно если это вызывает неприятные ощущения;

to stop «to **not** continue to operate» [251] – **не** продолжать выполнять что-либо.
англ. *I'll have to go back; I've **forgotten** my car keys* [251]. – Мне придется вернуться; Я **забыл** ключи от машины, или

*I'll have to go back: I **do not remember** where my car keys.* – Мне придется вернуться; я **не** помню, куда положил ключи от машины.

англ. *He **denied** all responsibility for the rumours which have been circulating* [251]. – Он **отрицал** свою ответственность за распространение сплетен, или

*He **did not accept** all responsibility for the rumours which have been circulating.* – Он **не принимал** на себя ответственность за распространение сплетен.

англ. ***Stop** with the childish games – this is serious!* [251] – **Прекратите** играть в детские игры! Это очень серьезно! или

***Do not continue** the childish games – this is serious!* **Не продолжайте** играть в детские игры! Это очень серьезно!

англ. *It's the press's responsibility to **uncover** the truth* [251]. – Это ответственность прессы раскрывать правду.

В примере глагол с имплицитным отрицанием *cover* «покрывать» инфиксирован префиксом *un-*. В этом случае глагол *uncover* «раскрывать» приобретает положительный смысл.

В чувашском языке к глаголам с имплицитным значением отрицания относятся:

ман «забывать, выпускать из памяти, разучиться, отвыкнуть» [268] – **не** помнить;

намӑслан «стыдиться» [268] – **не** решаться на что-либо из чувства стыда;

пӑр «уклоняться, избегать, отлынивать, исказить смысл» [268] – стараться **не** сделать чего-либо;

пĕт «приходить в негодность, кончаться, заканчиваться, приходиться к концу, разорваться, нищать, изнашиваться, пропадать, погибать» [268] – не существовать больше;

сыслан «беречься, остерегаться, избегать, предупреждать, храниться, сохраняться, сберегаться» [268] – стараться не сделать чего-либо;

тăхта «воздерживаться, останавливаться, делать передышку, переставать» [268] – стараться не сделать чего-либо;

чар «прерываться, прекращаться, приостанавливаться, оканчиваться, заканчиваться, переставать, проходить, стопорить» [268] – не продолжать выполнять что-либо;

ютшăн «избегать, сторониться, чуждаться, дичиться, стесняться, смущаться» [268] – не решаться сделать что-либо из застенчивости;

юс «лишиться, терять, утрачивать, отчуждаться, ошибаться, обманываться в ком-чем-либо, терять уважение, разочаровываться в ком-чем-либо, охладевать к кому-чему-либо» [268] – не иметь что-либо.

япăх «ухудшаться, становиться плохим, ветшать, приходиться в упадок, в запустение, расстраиваться» [268] – становится не пригодным.

чув. *Юлашки юман типиччен сĕр синче чăваш пĕтмест* [276, с. 57]. – Пока не высохнет последний дуб, чувашаи не исчезнут на этой земле, или

Юлашки юман типиччен, сĕр синче чăваш пурăнать – Пока не высохнет последний дуб, чувашаи будут жить на этой земле.

Вышеуказанный пример не может быть трансформирован при помощи явно выраженных средств отрицания. Проблема в том, что глагол с имплицитным отрицанием *пĕтмест* уже содержит выраженное средство отрицания в виде аффикса *-мес*, функционирующий в качестве показателя усиления отрицания, выраженного глаголом. С точки зрения переводческой деятельности адекватным представляется применить способ антонимического перевода для передачи соответствующего значения на английский язык, например, *the Chuvash people will live on this land until the last oak tree dries up*. – Чувашаи буду жить на этой земле до тех пор, пока не высохнет последний дуб.

чув. *Вёсем иккёшĕ те выляма чарӑнчĕс* [287, с. 10]. – Они оба **перестали** играть, или

Вёсем иккёшĕ те урӑх пĕрле вылямарĕс. – Они больше вместе **не** играли.

чув. *Анне шурса кайнӑ пит-кусне тусанлӑ аллисемне хупласа йĕрсе ячĕ* [284, с. 10]. – Мать **закрыла побелевшее** лицо **пыльными** руками и заплакала, или *Анне тĕссĕрленнĕ пит-кусне таса мар аллисемне хупламасӑр йĕрсе ячĕ* – Мать, **не** открыв побелевшее лицо **нечистыми** руками, заплакала.

Надо отметить, что английские и чувашские глаголы с имплицитным отрицанием можно трансформировать при помощи эксплицитных средств отрицания: в английском языке – это отрицательная частица *not*, в чувашском языке – аффикс отрицания *-ма* (*-ме*) и его алломорфы *-мас* (*-мес*), *-м*. Деепричастие *хупласа* «закрыв» интенсифицируется при помощи инфинитива на *-ма* (*-ме*) и аффикса отрицания *-сӑр*, т. е. *хупламасӑр*, прилагательное *тусанлӑ* также преобразуется при помощи прилагательного *таса* в сочетании с постпозитивной отрицательной частицей *мар*, т. е. *таса мар*. Общим в двух языках является наличие эксплицитных маркеров отрицания в составе глаголов с имплицитным отрицанием. В английском языке употребляется префикс *in-*, в чувашском языке – это аффикс отрицания *-мес*. Здесь функция префикса *in-*, аффиксов *-мес*, *-сӑр* добавляет эффект отрицательности в предложении. В процессе перевода такие глаголы передаются в положительном значении. Трансформация в таком случае невозможна.

Вторая группа включает именные части речи, выражающие отрицательный признак или предмет в английском и чувашском языках.

Далее рассмотрим английские существительные с имплицитным отрицанием:

absence «the fact of **not** existing» [251] – **не** присутствие;

failure «the fact of **not** being successful» [251] – **не**удача, **не**способность;

fault «a quality in a person that shows that the person is **not** perfect, or a condition of something that shows that it is **not** working perfectly [251] – **не**исправность, изъян;

lack «to **not** have or **not** have enough of something that is needed or wanted» [251] – недостаток;

miss «**not** do something» [251] – неудача, отсутствие;

penury «the state of being extremely **poor**» [251] – бедность, нужда, недостаток, отсутствие;

privation «a **lack** of the basic things that are necessary for an acceptable standard of living» [251] – нужда, недостаток, отсутствие.

англ. *He's always finding **fault** with my work* [251]. – Он всегда придирчив к моей работе, или

*He's **never** satisfied with my work.* – Он **никогда не** доволен моей работой.

англ. “*Lack of time*” is frequently cited as the reason for poor-quality work [251]. – Недостаток времени – показатель некачественной работы, или

Not having much time is frequently cited as the reason for poor-quality work. – **Неравномерное** распределение времени – показатель некачественной работы.

В чувашском языке существительные с опосредованным отрицанием включают:

айӑп «вина, проступок, провинность, физический недостаток, порок, изъян, увечье, несчастье» [268] – что-либо, **не** соответствующее нормам, отклонение;

йӑнӑш «ошибка, **неправильность**, погрешность, заблуждение» [268] – **неправильное**, ошибочное мнение, представление о чём-либо;

катӑк «**недостаток**, **нехватка**» [268] – что-либо, **не** имеющее необходимого количества;

кахат «**недостаток**, **нехватка**, нужда» [268] – что-либо, **не** имеющее достаточного количества;

намӑс «стыд, позор, срам» [268] – **бесчестье**, **бессовестный** поступок;

хӑсӑк «**нехватка**, **недостаток**» [268] – что-либо, **недостающее** до необходимого количества.

чув. *Ҫимӑк иртсен пӑр виҫ-тӑватӑ эрне ҫинче туркеҫҫӗ. Туркemesессӗн пӑр-пӑр айӑп пулатӑ теҫҫӗ* [268]. – После семика в течение трех или четырех недель

воздерживаются от некоторых работ и действий, в противном случае, по их мнению, случится какая-нибудь **беда**, или

Çимёк иртсен пёр виç-тáватá эрне çинче туркеççё. Туркемесессён пёр-пёр лайáх мар япаласем пулаççё теççё. – После семика в течение трех или четырех недель воздерживаются от некоторых работ и действий, в противном случае, по их мнению, случится **несчастье**.

чув. *Пáхáсáн, пуслáхё хáйсен салтакне йáйáшпа:* ют сын-тáр тесе, палламасáр – персе вёлернине кураççё [268]. – Подчиненные видят, как их командир по **ошибке** расстреливает своего солдата, или

Пáхáсáн, тáнсáр пуслáхё хáйсен салтакне ют сын-тáр тесе, палламасáр, персе вёлернине кураççё. – Подчиненные видят, как их командир по **незнанию** расстреливает своего солдата.

В английском языке к прилагательным с имплицитным значением отрицания относятся:

absent «not existing» [251] – **не** существующий;

difficult «**not** easy or simple» [251] – **нелегкий, непростой**;

hard «**not** pleasant or gentle; severe [251] – **неприятный, немягкий**;

reluctant «**not** willing to do something and therefore slow to do it» [251] – **неохотный** и др.

англ. *It is extremely **difficult** being a single parent* [251]. – Настолько **трудно** быть родителем-одиночкой, или

*It is **not** so easy being a single parent.* – **Нелегко** быть родителем-одиночкой.

англ. *Many parents feel **reluctant** to talk openly with their children* [251]. – Многие родители **воздерживаются** открытых разговоров со своими детьми, или

*Many parents feel do **not** feel like talking openly with their children.* – Многие родители **не** хотят открыто разговаривать со своими детьми.

англ. *My mother is very **hard** to please but she really loved this gift* [251]. – Моей маме **трудно** угодить, но подарку она очень обрадовалась, или

*It is **not** so easy to please my mom, anyway she really loved this gift.* – **Нелегко** угодить моей маме, но подарку она очень обрадовалась.

Далее рассмотрим чувашские прилагательные с имплицитным значением отрицания:

япӑх «плохой, запущенный, заброшенный, неряшливый, небрежный» [268] – **недостаточный** в каком-либо отношении, **неудовлетворительный**.

намӑс «позорный, постыдный» [268] – **непристойный**.

йывӑр «тяжелый, трудный, тяжкий» [268] – **непростой** и др.

чув. «*Манӑн почерк япӑх, вӑл ӑна вуласа тухаяс сук*», – *хаш хуйхӑрса ячӑ Виктор* [284, с. 229]. – «У меня **плохой** почерк, он не сможет прочесть его», – глубоко вздохнув, опечалился Виктор, или

«*Манӑн почерк лайӑх мар, вӑл ӑна вуласа тухаяс сук*», – *хаш хуйхӑрса ячӑ Виктор*. – «У меня некрасивый почерк, он не сможет прочесть его», – глубоко вздохнув, опечалился Виктор.

чув. *Ал айӑнче тепӑр лайӑхрах картина пулсанах йывӑрлӑхран хӑтӑлма пулӑччӑ – сук* <...> [283, с. 52]. – Если бы под рукой была еще одна картина получше, можно было и избежать **трудностей** – увы, нет, или

Ал айӑнче тепӑр лайӑхрах картина пулсанах ырай мар япаласенчен хӑтӑлма пулӑччӑ – сук. – Если бы под рукой была еще одна картина получше, можно было бы избежать **неприятностей** – увы, нет.

В «Материалах по грамматике современного чувашского языка» описаны средства усиления качества прилагательных, среди которых выделяют «пит, питӑ, питрех, майсӑр, май сук, нӑрсӑр, имсӑр, сав тери, сав тӑрлӑ, темӑн тӑрлӑ, ытла» [117, с. 99]. Данные усилители, как правило, не сравнивают и не выделяют, а выражают субъективную оценку говорящего.

чув. *Тумтирӑ ытла та сӑхе* [284, с. 220]. – Одежда **слишком** легкая, или *Тумтирӑ айӑй мар сав*. – Одежда **не** совсем теплая.

чув. *Пирӑн ялта ӗлӑк пит усал сын пурӑннӑ тет* [284, с. 8]. – Когда-то в нашей деревне жил **очень злой** человек, или

Пирӑн ялта ӗлӑк пит ырай мар сын пурӑннӑ тет. – Когда-то в нашей деревне жил **очень нехороший** человек.

Сравнение примеров, включающих имена существительные и прилагательные с имплицитным значением отрицания, показало, что трансформация осуществляется при помощи эксплицитных средств отрицания, где показателями отрицательного значения являются отрицательная частица *not*, наречие с отрицательной семантикой *never* в английском языке, постпозитивная отрицательная частица *мар* и аффикс отрицания *-сӑр (-сӗр)* в чувашском языке.

Третья группа включает наречия образа действия в значении *с трудом выполнить действие*. В английском языке к ним относятся наречия «*barely, hardly, scarcely*» [262, с.192, с.110, с.153] «вряд ли, едва, едва ли, чуть, с трудом, еле», в чувашском языке это значение выражается при помощи наречий *аран, аран-аран, арансӑ, асса-хӗссе, кӑшт, кӗс, лӑп-лӑп, пӑртак* в сочетании с аффиксом усиления *-ах, сӑрӗнкӗ, чӑл-чал, чут* (разг.), *чух* (разг.) [268] «едва».

англ. *The night was so black that little Hans could **hardly** see, and the wind was so strong that he could **scarcely** stand* [291, с. 65]. – Ночь была настолько темной, что Ганс **едва** мог видеть, ветер был настолько сильным, что он **едва** стоял на ногах, или

*The night was so black that little Hans could not see **a whit**, and the wind was so strong that he could stand **a bit***. – Ночь была настолько темной, что Ганс **не** видел **совсем ничего**, ветер был настолько сильным, что он **то ли** стоял, **то ли не** стоял на ногах.

англ. *I fear I could **hardly** agree with you there* [290, р. 15]. – Я боюсь, что **вряд ли** соглашусь с вами, или

*I fear I could **not a whit** agree with you there*. – Я боюсь, что **не** соглашусь с вами по этому вопросу **по всем параметрам**.

чув. *Арӑмӗ ачана саппунна чӗркесе умма тытнӑ, чӗркусленӗ сӗртен **аран-аран** тӑрса урапа патнелле хулен утса пынӑ* [284, с. 5]. – Жена завернула ребенка в фартук и держала перед собой, **еле-еле** встав с коленей, медленно подошла к повозке, или

Арăмĕ ачана саппунпа чĕркесе умма тытнă, тăнă-тăман урапа патнелле хуллен утса пынă. – Жена завернула ребенка в фартук, держа перед собой, **едва** встала и медленно подошла к повозке.

чув. «Сук, пымастăп, – терĕ аппа, – паçăр Иванна иксĕмĕр хурал пурчĕ патне пытăмăр та, стражник мана **чутах тытатчĕ**» [284, с. 10]. – «Нет, не пойду, – сказала сестра, – недавно с Иваном подошли к сторожке, стражник меня **едва не** поймал возле него», или

«Сук, пымастăп, – терĕ аппа, – паçăр Иванна иксĕмĕр хурал пурчĕ патне пытăмăр та, стражник мана **çитнĕ-çитмен ярса илчĕ**». – «Нет, не пойду, – сказала сестра, – недавно с Иваном шли к сторожке, **не успев дойти**, стражник меня **сразу схватил**».

В ходе анализа примеров из английского и чувашского языков нами отмечено, что трансформация значения невыраженного отрицания в явное отрицание реализуется при помощи следующих средств. В английском языке – это лексемы со значением *маленького, незначительного* в сочетании с отрицательной частицей *not* при предикате, функция данных средств – внести отрицательный эффект в предложение; в чувашском языке – это удвоенные причастия на *-нă (-нĕ)* с аналогичным значением.

Четвертая группа включает наречия частотности в значении *как часто происходит действие*. В английском языке к таким наречиям относятся *rarely, seldom* [262, с. 19, с. 185] «редко, изредка, нечасто»; в чувашском языке – это наречия *асран-тĕсрен, пăч-пач, сайра, тахçантан-тахçан* [268] «редко, изредка, нечасто».

англ. *We seldom see each other* [251]. – Мы **редко** встречаем друг друга, или *We do not often see each other anymore.* – Мы почти **не** встречаемся друг с другом больше.

англ. *There was scarcely any traffic* [251]. – Дорога **почти** была без пробок, или

There was no any traffic at all. – На дороге **вовсе не** было никаких пробок.

чув. *Улӑхра пӑч-пач утӑ куписем курӑнаҫҫӗ* [268]. – На лугу **кое-где** виднеются копны сена, или

Улӑхра утӑ куписем те курӑнмаҫҫӗ ҫав. – На лугу **то ли видны копны сена, то ли нет.**

чув. *Ҫак таврана ҫынсем сайра хутра ҫеҫ пырса кӗркелесҫӗ* [279, с. 326]. – В эту округу люди приходят лишь **изредка**, или

Ҫак таврана ҫынсем пырса кӗркелемесҫӗ те ҫав. – Люди, которые возвращаются, **то ли заглядывают сюда, то ли нет.**

Трансформация имплицитного значения отрицания осуществляется при помощи отрицательной частицы *not* и детерминатива *no* в сочетании с неассертивными единицами *any* и ее производными *anymore*, *any longer* и наречия *at all* в английском языке. Наличие неассертивных единиц указывает на то, что в предложении присутствует обязательный показатель отрицания. Особенным для осуществления возможной трансформации в чувашском языке является употребление аффикса отрицания *-ма* (*-ме*) и его алломорфов *-мас* (*-мес*), *-м* в составе глагола. Усиление значения *как часто происходит действие* реализуется при помощи модальной частицы *ҫав*, выражающей значение *нерешительности и неопределенности действия*.

Пятая группа включает средства с семантикой *действие, которое имело место когда-то, но более не существует*. В английском языке данное значение выражается при помощи конструкции *used to* [251] «быть привычным к чему-то в прошлом». В чувашском языке аналогичное значение выражается при помощи давнопрошедшего времени, а также слов *ӗлӗк* и его синонима *малтан* [268] «раньше, прежде, некогда, когда-то». Давнопрошедшее категорическое время употребляется в тех случаях, когда необходимо обозначить действия, уже не имеющие отношение к настоящему времени, при этом говорящий сам был очевидцем тех событий. Показателями давнопрошедшего времени являются *-саттӑ* (*-сеттӗ*), *-сатчӗ* (*-сетчӗ*), например, *кайсаттӑм* «я было ходил», *туянсаттӑм* – «я было купил» и др.; *-нӑ пулнӑ* (*-нӗ пулнӑ*), например, *эпӗ вӗреннӗ пулнӑ* «я было учился», *эсӗ вуланӑ пулнӑ* – «ты было читал» и др.

англ. *The birds sat on the trees and sang so sweetly that the children **used to** stop their games in order to listen to them* [291, с. 73]. – Птицы сидели на деревьях и напевали свои песни настолько красиво, и даже дети, **бывало**, прекращали свои игры, чтобы их послушать, или

*The birds sat on the trees and sang so sweetly that the children **didn't play** their games **any longer** to listen to them.* – Птицы сидели на деревьях и напевали свои песни настолько красиво, и даже дети, **бывало**, больше **не** играли в игры, чтобы их послушать.

англ. *Hans took down in a note-book, and **used to** read over at night <...>* [291, с. 64]. – Ганс брал свою записную книжку и, **бывало**, читал ее ночами, или

*Hans took down in a note-book, and **never** return to reading again <...>.* – Ганс брал свою записную книжку и, **бывало**, читал ее ночами, но впредь **никогда не** занимался своим любимым делом.

чув. *Эпӗ хаҫат валли статья **сырсаттӑм та илсе килме астуман*** [117, с. 198]. – Я писал, **бывало**, статью для газеты, но забывал ее приносить, или

*Эпӗ хаҫат валли статья **тахсан сырӑнчӗ, анчах илсе килме астуман*** <...>. – Я давно написал статью, но забыл ее принести.

чув. *Аслӑ егерь хир сыснисем сӗр чавӑн **вырӑнсене сулла курсаччӗ тенӗчӗ, анчах эпӗ ӑна питех ӗненместӗн!*** [279, с. 33]. – Старший егерь говорил, что, **бывало**, летом видел изрытые кабанами места, но я ему не очень-то и верю! или

*Аслӑ егерь хир сыснисем сӗр чавӑн **вырӑнсене сулла малтан курсаччӗ тенӗчӗ, анчах эпӗ ӑна питех ӗненместӗн!*** – Старший егерь говорил, что **раньше** летом видел изрытые кабанами места, но я ему не очень-то и верю!

Таким образом, семантика *действия, которое имело место когда-то, но более не существует*, аналогична в анализируемых языках. Трансформация данной семантики реализуется при помощи отрицательной частицы *not*, в случае усиления значения отрицания употребляется отрицательное наречие *never* в английском языке. В чувашском языке соответствующее значение не поддается трансформации. На законченность действия, как видно из примеров, указывает следствие в придаточной части, выраженное глаголами в аспекте отрицательности

астуман, ёненместён. Слова *тахсан* и *малтан* «давно, раньше» усиливают действие глагола, выраженного давнопрошедшим временем.

Шестая группа включает средства с семантикой *несоответствие между желаемым и действительным* и служит основанием для интерпретации фразы как негативной. В английском языке это значение выражается при помощи оборотов речи *I wish I were, I wish I could, I wish I would* «я бы хотел, но...», *but for* «если бы не». В чувашском языке аналогичная семантика реализуется показателем *-асчĕ (-есчĕ)*, состоящим из аффикса причастия будущего времени *-ас (-ес)* и аффикса прошедшего времени *-чĕ*:

англ. *I wish you would go into Parliament* [290, p.15]. – **Как бы я хотел** стать членом парламента, или

I cannot even imagine to be a member of Parliament. – Я даже и представить не могу, что **мог бы** стать членом парламента.

англ. *But for the traffic, I would have been here an hour ago* [251]. – **Если бы не** автомобильная пробка, я был бы здесь час назад, или

The traffic was not very light I could not come on time. – **Если бы не** скопление машин на дороге, я был бы вовремя.

чув. *Уй, унтан кайтах пысакрах та вайлярах пуласчĕ* [284, с. 31]. – Эх, **быть бы** мне чуть больше и сильнее, чем он, или

Уй, унтан кайтах пысакрах та вайлярах пулма пултараймастайн-ске. – Эх, **не смогу** быть чуть больше и сильнее его.

чув. *Шĕшлĕ нек пуян пуласчĕ, чухайн сын хисепре мар тет* [284, с. 123]. – **Стать бы** мне богатым, как Шешле, бедный человек не в почете, или

Шĕшлĕ нек пуян пулма пултараймастайн-ске эйĕ, чухайн сын хисепре мар тет. – **Жаль**, что я **не смогу** стать таким богатым, как Шешле, бедный человек не в почете.

Трансформация значения *несоответствие между желаемым и действительным* в английском языке осуществляется при помощи отрицательной частицы *not*, в качестве тотального отрицания в предложение вводится наречие *even* с семантикой *невероятного, неожиданного*. В чувашском языке аналогичная

семантика выражается при помощи сочетания инфинитива на *-ма (-ме)* и вспомогательного глагола *пул* в аспекте возможности совершения действия, инфиксированного аффиксом отрицания *-мас (-мес)*.

Седьмая группа включает слова, обозначающие *неопределённое количество*, например, в английском языке – это слова *few* и *little* [251] – **мало, немного, немногие, незначительное число**; в чувашском языке слово *сахал* [268] – **мало, немного, недостаточно**.

англ. *Few parents nowadays pay any regard to what their children say to them* [291, с. 53]. – **Мало** кто из родителей сегодня обращает внимания на то, что говорят им их же дети, или

Not many parents nowadays pay any regard to what their children say to them. – Сегодня **не все** родители обращают внимания на то, что говорят им их же дети.

англ. *Little is known about his upbringing and education* [251]. – **Мало**, что известно о его воспитании и образовании, или

Not much is known about his upbringing and education. – **Не всё** известно о его воспитании и образовании.

чув. *Лӑпкӑ пурӑнас тесен япаласем сахалрах илмелле* [279, с. 32]. – **Надо поменьше** покупать вещей, чтобы жить спокойно, или

Лӑпкӑ пурӑнас тесен япаласем нумай илмелле мар. – **Чтобы** жить спокойно, **не** надо покупать много вещей.

чув. *Вӑсен тырри кӑсал та сахал пустарӑнчӑ* [284, с. 4]. – И в этом году они **мало** собрали зерна, или

Вӑсен тырри кӑсал та нумай мар пустарӑнчӑ. – И в этом году у них зерна было **немного**.

Трансформация значения *неопределённого количества* в разноструктурных языках достигается при помощи частиц. В английском языке – это отрицательная частица *not*, в чувашском языке – постпозитивная отрицательная частица *мар*.

Таким образом, вышеупомянутые средства имплицитного отрицания не содержат ни одного показателя отрицательности, что позволяет «их выделить в отдельный класс элементов с негативной семантикой» [145, с. 35].

Схематическое изображение лексических импликативов в английском и чувашском языках представлено в таблице 8.

Таблица 8 – Лексические импликативы в английском и чувашском языках
(количественный анализ)

Лексические импликативы	Показатель отрицания	Найдено всего, ед.	В процентах от общего числа ед.
Английский язык			
Лексемы с имплицитным отрицанием	глаголы: <i>to avoid, to defer, to delay, to deny, to detest, to evade</i> и др.; имена существительные: <i>absence, failure, fault, lack, miss</i> и др.; имена прилагательные: <i>absent, difficult, hard, reluctant</i> и др.	406	44,4
Наречия образа действия	<i>hardly, scarcely, barely</i>	102	11,1
Наречия частотности	<i>rarely, seldom</i>	107	11,7
Конструкция со значением <i>действие, которое имело место когда-то, но более не существует</i>	<i>used to</i>	85	9,3
Оборот речи со значением	<i>I wish I were / could / would,</i>	99	10,8

<i>несоответствия между желаемым и действительным</i>		<i>but for</i>		
Лексемы с <i>неопределенным количеством</i>		<i>few, little</i>	115	12,6
Чувашский язык				
Лексемы с имплицитным отрицанием		глаголы: <i>ман, намӑслан, пӑр, пӑт, сыхлан, тӑхта, чар</i> и др.; имена существительные: <i>айӑп, йӑнӑш, катӑк, кахат, намӑс, хӑсӑк;</i> имена прилагательные: <i>япӑх, намӑс, йывӑр</i> и др.	68	7,6
Наречия образа действия		<i>аран, аран-аран, аранӑй, асса-хӑссе, кӑшит, кӑс, лӑп- лап, пӑртак, сӑрӑнкӑ, чӑл- чал, чут, чух</i>	112	12,6
Наречия частотности		<i>асран-тӑсрен, пӑч-пач, сайра, тахсантан-тахсан</i>	102	11,5
Аффиксы со значением <i>действие, которое имело место когда-то, но более не существует</i>		<i>-саттӑ (-сеттӑ), -сатчӑ (-сетчӑ); -нӑ пулнӑ (-нӑ пулнӑ)</i>	115	12,9
Аффикс со значением <i>несоответствия</i>		<i>-асчӑ(-есчӑ)</i>		

<i>между желаемым и действительным</i>		403	45,3
Лексема с неопределенным количеством	<i>сахал</i>	89	10,0

Как видно из таблицы 8, общим для разноструктурных языков является наличие слов с имплицитным значением отрицания, которые трансформируются через эксплицитные показатели при помощи специальных средств, присущих каждому из сопоставляемых языков. Однако в чувашском языке трансформация возможна только в определенных семантических группах. Отметим выявленные особенности в английском и чувашском языках:

1) глаголы с имплицитным значением отрицания трансформируются при помощи эксплицитных средств отрицания: в английском языке – это отрицательная частица *not*, в чувашском языке – инфиксацией аффикса отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфов *-мас (-мес)*, *-м*;

2) в английском и в чувашском языках имеются случаи, когда глаголы с имплицитным значением отрицания имеют префикс *in-* и аффикс отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфы в виде *-мас (-мес)*, *-м*, что говорит о невозможности трансформации;

3) имена существительные и прилагательные с имплицитным значением отрицания трансформируются при помощи эксплицитных средств отрицания: в английском языке – это отрицательная частица *not*, в чувашском языке – постпозитивная отрицательная частица *мар*;

4) трансформация наречий образа действия и наречий частотности происходит сложнее. В английском языке – это лексеммы со значением *маленького*, *незначительного* в сочетании с отрицательной частицей *not*. При предикате требуется наличие неассертивных единиц, как *any* и ее производных *anymore*, *any longer* и наречия *at all*. В чувашском языке особенным для осуществления возможной трансформации семантики, выражаемой при помощи

соответствующих наречий, является употребление причастия на *-нй (-нѣ)* в удвоенной форме;

5) трансформация значения *несоответствие между желаемым и действительным* происходит при помощи отрицательной частицы *not* в английском языке, в качестве тотального отрицания в предложение может вводиться наречие *even* с семантикой *невероятного, неожиданного*. Особенность для чувашского языка – это сочетание инфинитива на *-ма (-ме)* и вспомогательного глагола *пул* в аспекте возможности, инфиксированного аффиксом отрицания *-мас (-мес)*;

б) значение *действия, которое имело место когда-то, но более не существует*, трансформируется при помощи отрицательной частицы *not* и наречия *never* в английском языке. В чувашском языке трансформация данного значения невозможна. Слова *тахсӑн* и *малтан* употребляются для усиления данного значения, показатели давнопрошедшего времени, как правило, сохраняются.

§ 3.2. Грамматические импликативы отрицания в английском и чувашском языках

В ходе сравнения грамматических импликативов выявлено восемь семантических групп, выражающих имплицитное значение отрицания при помощи специальных средств в исследуемых языках.

Первая группа включает средства с семантикой *исключения или невключения чего-либо или кого-либо*, и относящиеся к «имплицитно выраженным средствам семантики отрицания» [116].

В исследуемых нами языках они представлены следующими средствами: в английском языке – это предлог *except* «невключения чего-либо, кого-либо» или *except (for)* «исключения чего-либо или кого-либо». Чувашское сочетание, состоящее из аффикса *-сӑр (-сӣр)* с послелогом *пушне*, передает значение, выраженное английским предлогом *except (for)*.

англ. *She likes going to most sports events, **except** cricket matches* [251]. – Ей нравится посещать большинство спортивных мероприятий, **за исключением** соревнований по крикету, или

Not for cricket matches she likes going to most sports events. – Ей нравится посещать большинство спортивных мероприятий, **но не** соревнования по крикету.

англ. ***Except for** Louisa, who's away in Berlin this weekend, we'll all be at the party* [251]. – Все будут присутствовать на вечеринке, **кроме** Луизы, которая уехала в Берлин на выходные, или

Not for Louisa, who's away in Berlin this weekend, we'll all be at the party. – Все будут присутствовать на вечеринке, **но не** Луиза, которая уехала в Берлин на выходные.

чув. *Мотористсӑр пуӑне ун ӑинче уголовнӑй розыскӑн виӑӑ сотрудникӑне Тимуш Кудряшов ларса пычӑӑ <...>* [272, с. 156]. – На нем, **кроме** моториста, сидели три сотрудника из уголовного розыска и Тимуш Кудряшов, или

Ун ӑинче моторист кӑна мар, тата уголовнӑй розыскӑн виӑӑ сотрудникӑне Тимуш Кудряшов ларса пынӑ <...>. – На катере моторист был **не** один, еще сидели трое сотрудников из уголовного розыска и Тимуш Кудряшов.

чув. «Вӑрлама юрамасть. Унсӑр пуӑне тата Лариван мучирен те хӑратӑн», – терӑ Куӑук [274, с. 4]. – «Воровать нельзя. **Кроме** этого, я еще побаиваюсь дедушку Ларивана», – сказал Кузьма, или

«Вӑрлама юрамасть. Тата Лариван мучирен те хӑратӑн», – терӑ Куӑук. – Воровать нельзя, **кроме** этого, я еще боюсь дедушку Ларивана, – сказал Кузьма.

Трансформация значения *указание на отсутствие, ограничение, недостающее до полной меры количества кого-либо или чего-либо* в английском языке реализуется при помощи отрицательной частицы *not*. В чувашском языке трансформация аналогичной семантики происходит при помощи замены сочетания аффикса *-сӑр* (*-сӑр*) с послелогом *пуӑне* на союз *тата* и постпозитивной отрицательной частицы *мар* в сочетании с частицами *ӑеӑ* (*кӑна*).

Вторая группа включает предлоги и союзы с семантикой *отрицательное, противительное, оппозитивное отношение к окружающей обстановке,*

действиям, событиям. В английском языке к ним относится предлог *against* [251] «против, вопреки», в чувашском языке – это союзы *анчах, атту* (разг.), *ахальлён, çанах, та (те)* [268] «а, но, да, однако».

англ. *What can such a hairless one do against the Red Dog?* [289, p. 165] – Что же может сделать это безволосое существо против Рыжей Собаки? или

What can't such a hairless one do anybody but the Red Dog? – Что же может это безволосое существо сделать всем, **но не** Рыжей Собаке?

англ. *For although I am safe from detection, although every proof against me is destroyed <...>* [290, p. 136]. – И даже если я уже не под подозрением, и даже если все доказательства против меня уничтожены <...>, или

For although I am safe from detection, although every disproof towards me is destroyed <...>. – И даже если я уже не под подозрением, и даже если вся неправда обо мне уничтожена <...>.

чув. *Хёвел тухрё, çанах тётре сирёлмерё* [268]. – Солнце вошло, **но** туман не рассеялся, или

Хёвел тухнй-тухман тётре сирёлмерё. – **Едва** вошло солнце, **но** туман не рассеялся.

чув. *Пирён аппа та унта ёслеме каяшйнччё, анчах вырйсла пёлменнипе каймарё* [284, с. 93]. – Наша сестра тоже очень хотела там работать, **но не** зная русского языка, не поехала, или

Вырйсла пёлнё-пёлмен пирён аппа та унта ёслеме каяшйнччё, каймарё. – Наша сестра тоже хотела поехать туда работать, ее смущало незнание русского языка и она не поехала.

чув. *Анук мана хирёс сасй намарё* [284, с. 93]. – Анук не отозвалась мне, или *Анук ним те чёнмерё*. – Анук никак не отозвалась мне.

чув. *Илюк хёрарёма хирёс нимён те калаймарё, ун аллинчи укёсана илчё те пиншакне хывса тыттарчё* [272, с. 55]. – Илюк **ничего не** смог возразить женщине, он взял деньги из его рук и, сняв пиджак, отдал ей, или

Илюк хёрарёма хирёс ним те чёнмерё, ун аллинчи укёана илчё те пиншакне хывса тыттарчё. – Илюк **никак не** смог возразить женщине, он взял деньги из его рук и, сняв пиджак, отдал ей.

В английском языке при трансформации значения *отрицательное, противительное, оппозитивное отношение к окружающей обстановке, действиям, событиям* эксплицитными средствами значения отрицания являются отрицательная частица *not* в сочетании с противительным предлогом *but*. В чувашском языке – это удвоенные причастия *-нӑ (-нӗ)*, отрицательные местоимения образа действия *ним* и аффикс отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфы *-мас (-мес)*, *-м*.

Третья группа включает средства, представленные в придаточном предложении и раскрывающие значение *условия* главного предложения. В английском языке это союз *unless* «пока не, если не». Наличие данного союза в составе сложного английского предложения формирует негативную семантику в придаточной части, при этом наличие иных показателей отрицания не предусмотрено.

англ. *I'm going to look in at the Bachelors' Ball to-night, unless I find something better to do* [290, p. 60]. – **До тех пор, пока** я не найду чем занять себя, тогда я пойду на бал холостяков вечером, или

If I don't find anything to do I'm going to look in at the Bachelors' Ball to-night. – **Если** я не найду чем занять себя, тогда я пойду на бал холостяков вечером.

англ. *You will never be in the best society unless you can stand on your heads* [291, с. 60]. – Вы никогда не станете частью человеческого общества, **пока не научитесь** стоять на головах, или

If you can't stand on your heads you will never be in the best society. – **Если** вы не научитесь стоять на головах, вы не станете частью человеческого общества.

В английском языке трансформация имплицитного значения отрицания осуществляется при помощи союза условия *if* и отрицательной частицы *not*. Отличительная особенность чувашского языка в том, что предлоги не получили

развития в чувашском языке. В связи с этим условное значение может выражаться при помощи как синтетического, так и аналитического способа. В качестве синтетических показателей выступают аффиксы *-сассӑн (-сессӑн)*, в сокращенной форме *-сан (-сен)*, а при аналитическом способе добавляется частица *пулсан*.

Для усиления значения условности за редким исключением в предложения вводятся союзы *енчен* «если», *пӗр* «раз», татарский союз *эхер* (*эгер*), заимствованный из персидского языка, союз *тӑк* из русского языка.

чув. *Кала-ха, енчен те сакӑнта чул сурт пулман пулсассӑн та эсь ништа та тухса кайман пултӑн-и?* [286, с. 37] – Скажи-ка, **если бы** здесь **не** стоял каменный дом, и тогда бы ты никуда не ушел?

чув. *Килӗшместӗр пулсан пӑлхачинӗ пӗлтеретӗн* [284, с. 169]. – **Если** вы **не** согласны, сообщу бунчуковому.

Анализ примеров с семантикой *условности* показал, что особенным для чувашского языка является невозможность осуществления трансформации данного значения. Это связано с тем, что частица *пулсан* сопровождается смысловым глаголом, уже инфиксированным аффиксом отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфами *-мас (-мес)*, *-м*.

Четвертая группа включает средства с семантикой *противопоставления предпочитаемому*. В английском языке – это союзы *instead of, rather than* [251] «вместо, взамен»; в чувашском языке – это послелог *вырӑнне* [268] «вместо того чтобы, лучше, чем».

англ. *Democratic presidential candidate Roosevelt, like today's Democratic candidate, Joe Biden, enjoyed the luxury of running on platitudes **instead of** programs* [251]. – Кандидат в президенты от Демократической партии Рузвельт, как и сегодняшний кандидат от Демократической партии Джо Байден, наслаждался роскошью руководствоваться банальностями **вместо** введения программ, или

*Democratic presidential candidate Roosevelt, like today's Democratic candidate, Joe Biden, didn't like to introduce some programs **but** enjoyed the luxury of running on platitudes.* – Кандидат в президенты от Демократической партии Рузвельт, как и

сегодняшний кандидат от Демократической партии Джо Байден, наслаждался роскошью руководствоваться банальностями, **но не** внедрением программ.

англ. <...> *willing to do anything rather than fight* <...> [289, с. 75] – <...> я сделаю все возможное **вместо** войны <...>, или

<...> *willing to do anything but fight* <...> – я сделаю все возможное, **чтобы не** начать войну.

чув. «Патак сиес **вырӑнне** штраф тӱлеччӑр», – йӑрӑннине пытармасӑр каларӑ Тараев [279, с. 91]. – «Вместо того, чтобы выносить побои, пусть платят штраф», – не скрывая презрения, сказал Тараев, или

«Патак сиес **мар** тесен штраф тӱлеччӑр», – йӑрӑннине пытармасӑр каларӑ Тараев. – **Чтобы не** выносить побои, пусть платят штраф, – не скрывая презрения, сказал Тараев.

чув. *Анчах ун вырӑнне Улатимӑр мучи хӑй каласа нама тытӑнчӑ* [272, с. 9]. – Однако **вместо** него начал рассказывать сам дед Улатимер, или

Анчах вӑл мар, Улатимӑр мучи хӑй каласа нама тытӑнчӑ. – Однако **не** он, **а** начал рассказывать сам дед Улатимер.

На основании примеров, в состав которых входят союзы *instead of / rather than* в английском языке и послелог *вырӑнне* в чувашском языке, можно заключить, что семантика эквивалентна в разноструктурных языках. Предложения с этими средствами можно трансформировать через эксплицитные средства: в английском языке – это противительный союз *but* и отрицательная частица *not*, в чувашском языке употребляется постпозитивная отрицательная частица *мар*.

Пятая группа включает союзы с семантикой *предотвращения какого-либо события*. В английском языке показателями являются союзы *lest* [251] «чтобы не» и *for fear (that)* [251] «чтобы не, как бы не, как бы ни», в чувашском языке – союз *тесе* [268] – «чтобы». В «Материалах по грамматике современного чувашского языка» относительно союза *тесе* имеется уточнение, что он «по своему происхождению является деепричастием в значении «говоря, сказав». Он функционирует в качестве союза, когда стоит после деепричастия на *-ас (-ес)*, а

также в форме 3-го лица понудительного (т. е. *повелительного*. – Уточнение наше) наклонения» [117, с. 330].

Рассмотрим выражение данной семантики на примерах из английского и чувашского языков.

англ. *The merchants have to stop their ears with wax lest they should hear them and leap into the water* <...> [291, с. 135]. – Купцам приходится затыкать себе уши воском, **чтобы не** броситься в воду и **не** погибнуть в волнах <...>, или

The merchants have to stop their ears with wax in order not to hear them and leap into the water <...>. – Купцам приходится затыкать себе уши воском для того, **чтобы не** броситься в воду и **не** погибнуть в волнах <...>.

англ. *They wouldn't let their cat outside for fear that it would get run over* [251]. – Они не будут выпускать свою кошку на улицу, **чтобы** она **не** попала под машину, или

They wouldn't let their cat outside in order not to let their cat get run over. – Они не выпустят свою кошку на улицу, **чтобы** она **не** сбежала.

чув. *Эпӗ ёнене ан курчӑр тесе вите алӑкне хупрӑм* [284, с. 204]. – **Чтобы не** увидели корову, я закрыла дверь хлева.

чув. *Пирӗн пуп, хӑй хытӑ кӑмӑлсӑрланнине палӑртас мар тесе пулӑ* <...> [284, с. 181]. – Наш священник, **чтобы не** выражать свое сильное недовольство, наверное <...>.

Сопоставление примеров, включающих имплицитное значение отрицания, выраженное при помощи грамматических средств отрицания, содействовало выявлению ряда особенностей в разноструктурных языках. Из примеров следует, что трансформация английских союзов *lest* и *for fear that* осуществляется при помощи эквивалента *in order not to*. В чувашском языке аналогичное значение не поддается эксплицитному преобразованию. Это связано с тем, что в чувашском языке союз *тесе* всегда сопровождается одним из показателей явно выраженных отрицаний, как препозитивная частица *ан* и постпозитивная частица *мар*. В содержательном аспекте значение *предотвращения события* равнозначны в исследуемых языках, хотя структурно различаются.

Шестая группа включает слова, указывающие на *чрезмерно большие количественные характеристики*.

В английском языке встречаются сравнительные конструкции с наречием *too* «более, чем достаточно», наречием *only* «только, исключительно, единственно», и определяемые как «показатели частичного выражения отрицания» [260, с. 92, 519, 770]. В англо-русском фразеологическом словаре под редакцией А.В. Кунина приведены примеры с наречием *too* : «*too good to be true, to be too much for smb., too rich for my blood*» – «оказаться не по силам кому-либо, это не для меня, невероятно, не может быть, не по силам» [260, с. 92, 519, 770].

англ. «*He is really far too ugly to be allowed to play in any place where we are*», – *cried the Tulips* [291, с. 120]. – «Он **настолько** уродлив, что ему непозволительно находиться рядом с нами», – прокричали Тюльпаны, или

«*He is not so beautiful to be allowed to play in any place where we are*», – *cried the Tulips*. – «Он **не настолько** красив, что ему позволительно находиться рядом с нами», – прокричали Тюльпаны.

англ. *The only people who were pleased were the Snow and the Frost* [291, с. 48]. – Снег и Мороз были **единственными** гостями, кому были рады, или

Not everyone was pleased but the Snow and the Frost. – **Не** всем были рады, **кроме** Снега и Мороза.

В чувашском языке аналогичную семантику выражает частица *кӑна* «как только, лишь, едва», функционирующая в качестве «ограничителя» [117, с. 332] слова, к которому она относится.

чув. *Çӑварна ус кӑна, пӗр шӑлсӑр хӑварӑн!* [279, с. 350]. – **Только** попробуй рот открыть, без зубов оставлю! или

Çӑварна уснӑ-усман пӗр шӑлсӑр хӑварӑн! – **Как только** откроешь рот, без зубов оставлю!

Трансформация значения *чрезмерно большие количественные характеристики* реализуется при помощи отрицательной частицы *not* и наречия *so* «так, столько, так много» в английском языке. В чувашском языке аналогичное значение образуется при помощи причастий *-нӑ* (*-нӗ*) в удвоенной форме.

Седьмая группа включает средства с семантикой *удаленности в пространстве* в разноструктурных языках.

Функционирование средств с семантикой *удаленности в пространстве* в предложении вызывает особый интерес, так как форма и выражение различны, что подтверждается наблюдениями Л.Р. Хорна: «Отрицательное значение возникает тогда, когда имеет место отклонение от нормы, являющейся причиной несоответствия, разрыва связи» [219, р. 18–22]. В значимых исследованиях зарубежных лингвистов когнитивного направления подчеркивается, что «в структурах с имплицитным отрицанием заложены абстракции конкретных значений, обозначающих расположение в пространстве и характеристику объекта. Визуальное восприятие позволяет человеку определять месторасположение предметов, расстояние, границы, перспективу, движение, направление, размер, цвет, интенсивность качества, сходства и различия внешнего вида, форму, контур, фигуру и фон, профиль и базу, соотнесенность предметов» [231], «концептуальные единицы основывались на перцепции, только потом стали возникать концепты абстрактного характера. При зарождении концептуально-абстрактных структур осуществляется перенос признаков с одного понятия на другое. Человеческое сознание абстрагирует конкретное значение, облекая его в переносную форму. При этом происходит эволюция семантики. Поэтому семантическое содержание следует рассматривать в качестве средства создания новых значений» [188], «параметр ясности при восприятии высказываний, отрицательных в том числе, непосредственно связан с оппозицией конкретное/абстрактное» [212]. Дж. Лакофф считает, что: «Восприятие времени – одна из составляющих когнитивного опыта человека. Временной характер речевой деятельности свидетельствует о том, что мир в понимании человека обладает временной структурой. Временная структура мира включает в себя аспекты соотнесенности между фактами и событиями окружающей действительности. Факты и события соотносятся друг с другом во времени как совпадающие и несовпадающие. Несовпадение временной соотнесенности фактов или событий является почвой для косвенной передачи отрицательного значения.

Так, отображая временное восприятие, наша речь наряду с другими концептами оказывается способной выражать отрицание» [230, р. 907–927].

Следовательно, для передачи скрытого смысла требуется больше времени и усилий, чем для передачи «явно выраженного», конкретного значения отрицания.

В английском языке к предлогам с отрицательной семантикой относятся *away from, off, out of*. Дж. Миллер подчеркивает значимость данных предлогов следующим образом: «Предлоги *away, from, off, out of* указывают на удаленность месторасположения и способны придать высказыванию отрицательный смысл. Они в сочетании с глаголами *to be, to keep, to feel, to stay* выполняют функцию характеристики удаленности в пространстве» [234, р. 212]. В дополнение предыдущего автора, Р. Квирк пишет: «Пространственные предлоги *out of, away from, off* семантически эквивалентны структуре с отрицательной частицей и предлогом, указывающим на удаленность в пространстве» [237, р. 678].

Примеры из исследования Р. Квирк:

*Tom is **out of** the water.* – Том **вне** воды.

*Tom is **not in** the water.* – Том **не** в воде.

*Ann is **away from** home.* – Аня **вне** дома.

*Ann is **not** at home.* – Аня **не** дома.

*The book is **off** the shelf.* – Книга **снята** с полки.

*The book is **not** on the shelf.* – Книга **не** на полке [237, р. 678].

Рассмотрим выражение значения *удаленности в пространстве* в английском языке.

англ. *And don't fall into any temptations while I am **away*** [290, р. 125]. – Не поддавайся никакому соблазну, пока я в **отъезде**, или

*And don't fall into any temptations while I am **not in**.* – Не поддавайся никакому соблазну, пока я **не здесь**.

англ. *I have been **out of** England for so long* [290, р. 125]. – Я так долго был **за пределами** Англии, или

*I have **not been in** England for so long.* – Меня так долго **не было в** Англии.

В диссертационной работе И.Г. Никитиной [130] описаны глаголы движения по векторному значению направления движения в чувашском языке. Для нашего исследования значимыми являются глаголы по горизонтали, из пространства наружу. К ним относятся глаголы: *кай* «идти, уходить, ехать, уезжать, улетать, отправляться», *тух* «выходить, выезжать», *ирт* «проходить, миновать».

чув. *Хёвел хёрелсе тухнй вӑхӑталла ялтан хёрлӑ обоз тухса кайрӑ* [284, с. 235]. – На рассвете из села **выехал** красный обоз.

чув. *Пушатса пӗтерсен пурте апатланма столовайне кайрӑс* [284, с. 235]. – Освободившись, все ушли в столовую.

чув. *Уроксем пӗтсенех Петте класран пуринчен малтан тухса чупрӑ* [284, с. 255]. – Как только закончились уроки, Петя первым **выбежал** из класса.

Трансформация примеров с семантикой *удаленности в пространстве* в разноструктурных языках показала, что в английском языке преобразование возможно при помощи отрицательной частицы *not*, в чувашском языке такое преобразование недопустимо, так как искажается смысл предложения в целом.

Восьмая группа включает средства со значением *выполнить действие до какого-либо времени или момента*. В английском языке используется предлог *before* «перед, до», в чувашском языке применяются послелог *таран* «до, вплоть до», аффикс *-сӑр (-сӑр)*. Послелог *таран* в чувашском языке, в отличие от английского предлога *before*, имеет две формы: *тарана*, образованный от дательного-винительного падежа *-а* и *таранчен*, образованный прибавлением аффикса *-(ч)чен*.

англ. *I need to have the letter before Friday* [251]. – Мне необходимо получить письмо **до** пятницы, или

Friday is too late. I need it in advance of Friday. – Мне необходимо получить его **до** пятницы, иначе будет поздно.

англ. *I dare say I lost it at the Opera, before we came on here* [290, p. 74]. – Я смею сказать, что потерял его в Опере **до того**, как мы пришли сюда, или

I didn't have it at the Opera already. I lost it earlier. – У меня его уже не было **до того**, как мы пришли в Оперу.

чув. *Касчен ййвара пёр чёнё те юлмасть* [279, с. 85]. – **До** вечера в гнезде не останется ни одного птенца.

чув. *Аслă Улкаш еннелле кайса сухалчĕ, эпĕ уй урлă киле таврăнтăм та ку таранччен те куç хупмарăм* [279, с. 106]. – Он исчез на стороне Больших Алгашей, я вернулся через поле домой и **до сих пор** не смыкал глаз.

чув. *Ашиё ку таранччен сывăшăн Нина чĕререн хĕпĕртет* [284, с. 211]. – Нина от всего сердца радуется, что отец **до сих пор** здоровый.

чув. *Бран касăр килмесĕ-тĕр-ха* [268]. – Они, вероятно, приедут **не ранее** завтрашнего вечера.

Анализ английских и чувашских примеров с семантикой *выполнить действие до какого-либо времени или момента* показал, что в английском языке преобразование допустимо при помощи отрицательной частицы *not*. В чувашском языке трансформация невозможна, так как предложение приобретает противоположное значение.

Схематическое изображение грамматических импликативов в английском и чувашском языках представлено в таблице 9.

Таблица 9 – Грамматические импликативы в английском и чувашском языках

Виды семантических групп	Показатель отрицания	Всего найдено, ед.	В процентах от общего числа средств отрицания
Английский язык			
Исключение или не включение чего-либо или кого-либо	предлог <i>except (of)</i>	174	22,0

Отрицательное, противительное, оппозитивное отношение к окружающей обстановке, действиям, событиям	союз <i>against</i>	97	12,3
Условность выполнения действия	союз <i>unless</i>	103	13,0
Противопоставление предпочитаемому	союзы <i>instead of,</i> <i>rather than</i>	99	12,5
Предотвращение события	союзы <i>lest,</i> <i>for fear (that)</i>	75	9,5
Чрезмерно большие количественные характеристики	наречия <i>too, only</i>	111	14,0
Удаленность в пространстве	предлоги <i>away from,</i> <i>off, out of</i>	130	16,5
Чувашский язык			
Исключение или невключение чего-либо или кого-либо	постфикс <i>-сӑр (-сӗр)</i> в сочетании с послелогом <i>пуçне</i>	117	10,7
Отрицательное, противительное, оппозитивное отношение к окружающей обстановке, действиям, событиям	союзы <i>анчах, атту</i> (разг.), <i>ахальлӗн,</i> <i>çанах, та (те),</i> послелог <i>хирӗç</i>	179	16,4

Условность выполнения действия	частица <i>пулсан</i>	102	9,3
Противопоставление одного признака / предмета другому признаку /предмету	послелог <i>вырӑнне</i>	89	8,1
Предотвращение события	союз <i>тесе</i>	112	10,3
Чрезмерно большие количественные характеристики	<i>пит, питӗ, питрех, майсӑр, май сук, нӗрсӑр, имсӑр, сав тери, сав тӗрлӗ, темӗн тӗрлӗ, ытла</i>	188	17,2
Удаленность в пространстве	глаголы <i>кай, тух, ирт</i>	304	27,9

Как видно из таблицы 9, мы выявили восемь семантических групп, в которых представлены грамматические импликативы. В ходе сравнения грамматических импликативов в разноструктурных языках мы пришли к следующим итогам:

1) трансформация значения *исключения или невключения чего-либо или кого-либо* в английском языке реализуется при помощи отрицательной частицы *not*. В чувашском языке возможна частичная трансформация, где послелог *пуçне* заменяется частицей *тата*, и с сохранением аффикса отрицания *-сӑр (-сӗр)*;

2) при трансформации значения *отрицательное, противительное, оппозитивное отношение к окружающей обстановке, действиям, событиям* средствами в аспекте отрицательности являются отрицательная частица *not* в сочетании с противительным предлогом *but*. В чувашском языке показатели отрицательного значения богаче: это удвоенные причастия, а также отрицательные местоимения;

3) сравнение достаточного количества примеров с семантикой

условности, удаленности в пространстве, выполнить действие до какого-либо времени или момента, предотвращения события указало на невозможность осуществления трансформации в чувашском языке, так как при введении эксплицитных показателей смысл предложения искажается;

4) значение, выраженное при помощи английских союзов *instead of / rather than*, а также послелога *вырӑнне* в чувашском языке трансформируется при помощи следующих средств: в английском языке – это противительный союз *but* и отрицательная частица *not*, в чувашском языке – это постпозитивная отрицательная частица *мар*;

5) слова, указывающие на *чрезмерно большие количественные характеристики*, трансформируются при помощи отрицательной частицы *not* в английском языке и причастиями в удвоенной форме в чувашском языке.

Известно, что наиболее популярными средствами в процессе обмена как положительных, так и отрицательных эмоций в языке служит диалоговое пространство. Примерами для сопоставления послужили наиболее популярные синтаксические приемы, выявленные в ходе сравнения, на материале оригинальных художественных произведений. Отметим, что разговорная речь, реализующаяся в основном в устной форме в ситуации спонтанного общения и при непосредственном взаимодействии нескольких коммуникантов, нами специально не исследовалась.

Известно, что специфика разговорной речи в полном объеме проявляется на синтаксическом уровне, где синтаксические свойства обусловлены особенностями ее функционирования такими, как неподготовленность, спонтанность, тесная связь с ситуацией. В связи с этим возникает особенное оформление речи в диалоговом пространстве, где такие стилистические приемы, как реплика-повтор, риторический вопрос, восклицательные предложения, по форме утвердительные, а по содержанию отрицательные, являются основанием для возникновения имплицитного значения выражения отрицания.

Сравнительный анализ аутентичных примеров показал, что реплика-повтор, риторический вопрос и восклицательные предложения являются продуктивными

средствами для осуществления коммуникативно-прагматической функции предложений-высказываний в анализируемых языках.

Так, по определению Н.Ю. Шведовой, повтором называется «построенная по правилам разговорной речи вторая реплика, выражающая экспрессивно окрашенную реакцию на сказанное, имеющая в качестве своей структурной основы те или иные элементы словесного состава первой реплики и подчиняющаяся ей по форме» [191, с. 69].

Пример 1.

– *How very trivial of him!* [290, p. 8] – Какая **пошлость** с его стороны!

– *Terribly trivial! What did your man talk about?* [290, p. 8] – Ужасная **пошлость**! А ваш кавалер о чем говорил?

Пример 2.

– *How very selfish of you!* [290, p. 8]. – Как **эгоистично** с вашей стороны!

– *I am very selfish* [290, p. 8]. – Я истинный **эгоист**.

Пример 3.

– *What an absurd reason!* [290, p. 8] – Какая **абсурдная** причина!

– *All reasons are absurd* [290, p. 8]. – Все причины **абсурдны**.

В приведенных примерах имплицитное выражение отрицания достигается за счет положительных по форме прилагательных, как *trivial* «тривиальный, банальный, незначительный, пустой, обыденный, мелкий, ненаучный», *selfish* «эгоистический, себялюбивый, корыстный», *absurd* «нелепый, абсурдный, глупый, смехотворный». К тому же лаконичность фраз в диалоговом пространстве указывает на тактичность и специфичность культурного поведения англичан, где отдаление или дистанцирование является обязательным условием в процессе коммуникации.

В чувашском языке также имеются аналогичные стилистические приемы.

Пример 1.

– *Пёчĕк Ганс çĕре кĕни – пурсăмăршăн та пысăк çухату* <...>. – Смерть Маленького Ганса для нас всех большая потеря.

– *Маншӑн, чӑн та, пысӑк сӑхату*, – *тенӗ Армансӑ*. – И для меня, конечно, большая потеря, – сказал Мельник [285, с. 39].

Пр и м е р 2.

– *Сарӑ чӑххин чӗпписем тухман-и-ха?* – *ыйтрам эӗ*. – У желтой курицы цыплята не вылупились еще? – спросил я.

– *Виӗ чӗпӗ тухнӑ*. – Вылупилось трое цыплят.

– *Ыттисем мӗншӗн тухман-ши?* – Почему другие не вылупились?

– *Сӑмартисем пӑсӑлнӑ*. – Яйца **испортились**.

– *Мӗншӗн пӑсӑлнӑ-ши вӗсем?* [284, с. 39] – Почему же они **испортились**?

В примерах из чувашского языка в качестве показателей, реализующих явно невыраженное отрицание, выступают существительное *сӑхату* «утрата, потеря» и глагол в форме прошедшего времени *пӑсӑлнӑ*, образованный от глагола *пӑсӑл* «портиться, ухудшаться, повреждаться, становиться больным, заболеть, нарушаться, разлаживаться». Двухкратное повторение одного и того же слова свидетельствует о неблагоприятной ситуации в момент общения.

Пр и м е р 3.

– *Миҫе тенкӗ ыйтатӑн?* – Сколько рублей просишь?

– *Пилӑк тенкӗ паратӑн пулӗ*. – За пять рублей отдашь, наверное.

– *Пиллӑк хаклӑ, ме виҫсӗ* <...>. – Пять дороговато, на три <...> [284, с. 265].

Проанализируем третий пример детально.

В ответной реплике *Пилӑк тенкӗ паратӑн пулӗ* на вопрос *Миҫе тенкӗ ыйтатӑн?* присутствует модальное слово *пулӗ* «вероятно, возможно, пожалуй, кажется». Это слово указывает на то, что совершение действия считается маловероятным. Далее в ответной реплике *Пиллӑк хаклӑ, ме виҫсӗ* имеется прилагательное *хаклӑ* «дорогой», которое трансформируется при помощи прилагательного *йӑнӗ* «дешевый» в сочетании с постпозитивной отрицательной частицей *мар*, например, *Пиллӑк йӑнӗ мар, ме виҫсӗ*. В продолжение высказывания происходит сдвиг от большего к наименьшему, т. е. от пяти рублей до трех, что также говорит о негативной семантике предложения-высказывания в целом.

Общим для двух языков является наличие синтаксического приема как реплика-повтор. Однако презентация культурного компонента в двух языках имеет свои специфичные особенности: в английском языке – это лаконичность, в чувашском языке – это неточность, неясность, боязнь ошибиться в выражении своих мыслей.

В связи с этим особого внимания заслуживают мемуары И.Я. Яковлева о характере чувашей, которые собраны и опубликованы в книге «Моя жизнь». В книге «Моя жизнь» И.Я. Яковлева ярко показан культурный этикет чувашского этноса, представленный в свете характера чувашского народа. Выдающийся педагог, просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев писал: «В характере чуваш есть много симпатичного. Но в них нет той энергии, того широкого, удалого размаха, той мощи духа, того творчества, какие встречаются зачастую у русских. У них мало разума, способности рассуждать, энергии, настойчивости, предприимчивости. По натуре они вспыльчивы, мелочны, способны натворить глупостей, если задеть их личное самолюбие (чувашская вспыльчивость отразилась и на моем характере). Им чужды порывы к самопожертвованию, героизму и подвигу. <...> У чувашей есть еще одна черта характера, часто отсутствующая у русских, – неуменье, как бы стыд, боязнь выразить наружно свои чувства, хотя бы самые хорошие, чистые, законные. Они вообще замкнуты и молчаливы» [198, с. 64–65]. Как странно бы это не звучало, но «все плохие поступки чувашей» [Там же], согласно наблюдениям И.Я. Яковлева, исходят от русских и татар.

Далее рассмотрим риторический вопрос как средство реализации имплицитного средства отрицания.

англ. *God made the blind–worm and the mole, and each has its place. Who art thou to bring pain into God's world? Even the cattle of the field praise Him* [291, с. 8]. – Бог создал земляного червя и крота и определил каждому из них его место. **Кто ты такой, что осмеливаешься приносить страдания в сотворённом Богом мире?** Ведь даже скот, пасущийся в лугах, прославляет Божье имя.

англ. *And what have we to do with the lives of those who toil for us? Shall a man not eat bread till he has seen the sower, nor drink wine till he has talked with the vinedresser?* – И что нам жизнь тех, кто трудится за нас? И воздерживаться ли от хлеба, пока не увидишь пахаря, и от вина, пока не молвишь слова с виноградарем? [291, р. 9].

чув. *Вёсем мёнле сын чунёнчен пулнй-ши?* [284, с. 213]. – От какой человеческой души они произошли?

чув. *Ах, аҫтан тухрӗ ку лаша вӑйӗ?* [284, с. 262]. – Откуда же взялась эта лошадиная сила?

Яркими примерами грамматических имплицитивов являются восклицательные предложения в сопоставляемых английском и чувашском языках. Эти предложения по форме не имеют маркеров в аспекте отрицательности, а по содержанию отрицательные.

англ. *What a curious shape you are! May I ask were you born like that, or is it the result of an accident?* [294, с. 73] – Какая **странная** форма у тебя! Могу я спросить, вы родились таким или это результат несчастного случая?

англ. *How selfish I have been!* [291, с. 49] – Каким же я был **эгоистом!**

англ. *You don't mean to say you have sold it? What a very stupid thing you do!* [292, с. 59]. – Вы же не хотите сказать, что продали его? Какую **глупость** вы совершаете?

чув. *Ун чух кӑтартнӑ пулӗччӗ ҫав мӑн кӑмӑллӑ хӗре «Шатра Михала» тени мӑн хака ларнине!* [284, с. 33] – Показал бы тогда этой гордой девушке, как дорого обойдутся слова «Шатра Михала».

чув. *Аҫтан пултӑр-ха апла тӑк ҫак тӗнчере унран хаклӑрах кӗтес!* [283, с. 52]. – Нет на этой земле дороже этого уголка!

чув. *Ан аташ-ха, ҫак халь-халь ишӗлесе тайӑлнӑ мунчара кам пурӑнтӑр!* [283, с. 67]. – Не сходи с ума, кто будет жить в этой вот-вот разваливающейся бане!

Следует отметить, что негативное значение в синтаксических конструкциях, как риторический вопрос, восклицательные предложения, достигается при помощи определенной интонации, «характеризующаяся продолжительностью

звучания отрицательного по смыслу слова или выражения и восходящим тоном» [64, с. 159–167]. В дополнение Н.А. Гаспилене, Е.И. Шендельс пишет: «Имплицитность присуща определенным структурам как их грамматический идиоматизм, она вытекает только из значения целой структуры, за которой, кроме того, закреплена определенная интонация» [192, с. 77–79].

Очень справедливо отмечает Р.А. Мышкина в своем диссертационном исследовании: «Как правило, в таких предложениях нет материально выраженных индикаторов отрицательности, другими словами, на конструктивно-синтаксическом уровне анализируемые предложения несут положительную информацию. Но в процессе коммуникации, т. е. на коммуникативно-синтаксическом уровне, они безошибочно идентифицируются носителями языка как отрицательные» [128].

Таким образом, реплика-повтор, риторический вопрос, восклицательные предложения, будучи синтаксическими приемами, являются основанием для формирования имплицитного значения отрицания в коммуникации в целом. Эти приемы, как правило, предполагают наличие фоновых знаний коммуникантов о ситуации, в рамках которой происходит общение. Не имея формальных показателей отрицания, они способны осуществить интенционально-прагматическую функцию сообщения при помощи слов с опосредованным отрицанием.

В связи с этим приведем наблюдения Дж. Миллера, в которых он подчеркивает значимость интерпретации для имплицитной семантики. Автор подчеркивает, что «указание на несоответствие или ограниченность во времени при определенных условиях коммуникации может формировать отрицательное значение. Любые несоответствия, ограниченность, а также недостаточность символизируют нарушение связи. Существуют определенные законы, позволяющие говорящему субъекту соединить грамматические правила и семантические. Благодаря этим законам человеческое сознание при определенных коммуникативных условиях абстрагирует конкретный факт несовпадения во времени в отрицании» [234].

Схематическое изображение синтаксических приемов в английском и чувашском языках представлено в таблице 10.

Таблица 10 – Синтаксические приемы в английском и чувашском языках

Синтаксические приемы	Язык			
	Английский		Чувашский	
	Всего найдено, <i>ед.</i>	В процентах от общего числа средств отрицания	Всего найдено, <i>ед.</i>	В процентах от общего числа средств отрицания
Реплика-повтор	299	73,1	281	67,4
Риторический вопрос	15	3,7	16	3,8
Восклицательные предложения	95	23,2	120	28,8

Как видно из таблицы 10, сравнение стилистических приемов показывает их структурно-семантическое сходство. Востребованность соответствующих приемов очевидна: в английском языке (96,3 %), в чувашском языке (96,2 %). Р.А. Мышкина отмечает, что именно в диалогах они получают экспрессивно-эмоциональную окраску (недовольство, раздражение, обида и т. д.) и имеют иронически-отрицательный смысл [128]. Эту мысль подчеркивает И.А. Андреев: «...вряд ли следует упускать из виду возможность выражения утверждения и отрицания чисто интонационными средствами. Соответствующая интонация может придать утвердительный смысл отрицательному предложению и отрицательный смысл предложению утвердительному. Если об отрицательном предложении говорить только при наличии формальных показателей отрицания,

то содержательную сторону предложения при этом вовсе приходится игнорировать. Вряд ли такое понимание отрицательного предложения можно считать приемлемым. По-видимому, об отрицательном предложении невозможно говорить без учета его смыслового содержания» [128].

Выводы по третьей главе

Импликативы в разносистемных языках встречаются на разных уровнях языка: лексическом и грамматическом. Значение имплицитного отрицания аналогично в исследуемых нами языках, но структурно отличается.

В ходе сравнения имплицитных средств выражения отрицания выявлено четырнадцать семантических групп, выводы которых приведены далее:

1) очевидным отличием чувашского от английского языка является то, что трансформация имплицитных средств отрицания, согласно нашим наблюдениям, возможна не во всех случаях. Это связано с тем, что в чувашском языке чаще встречаются конструкции с показателями отрицания;

2) трансформация глаголов и именных частей речи с неявно выраженным значением отрицания осуществляется при помощи отрицательной частицы *not* в английском языке. В чувашском языке – это аффикс отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфы *-мас (-мес)*, *-м*, постпозитивная отрицательная частица *мар*;

3) в английском языке трансформация наречий образа действия и наречий частотности реализуется при помощи лексем со значением *маленького*, *незначительного* в сочетании с отрицательной частицей *not*. В чувашском языке преобразователями имплицитного значения отрицания являются причастия на *-нӑ* (*-нӗ*) в удвоенной форме;

4) в английском языке трансформация значения *несоответствие между желаемым и действительным* достигается при помощи отрицательной частицы *not*. В сопоставляемом чувашском языке – сочетание инфинитива на *-ма (-ме)* и вспомогательного глагола *пул* в аспекте возможности, инфиксированного аффиксом отрицания *-мас (-мес)*;

5) в английском языке значение *действия, которое имело место когда-то, но более не существует*, трансформируется при помощи отрицательной частицы *not*. В чувашском языке трансформация данного значения невозможна. Это связано с тем, что глагол уже выражен давнопрошедшим временем. При добавлении аффикса отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфов *-мас (-мес)*, *-м* предложение становится более эмоционально окрашенным;

6) трансформация значения *исключения или невключения чего-либо, кого-либо* в английском языке реализуется при помощи отрицательной частицы *not*. В чувашском языке возможна частичная трансформация, где послелог *пушне* заменяется союзом *тата* и сохраняется аффикс отрицания *-сӑр (-сӑр)*;

7) при трансформации значения *отрицательное, противительное, оппозитивное отношение к окружающей обстановке, действиям, событиям* средствами в аспекте отрицательности является отрицательная частица *not* в сочетании с противительным предлогом *but*. В чувашском языке показатели отрицательного значения богаче: это удвоенные причастия на *-нӑ (-нӑ)*, отрицательные местоимения образа действия *ним*, аффикс отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфы *-мас (-мес)*, *-м*;

8) сравнение достаточного количества примеров с семантикой *условности, удаленности в пространстве, выполнить действие до какого-либо времени или момента, предотвращения события* указало на невозможность осуществления трансформации в чувашском языке, так как при введении эксплицитных показателей смысл предложения искажается;

9) значение, выраженное при помощи английских союзов *instead of / rather than*, а также послелога *вырӑнне* в чувашском языке трансформируется при помощи следующих средств: в английском языке – это противительный союз *but* и отрицательная частица *not*, в чувашском языке – это постпозитивная отрицательная частица *мар*;

10) слова, указывающие на *чрезмерно большие количественные характеристики*, трансформируются при помощи отрицательной частицы *not* в английском языке и причастиями в удвоенной форме в чувашском языке;

11) значения *условности, удаленности в пространстве, выполнения действия до какого-либо времени или момента, предотвращения какого-либо события* указали на невозможность осуществления трансформации в чувашском языке, так как при введении эксплицитных показателей смысл предложения несколько искажается.

Исследователи имплицитных средств отрицания приходят к общему заключению, что «положительная грамматическая форма способна имплицитировать отрицательное значение только при определенных условиях коммуникации. Лексическое наполнение, грамматическая структура, интонация, а также контекст взаимосвязаны в процессе формирования единиц с имплицитным отрицанием» [11], «скрытые смыслы реализуют непосредственную связь слова с миром, нередко минуя грамматику или даже действуя вопреки грамматическому строю языка. Подобно тому, как личность формируется под воздействием своего непосредственного окружения, так и смысл высказывания вбирает в себя элементы мира, культуры, сознания и опыта говорящих» [113]. В дополнение исследователь А.А. Масленникова пишет: «Определение скрытых смыслов осуществляется за счет имеющихся в предложении четких и недвусмысленных указаний на наличие скрытой категории или значения» [18]. Ранние исследования, посвященные прагматическому аспекту значения отрицания, отражены в работе Ч. Стевенсона: «Система ценностей субъекта и образ мышления также создают благодатную почву для возникновения имплицитного отрицания. Ценностная система и ментальный инвентарь человеческого сознания схематизируют объективно существующие пространственный и временной континуумы, создавая большое количество способов выражения исходных представлений любого содержания. Несоответствие между нормой и реальностью, желаемым и действительным, планируемым и реализованным, причиной и следствием, условием и выполнением создает почву для импликации отрицания. Человеческий интеллект находит языковые средства для отображения подобного несоответствия» [242, p. 37–80].

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ семантики синтаксических средств отрицания показал, что исключительное свойство категории отрицания заключается в том, что она способна придать уже имеющимся в языке средствам совершенно иные формы в объективном мире при помощи скрытых маркеров отрицания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о семантике категории отрицания, изучаемый с древнейших времен и по настоящее время, остается предметом повышенного интереса исследователей из различных областей науки, что подтверждает значимость данной универсалии и для сопоставительного языкознания в целом.

В языковом сознании концепт *отрицание* содержит ряд семантических признаков как небытие, непризнание, неприятие, опровержение, отказ, отметание, отсутствие, несоответствие, разъединённость. Именно данные семантические признаки определяют выбор средств, с помощью которых эксплицируются и имплицитно содержатся характеристики категории отрицания в каждом из анализируемых языков.

В настоящем диссертационном исследовании категория отрицания рассматривается как комплексная лингвистическая категория, которая находит свое выражение в грамматике и лексике каждого из сопоставляемых языков.

Для выявления общего и особенного проведен сравнительно-сопоставительный анализ способов и средств категории отрицания в двух генетически неродственных разноструктурных языках.

В ходе сравнительно-сопоставительного анализа способов и средств выражения отрицания в исследуемых языках мы пришли к следующим основным выводам:

1) генетически неродственные разноструктурные английский и чувашский языки находят общее в выражении изоморфизма, представленные, в частности, показателями каритивного значения: в английском языке – это суффикс *-less*, в чувашском языке – это показатель *-сӑр (-сӗр)*;

2) выражение значения глагольного отрицания в исследуемых языках семантически эквивалентно, но отличается по структуре. В английском языке отрицательное значение предиката выражается при помощи отрицательной частицы *not* во всех наклонениях глагола, в чувашском языке, где доминирующим способом словоизменения является агглютинация, отрицательная форма

образуется посредством аффикса *-ма* (*-ме*), который может выступать в зависимости от фонетических позиций, в виде алломорфов *-мас* (*-мес*), *-м*;

3) в английском языке отрицательные формы глаголов также образуются при помощи префиксов с негативной семантикой *un-*, *dis-*, *mis-*, *under-*, что не является показателем отрицательного значения в чувашском языке. В чувашском языкознании имеется единственный префикс *ни-*, образующий отрицательные местоимения от вопросительных местоимений;

4) общим для двух разноструктурных языков является наличие отрицательных частиц в выражении идеи *запрета*: в английском языке – это отрицательная частица *not* и детерминатив *no*, в чувашском языке – это препозитивные отрицательные частицы *ан* и *мар*. Сочетание детерминатива *no* с неличной формой глагола, герундием, также передает семантику *запрета* в английском языке, в чувашском языке аналогичное значение выражается при помощи лексемы *юрамасть*. Относительно постпозитивной отрицательной частицы *мар* установлено, что она функционирует, как правило, в выражении обратного значения *желания совершить действие* и является проявлением вежливого обращения к собеседнику. Аналогичное значение в английском языке реализуется при помощи отрицательной частицы *not*;

5) в английском языке отрицательная форма инфинитива образуется при помощи отрицательной частицы *not*. Очевидным отличием английского инфинитива от инфинитива в чувашском языке является то, что отрицательная частица *not* может менять свое положение в предложении в зависимости от цели высказывания. Для нейтрального стиля характерно использование отрицательной частицы *not* между показателем инфинитива *to* и глаголом. Для выделения семантической содержательности глагола в аспекте отрицательности негативная частица *not* ставится перед маркером инфинитива *to*. Особенность чувашского языка заключается в том, что в нем встречаются две отрицательные формы инфинитива. Первая отрицательная форма представляет сочетание инфинитива на *-ма* (*-ме*) и постпозитивной отрицательной частицы *сук*, функционирующей не в качестве отрицания действия, выраженного инфинитивом, а для выделения

качества, имени прилагательного, употребляющегося вместе с ним. Вторая форма состоит из сочетания инфинитива на *-ma* (*-me*) и отрицательной частицы *mar*, функционирующая в качестве противопоставления главного действия незначительному действию;

6) в английском языке деепричастие в качестве самостоятельной формы не выделяют. В отличие от английского языка, в чувашском языке отрицательные формы деепричастия образуются при помощи аффикса отрицания *-ma* (*-me*), выступающий в зависимости от фонетических позиций алломорфов *-mac* (*-mec*), *-m*;

7) английский герундий и имя действия в чувашском языке идентичны в семантическом аспекте, однако средства выражения отрицательного значения различаются. Средства выражения отрицательного значения герундия в английском языке разнообразнее, чем в чувашском языке. К ним относятся предлог *without*, отрицательная частица *not* и детерминатив *no*. В отличие от английского языка, в чувашском языке функционирует единичное средство выражения отрицательного значения имени действия – это постпозитивная отрицательная частица *çuk*;

8) английские причастия образуют отрицательные формы при помощи отрицательной частицы *not*. Особенным для чувашского языка является наличие разнообразных причастных форм, отличающихся как в структурном, так и семантическом аспекте, и в аспекте отрицательности. Причастия в чувашском языке, в сравнении с причастиями в английском языке, имеют три средства отрицания: постпозитивные отрицательные частицы *mar* и *çuk*, аффикс отрицания *-m*;

9) отрицательные формы именных частей речи выражаются при помощи отрицательных частиц, отрицательных аффиксов и префиксов с негативной семантикой в разноструктурных языках. В английском языке отрицательные формы имени существительного в основном образуются при помощи детерминатива *no*. В чувашском языке очевидным различием является наличие двух средств выражения отрицательного значения: постпозитивные

отрицательные частицы *çuk* и *мар*. Специфичностью английских отрицательных форм имен существительных является присоединение отрицательных префиксов *il-*, *ir-*, *im-*, *in-*, *un-*, *dis-*, *mis-*, *non-* к слову, что не характерно для чувашского языка. В отличие от английского языка, в чувашском языке постпозитивная отрицательная частица *мар* может являться отрицательным аффиксом в случае ее инфиксации в состав имени прилагательного и добавления словообразовательного аффикса *-лӑх* (*-лӗх*), субстантивируясь в имя существительное с абстрактным значением.

10) в английском языке образование отрицательной формы имени прилагательного достигается при помощи отрицательных префиксов *un-*, *in-*, *im-*, *il-*, *dis-*, *non-* и суффикса *-less*. В чувашском языке аффикс отрицания *-сӑр* (*-сӗр*) участвует в образовании отрицательных форм имен прилагательных, инфинитивов на *-ма* (*-ме*);

11) уникальность чувашской постпозитивной отрицательной частицы *çuk* в том, что она может выступать в качестве предиката предложения в выражении значения *не имеется, отсутствует*. В английском языке аналогичное значение осуществляется сочетанием обстоятельственного оборота *there is / are* и отрицательной частицы *not*;

12) в разноструктурных языках выявлены частицы, усиливающие или ослабевающие негативную семантику слова. В английском языке – частицы *even*, *only*, в чувашском языке – модальные частицы *-çке*, *-ха*, *-вӗт*, *-чӗ*, *-ши*, *-шим*, *-и*, *-им*, *-ме*. Они получают свое лексическое наполнение, только присоединяясь к определенному слову с реальным значением, без знаменательного слова они не обладают никаким семантическим свойством;

13) в английском и чувашском языках отрицательные формы местоимений и наречий, кроме собственно отрицательных, образуются при помощи отрицательной частицы *not* и аффикса *-сӑр* (*-сӗр*) соответственно;

14) значение *противопоставления* осуществляется при помощи сочетания отрицательной частицы *not* и противительного союза *but* в английском языке. В чувашском языке аналогичное значение реализуется только посредством

постпозитивной отрицательной частицы *mar*;

15) на основе анализа общеотрицательных предложений мы выявили, что в английском языке значение выражения отрицания достигается не только при помощи отрицательных местоимений и наречий, но и посредством предиката в отрицательном аспекте. В сопоставляемом чувашском языке выражение общего отрицания реализуется в том случае, если в предложении присутствует глагол в отрицательном статусе. Для образования частноотрицательных предложений общим для обоих языков является обязательное наличие однородного противопоставляемого противочлена;

16) в качестве усилителей отрицательного значения, а также средств, употребляющихся для обозначения полного отсутствия признака, предмета или образа действия, применяются отрицательные местоимения и наречия в разноструктурных языках: в английском языке – это местоимения *none*, *nobody* *nothing* и наречия *nowhere*, *never*, в чувашском языке используются местоимения *никам та*, *нимён те* и наречия *нихăсан та*, *ниçта та*;

17) очевидное отличие двух языков состоит в том, что в монологическом английском языке наличие двух и более показателей выражения отрицания недопустимо принятыми нормами языка, в полинегативном чувашском языке присутствие двух и более показателей отрицательности указывает на усиление значения аспекта отрицательности, выраженного, как правило, глаголом;

18) общим сходством в исследуемых языках является феномен *двойного отрицания*, выражающий значение *подчеркнутого утверждения*. В английском языке реализация данного значения осуществляется, если присутствует модальный оператор возможности *can*, например, *can't help doing smth* и *can't keep doing smth*. В чувашском языке аналогичное значение выражается при помощи деепричастия на *-ca* (*-ce*) в виде древней формы *-căp* (*-cёр*) и глаголов *чăт*, *тўс*, *пултăр* в аспекте возможности на *-ай* (*-ей*), инфиксированных аффиксом отрицания *-мас* (*-мес*), *-м*;

19) глаголы и именные части речи с имплицитным значением отрицания трансформируются при помощи средств, свойственных для эксплицитных средств

отрицания: в английском языке – отрицательная частица *not*, в чувашском языке – аффикс отрицания *-ма (-ме)* и его алломорфы *-мас (-мес)*, *-м*, а также постпозитивная отрицательная частица *мар*;

20) наречия образа действия и наречия частотности в разноструктурных языках имеют специфичные особенности в процессе трансформации: в английском языке – это лексемы со значением *маленького, незначительного*, отрицательная частица *not* в сочетании с неассертивными единицами, как *any* и ее производными *anymore, any longer* и *at all*. Особенным для осуществления возможной трансформации аналогичной семантики в чувашском языке является употребление причастия на *-нӑ (-нӗ)* в удвоенной форме;

21) значение *несоответствие между желаемым и действительным* трансформируется при помощи отрицательной частицы *not*. В качестве тотального отрицания в предложение вводится наречие *even* с семантикой *невероятного, неожиданного* в английском языке. Особенным для чувашского языка является сочетание инфинитива на *-ма (-ме)* и вспомогательного глагола *пул* в аспекте возможности, инфиксированного аффиксом отрицания *-мас*;

22) в английском языке трансформация значения *указание на отсутствие, ограничение, недостающее до полной меры количества кого-либо или чего-либо* реализуется при помощи отрицательной частицы *not*. В чувашском языке возможна частичная трансформация, где послелог *пушне* заменяется союзом *тата*, но значимое слово сохраняет аффикс отрицания *-сӑр (-сӗр)*;

23) трансформация значения *отрицательное, противительное, оппозитивное отношение к окружающей обстановке, действиям, событиям* осуществляется такими средствами, как отрицательная частица *not* в сочетании с противительным предлогом *but*. В чувашском языке показателями отрицательного значения служат удвоенные причастия на *-нӑ (-нӗ)*;

24) значение *условности, значение удаленности в пространстве, значение выполнения действия до какого-либо времени или момента, значение предотвращения какого-либо события* не поддаются трансформации, так как в случае введения эксплицитных показателей смысл предложения искажается;

25) сравнение стилистических приемов указывает на наличие структурно-семантического сходства в разноструктурных языках, а также их востребованности в разговорной речи в английском и чувашском языках.

Сравнительно-сопоставительный анализ эксплицитных и имплицитных средств отрицания на материале аутентичной литературы в двух языках позволяет констатировать о наличии общего и особенного в разноструктурных языках.

В будущем для исследования проблемы семантики отрицания представляется возможным изучение ее на примерах разговорной речи, при этом обращая внимание на ее коммуникативно-прагматические характеристики. Составление грамматического справочника, включающего в себя корпус эксплицитных (грамматических, лексических, словообразовательных) и имплицитных средств выражения семантики отрицания, которые систематизировались в данном диссертационном исследовании, аналогично рассматривается в качестве перспективы для лингвистов, преподавателей английского и чувашского языков, студентов, изучающих английский язык, а также переводчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллина, Г. Р. Средства выражения отрицания в башкирском, русском и английском языках (на материале рассказа З. Бишевой «Мастер и Подмастерье» и его переводов на русский и английский языки) / Г. Р. Абдуллина, Д. Д. Хисамова, Р. И. Сафина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. № 5. – С. 332–336.
2. Аверина, А. В. Модальные частицы в структуре предложения (на материале немецкого и русского языков) / А. В. Аверина. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnye-chastitsy-v-strukture-predlozheniya-na-materiale-nemetskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 17.04.2025).
3. Агакишиева, Ф. Г. Характерные особенности имплицитных средств категории отрицания в английском и русском языках / Ф. Г. Агакишиева. – Текст : электронный // Foundations and Trends in Modern Learning. – 2023. – № 2. – URL: <https://ojs.publisher.agency/index.php/FTML/article/view/1358> (дата обращения: 17.04.2025).
4. Адмони, В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 392 с. – Текст : непосредственный.
5. Адмони, В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: строй современного немецкого языка : учебное пособие / В. Г. Адмони. – Москва : Просвещение, 1986. – 336 с. – Текст : непосредственный.
6. Азимова, С. Лингвопрагматические особенности отрицания в английском и русском языках / С. Азимова. – Текст : непосредственный // Общество и инновации. – 2021. – Т. 2, № 11. – С. 54–58.

7. Айзенштадт, Э. И. К вопросу об эмфазе отрицания в современном английском языке / Э. И. Айзенштадт. – Текст : непосредственный // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. – 1955. – Т. 31, № 1. – С. 30–39.
8. Айзенштадт, Э. И. Место отрицания в строе современного английского языка / Э. И. Айзенштадт. – Текст : непосредственный // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. – 1959. – Т. 73. – № 5. – С. 21–41.
9. Айзенштадт, Э. И. Семантика отрицания / Э. И. Айзенштадт. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1949. – № 5. – С. 19–25.
10. Алигусейнова, Ф. Ш. Типология отрицания в лезгинском и английском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Алигусейнова Феодосия Шихисламовна. – Махачкала, 2007. – 153 с. – Текст : непосредственный.
11. Амиров, А. Т. ИмPLICITное отрицание в современном английском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Амиров Асиф Танрыверды оглы. – Москва, 1981. – 32 с. – Текст : непосредственный.
12. Амони, М. Д. Категория отрицания в английском и таджикском языках / М. Д. Амони. – Текст : непосредственный // Вестник Педагогического университета. – 2021. – № 3(92). – С. 100–105.
13. Анашкина, И. А. Анализ категории отрицания: корпусный подход (на материале английского языка) / И. А. Анашкина, И. И. Конькова. – Текст : непосредственный // Современная германистика и западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature) : коллективная монография. – Вып. 3 / ответственный редактор А. В. Иванов. – Москва : Флинта, 2021. – С. 171–183.
14. Андреев, И. А. Причастие в чувашском языке / И. А. Андреев. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1961. – 261 с. – Текст : непосредственный.
15. Андреев, Н. А. Краткий грамматический очерк чувашского языка /

Н. А. Андреев. – Текст : электронный. – URL: http://lang.moy.su/files/andreev_gramspravchuv.rar (дата обращения: 21.02.2018).

16. Андреева, Е. В. Еще раз к вопросу о двойном отрицании в английском и чувашском языках / Е. В. Андреева, А. А. Пушкин. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8–1 (62). – С. 81–84.

17. Андреева, Е. В. К вопросу о двойном отрицании в английском и чувашском языках / Е. В. Андреева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1–1 (55). – С. 87–90.

18. Андреева, Е. В. Отрицательные суффиксы и префиксы в английском языке в сопоставлении с отрицательными аффиксами в чувашском языке / Е. В. Андреева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11 – 1 (53). – С. 15–18.

19. Андреева, Е. В. Отрицательные частицы в английском и чувашском языках: переводческий аспект / Е. В. Андреева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9–2(39). – С. 19–21.

20. Анисимова, О. С. Прагматико-аргументативные функции отрицания в пословицах (на материале французского языка) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.05 / Анисимова Ольга Сергеевна. – Москва, 2019. – 177 с. – Текст : непосредственный.

21. Антонов, Г. В. От формальной логики к диалектике (вопросы теории суждения) / Г. В. Антонов. – Москва : Наука, 1971. – 238 с. – Текст : непосредственный.

22. Апресян, Ю. Д. Значение и оттенок значения / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1974. – Т. XXXII, . – №. 4. – С. 320–330.

23. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Языки русской культуры : Восточная литература, 1995. – 472 с.

24. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков : учебное пособие / В. Д. Аракин. – 3-е изд. – Москва : Физматлит, 2000. – 255 с.
25. Аристотель. Сочинения. В 4 томах. Т. 1 / Аристотель ; редактор и автор предисловия В. Ф. Асмус. – Москва : Мысль, 1976. – 550 с. – (Серия: Философское наследие) – Текст : непосредственный.
26. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / Аристотель ; редактор и автор предисловия З. Н. Микеладзе. – Москва : Мысль, 1978. – 684 с. – (Серия: Философское наследие) – Текст : непосредственный.
27. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике : учебное пособие / И. В. Арнольд. – Москва : Высшая школа, 1991. – 140 с.
28. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 384 с. – Текст : непосредственный.
29. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 2003. – 383 с. – Текст : непосредственный.
30. Ахвандерова, А. Д. Современное состояние чувашских диалектов / А. Д. Ахвандерова. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. – 2014. – № (83). – С. 74–78.
31. Ахметзадина, З. Р. Языковые средства актуализации категории отрицания в английском языке / З. Р. Ахметзадина, Г. С. Исхакова. – Текст : электронный // Власть истории – История власти. – 2023. – № 50. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovyye-sredstva-aktualizatsii-kategorii-otritsaniya-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 14.05.2025).
32. Ашмарин, Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. В 2 ч. Ч. 1. Учение о звуках (фонетика) / Н. И. Ашмарин. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. – XXXIV + 382 с. – Текст : непосредственный.

33. Ашмарин, Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. В 2 ч. Ч. 2. Учение о формах (морфология) / Н. И. Ашмарин. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. – XXXIV + 382 с. – Текст : непосредственный.
34. Ашмарин, Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. В 2 ч. Ч. 2 / Н. И. Ашмарин. – Симбирск : Типо-лит. Г. С. Н. Х., 1923. – 276 с. – Текст : непосредственный.
35. Ашмарин, Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. В 2 ч. Ч. 1 / Н. И. Ашмарин. – Казань : Типо-лит. В. М. Ключникова, 1903. – 573 с. – Текст : непосредственный.
36. Базелл, Ч. Е. Лингвистическая типология / Ч. Е. Базелл. – Текст : электронный // Принципы типологического анализа языков различного строя : сборник статей / составитель О. Г. Ревзина, ответственный редактор Б. А. Успенский. – Москва : Наука, 1972. – 282 с.
37. Баранникова, Л. И. Введение в языкознание : учебное пособие / Л. И. Баранникова; предисловие В. Е. Гольдина. – Изд. 2-е, доп. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 392 с. – Текст : непосредственный.
38. Баранова, В. В. Показатель отрицания *ma* в чувашском языке / В. В. Баранова. – Текст : непосредственный // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – Т. 4. – № 30. – С. 9–17.
39. Бахарев, А. И. Отрицание в логике и грамматике / А. И. Бахарев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 77 с. – Текст : непосредственный.
40. Белоусова, Е. Д. Категория отрицания в русском и европейских языках и ее когнитивные различия / Е. Д. Белоусова. – Текст : электронный // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2022. – № 11 (91). – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kategoriya-otritsaniya-v-russkom-i-evropejskikh-yazykakh-i-ee-kognitivnye-razlichiya.html> (дата обращения: 17.04.2025).
41. Бельчиков, Ю. А. О культурном коннотативном компоненте лексики / Ю. А. Бельчиков. – Текст : непосредственный // Язык: система и функционирование : сборник научных трудов. – Москва : Наука, 1988. – С. 30–35.

42. Беляев, А. Н. Аффиксальные средства выражения категории отрицания в разноструктурных языках / А. Н. Беляев. – Текст : непосредственный // Доклады Башкирского университета. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 51–57.

43. Беляева, Е. И. Принцип вежливости в речевом общении / Е. И. Беляева. – Текст : непосредственный // Иностраный язык в школе. – 1985. – № 2. – С. 13–16.

44. Беркутова, В. В. Судьба отрицания в истории языка / В. В. Беркутова. – Текст : непосредственный // Лаканалия. – 2018. – № 28. – С. 180–191.

45. Богуславский, И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов : монография / И. М. Богуславский ; ответственный редактор А. П. Ершов. – Москва : Наука, 1985. – 175 с. – Текст : непосредственный.

46. Болдырев, Н. Н. Когнитивная природа языка : сборник статей / Н. Н. Болдырев. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 251 с.

47. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – 2-е изд., стер. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2002. – 123 с. – Текст : непосредственный.

48. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – Москва : Наука, 1983. – 215 с. – Текст : непосредственный.

49. Бродский, И. Н. Отрицательные высказывания / И. Н. Бродский. – Ленинград : Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1973 – 95 с. – Текст : непосредственный.

50. Бродский, И. Н. Формализация понятия выполнимой формулы логики высказываний / И. Н. Бродский. – Текст : непосредственный // Логика и методология науки : Логика : [Доклад / ответственный редактор П. В. Таванец]. – Москва : [б. и.], 1973. – С. 25–30.

51. Булатов, А. Б. О генезисе отрицательных слов ан «не» и мар «не» в чувашском языке / А. Б. Булатов. – Текст : непосредственный // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. – Чебоксары, 1980. – С. 155–157.

52. Булах, Н. А. К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках / Н. А. Булах. – Текст : непосредственный // Ученые записки. – 1957. – Вып. XXX (XL). Иностранные языки. – С. 37–86.

53. Булах, Н. А. Развитие грамматической категории отрицания в немецком языке : (На материале древневерхненем. и средневерхненем. периодов) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.00.00 / Булах Наталья Александровна. – Ленинград, 1954. – 20 с. – Текст : непосредственный.

54. Булах, Н. А. Средства отрицания в немецком литературном языке / Н. А. Булах. – Ярославль : [б. и.], 1962. – 334 с. – Текст : непосредственный.

55. Буранов, Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков / Дж. Буранов. – Москва : Высшая школа, 1983. – 267 с. – Текст : непосредственный.

56. Васильев, Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика / Н. А. Васильев. – Текст : непосредственный // Журнал Министерства народного просвещения. – 1912. – № 7–8. – С. 207–246.

57. Васильева, С. А. К вопросу о семантике отрицательных частиц / С. А. Васильева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1959. – № 3. – С. 78–85.

58. Васильева, С. А. Постановка вопроса о так называемом отрицательном наклонении / С. А. Васильева. – Текст : непосредственный // Сборник работ Ленинградского технологического института пищевой промышленности / ответственный редактор С. З. Иванов. – Ленинград, 1958. – С. 157–165.

59. Виндельбанд, В. Прелюдии : философские статьи и речи / В. Виндельбанд ; перевод с 2-го немецкого издания [и предисловие] С. Франка. – Санкт-Петербург : Издание Д. Е. Жуковского, 1904. – 374 с. – Текст : электронный. – URL: <https://m.eruditor.one/file/2737698/> (дата обращения: 19.01.2019).

60. Виноградов, В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; под. ред. Г. Золотовой. – 4-е изд. – Москва : Русский язык, 2001. – 710 с. – Текст : непосредственный.

61. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков : учебник и учебное пособие для высшей школы (ВУЗы) / В. Г. Гак. – Текст : электронный // Языкознание. Лингвистика. Психолингвистика. – Москва : Либроком, 2019. – 287 с. – Текст : непосредственный.

62. Галкина-Федорук, Е. М. Суждение и предложение / Е. М. Галкина-Федорук. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 73 с. – Текст : непосредственный.

63. Галямина, Ю. Е. Каритив и комитатив в современном кетском языке / Ю. Е. Галямина. – Текст : непосредственный // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 11. – С. 24–32.

64. Гастилене, Н. А. Экспрессивность как одна из языковых функций / Н. А. Гастилене. – Текст : непосредственный // Вопросы германской филологии : сборник статей. – Москва, 1972. – С. 159–167.

65. Гашими, Афет Тофик гызы. Конструкции утверждения/отрицания и средства отрицания в паремиоконструкциях сложной модели / Афет Тофик гызы Гашими. – Текст : непосредственный // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2023. – № 4. – С. 59–60.

66. Горский, Д. П. Логика / Д. П. Горский. – Москва : Учпедгиз, 1963. – 293 с. – Текст : непосредственный.

67. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1985. – С. 220–234.

68. Гращенков, П. В. Комитатив и каритив в тюркских и монгольских языках: функции и возможная эволюция / П. В. Гращенков. – Текст : непосредственный // Урало-алтайские исследования. – 2015. – № 19(4). – С. 7–16.

69. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – Москва : Просвещение, 1969. – 184 с. – Текст : непосредственный.

70. Гуревич, В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков : учебное пособие / В. В. Гуревич. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 168 с. – Текст : непосредственный.

71. Джевонс, С. Основы науки: трактат о логике и научном методе / С. Джевонс [Соч.] Стенли Джевонса ; перевод со 2-го английского издания М. Антоновича. – Санкт-Петербург : Л. Ф. Пантелеев, 1881. – 713 с. – Текст : непосредственный.

72. Добренко, М. М. Грамматические средства выражения категории отрицания в английском и русском языке / М. М. Добренко. – Текст : непосредственный // Вопросы филологии и переводоведения : сб. науч. ст. / ответственные редакторы Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2018. – С. 92–95.

73. Евсина, М. В. Двойное отрицание в простом предложении (на материале английского языка) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Евсина Марина Владимировна. – Тула, 2006. – 159 с. – Текст : непосредственный.

74. Егоров, В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1 / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1954. – 240 с. – Текст : непосредственный.

75. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен; перевод с английского В. В. Пассека, С. П. Сафроновой. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1958. – 300 с. – Текст : непосредственный.

76. Занина, Е. Л. Вариативность отрицательной синтаксической конструкции в современном английском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Занина Елена Леонидовна. – Москва, 1994. – 16 с. – Текст : непосредственный.

77. Зеленецкий, А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков : учебное пособие / А. Л. Зеленецкий. – Москва : Академия, 2004. – 252 с. –
78. Зигварт, Х. Логика. В 2 томах. Том 1. Учение о суждении, понятии и выводе / Х. Зигварт. – Санкт-Петербург : Изд. т-ва «Обществ. польза» и кн. склада «Провинция», 1908. – 487 с. – Текст : непосредственный.
79. Зигварт, Х. Логика. В 2 т. Т. 2. Учение о методе / Х. Зигварт. – Санкт-Петербург : Изд. т-ва «Обществ. польза» и кн. склада «Провинция», 1909. – 368 с. – Текст : непосредственный.
80. Зыкова, С. А. Лингвокультурологический аспект изучения имплицитных форм отрицания в испанском языке / С. А. Зыкова. – Текст : электронный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-aspekt-izucheniya-implitsitnyh-form-otritsaniya-v-ispanskom-yazyke> (дата обращения: 05.05.2025).
81. Иванов, В. В. Типология лишительности (каритивности) / В. В. Иванов. – Текст : непосредственный // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках : коллективная монография // В. В. Иванов, Т. Н. Молошная (отв. ред.). – Москва : Индрик, 1995. – С. 5–59.
82. Иванова, А. М. Словообразование в чувашском языке – III / А. М. Иванова, Г. Н. Семенова. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 80–83.
83. Игнатьева, Т. С. О структурно-семантических особенностях вопросительных предложений с отрицанием в английском и чувашском языках / Т. С. Игнатьева. – Текст : электронный // Филология: научные исследования. – 2020. – № 7. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31542 (дата обращения: 09.09.2020).
84. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка / Б. А. Ильиш. – Ленинград : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1971. – 378 с. – Текст : непосредственный.

85. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; перевод с немецкого Н. Лосского. – 2-е изд. – Петроград : Тип. М. М. Стасюлевича, 1915а. – 464 с. – Текст : непосредственный.

86. Кант, И. Логика / И. Кант ; перевод и вступительная заметка И. К. Маркова ; под редакцией и с предисловием прив.-доц. Московского университета А. М. Щербины. – Петроград : тип. М. М. Стасюлевича, 1915б. – 147 с. – (Труды Петроградского философского общества). – Текст : непосредственный.

87. Кант, И. Сочинения. В 6 т. Т. 3 : перевод с немецкого / И. Кант ; [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана]. – Москва : Мысль, 1964. – 799 с. – (Серия: Философское наследие). – Текст : непосредственный.

88. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 45 с. – Текст : непосредственный.

89. Караулов, Ю. Н. Так что же такое «языковая личность»? / Ю. Н. Караулов. – Текст : непосредственный // Этническое и языковое самосознание : материалы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). – Москва : ФИАНфонд, 1995. – С. 63–67.

90. Каринский, М. И. Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных / М. И. Каринский. – Петроград : Сенат. тип., 1914 – 565 с. – Текст : непосредственный.

91. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 851 с. – Текст : непосредственный.

92. Керимов, К. Р. Средства усиления отрицания в лезгинском и русском языках в сопоставлении / К. Р. Керимов, Г. А. Фаталиева. – Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 6. – С. 123–127.

93. Климов, Г. А. Типология языков активного строя / Г. А. Климов. – Москва : Либроком, 2009. – 320 с. – Текст : непосредственный.

94. Кодухов, В. И. Введение в языкознание : учебник для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / В. И. Кодухов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Просвещение, 1987. – 288 с. – Текст : непосредственный.

95. Кондрусова, С. Ф. Утверждение и отрицание в сложносочиненных предложениях с сопоставительными и противительными отношениями : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Кондрусова Светлана Федоровна. – Ростов-на-Дону, 1977. – 21 с. – Текст : непосредственный.

96. Королькова, О. В. Отрицание в системе грамматических морфологических оппозиций английского глагола : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Королькова Ольга Витальевна. – Москва, 1989. – 24 с. – Текст : непосредственный.

97. Красухин, К. Г. Отрицание и неопределенность в языке и логике / К. Г. Красухин. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 1(43). – С. 132–139.

98. Кривоносов, А. Т. К проблеме модальных частиц в современном языкознании / А. Т. Кривоносов. – Текст : непосредственный // Ученые записки Калининского политического института : сборник. Вып. 3. – Калинин, 1974. – 182 с.

99. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.

100. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.

101. Лебедев, Э. Е. О грамматической категории времени глагола в чувашском языке / Э. Е. Лебедев. – Текст : непосредственный // Вестник

Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2016. – № 4 (92). – С. 60–64.

102. Лебедев, Э. Е. О составе форм и категорий глагола в чувашском языке / Э. Е. Лебедев. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 3. – С. 134–139.

103. Левитская, Л. С. Историческая морфология чувашского языка / Л. С. Левитская. – Москва : Наука, 1976. – 208 с. – Текст : непосредственный.

104. Ломтев, Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – Москва : Наука, 1972. – 198 с. – Текст : непосредственный.

105. Лоова, А. Д. Основные способы выражения категории отрицания в разносистемных языках (на материале немецкого и адыгейского языков) / А. Д. Лоова, С. А. Мироненко. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2021. – № 4(287). – С. 33–41.

106. Лосский, Н. О. Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений / Н. О. Лосский. – Текст : непосредственный // Логос. – 1912–1913. – Кн. 1-2. – С. 83–98.

107. Лузина, Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л. Г. Лузина. – Текст : непосредственный. // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сборник научных трудов. Серия «Теория и история языкознания». – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2006. – С. 41–51.

108. Люльчева, Е. М. Имплицитные способы выражения отрицания / Е. М. Люльчева. – Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 2 (23). – С. 100–108.

109. Макарова, Г. Н. Отрицание not в современном английском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических

наук : 10.02.04 / Макарова Галина Николаевна. – Калинин, 1978. – 16 с. – Текст : непосредственный.

110. Максименко, О. И. Проблема перевода названий мультисемиотических текстов (на примере переводов названий серий мультсериала «Смешарики» на английский язык) / О. И. Максименко, Е. П. Подлегаева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 2. – С. 167–176.

111. Мамедов, Б. Р. Категория отрицания в современном английском и азербайджанском языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.00.00 / Мамедов Багадур Раджаб оглы. – Баку, 1967. – 19 с. – Текст : непосредственный.

112. Маркс, К. Сочинения. Том 20 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1961. – 827 с. – Текст : непосредственный.

113. Маркс, К. Сочинения. Том 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1960. – 907 с. – Текст : непосредственный.

114. Масленникова, А. А. Импликация как один из способов организации текста / А. А. Масленникова. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского университета. – 1985. – № 9. – С. 109–112.

115. Масленникова, А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А. А. Масленникова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1999. – 264 с. – Текст : непосредственный.

116. Масленникова, А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19, 10.02.04 / Масленникова Анна Александровна. – Санкт-Петербург, 1999. – 35 с. – Текст : непосредственный.

117. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть 1. Морфология / редколлегия : И. П. Павлов (отв. ред.) [и др.]. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. – 360 с. – Текст : непосредственный.

118. Мещанинов, И. И. Понятийные категории в языке / И. И. Мещанинов. – Текст : непосредственный // История советского языкознания / составитель Ф. М. Березин. – Москва, 1981. – С. 58–61.

119. Милосердова, Е. В. Семантика и прагматика модальности: на материале простого предложения современного немецкого языка / Е. В. Милосердова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 196 с. – Текст : непосредственный.

120. Михайлов, В. А. К генезису антонимических оппозиций в речевой деятельности (полинегативный статус выражения типа «не-А») / В. А. Михайлов. – Текст : непосредственный // Общение: теоретические и практические проблемы. – Москва, 1978. – С. 56–57.

121. Михайлова, И. Г. Придаточное предложение условия в английском и чувашском языках / опыт сопоставительного изучения / И. Г. Михайлова. – Текст : непосредственный // Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия : сб. ст. – Вып. 3. – Чебоксары, 1977. – С. 109–124.

122. Молотков, А. И. Грамматическая характеристика слова «нет» / А. И. Молотков. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 1956. – № 6. – С. 22–29.

123. Молчанова, С. Е. Особенности употребления неличных форм английского глагола в современной разговорной речи / С. Е. Молчанова. – Текст : электронный // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upotrebleniya-nelichnyh-form-angliyskogo-glagola-v-sovremennoy-razgovornoj-rechi> (дата обращения: 23.04.2025).

124. Мотов, С. В. Структурно-содержательные особенности концепта «отрицание»: на материале современного английского языка / С. В. Мотов. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 2 (70). – С. 13–19.

125. Мусаева, А. А. ИмPLICITное отрицание в процессе речевого взаимодействия / А. А. Мусаева. – Текст : непосредственный // Известия Чеченского государственного университета. – 2022. – № 2(26). – С. 87–93.

126. Мутаева, С. И. Сопоставительный анализ модальных частиц в даргинском и русском языках / С. И. Мутаева, Д. А. Зайналова. – Текст : электронный // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5 (78). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-modalnyh-chastits-v-darginском-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 29.04.2025).

127. Муталов, Р. О. Морфологический строй глагола даргинского языка : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.02 / Муталов Расул Османович. – Махачкала, 2003. – 340 с. – Текст : непосредственный.

128. Мышкина, Р. А. Отрицание в структуре чувашского предложения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Мышкина Роня Александровна. – Москва, 1982. – 25 с. – Текст : непосредственный.

129. Мышкина, Р. А. О семантико-синтаксических типах отрицания в современном чувашском языке в сопоставлении с английским / Р. А. Мышкина. – Текст : непосредственный // Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия : сб. ст. Вып. № 3. – Чебоксары, 1977. – С. 125–135.

130. Никитина, И. Г. Способы репрезентации концепта «движение» в разноструктурных языках: на материале русского, английского и чувашского языков : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Никитина Ирина Геннадьевна. – Чебоксары, 2010. – 207 с. – Текст : непосредственный.

131. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков / Т. М. Николаева. – Москва : Наука, 1985. – 170 с. – Текст : непосредственный.

132. Озерова, Н. Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках / Н. Г. Озерова. – Киев : Наук. думка, 1978. – 123 с. – Текст : непосредственный.

133. Определение каритива как сравнительного понятия / Н. М. Заика, С. А. Оскольская, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2020. – № 3. – С. 7–25.

134. Оскольская, С. А. Каритив в нанайском языке / С. А. Оскольская. – Текст : непосредственный // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – № 1(27). – С. 32–43.

135. Ошанова, Е. С. Коммуникативно-прагматические свойства модализированных конструкций на примере разноструктурных языков / Е. С. Ошанова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 6 (476). – С. 23–32.

136. Павлов, И. П. Современный чувашский язык : монография. В 2 т. Т.1. Морфемика, морфонология, словообразование / И. П. Павлов ; научный редактор, автор вступительной статьи, примечания и комментариев В. И. Сергеев. – Чебоксары, 2014. – 264 с. – Текст : непосредственный.

137. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – Москва : Наука, 1985. – 272 с. – Текст : непосредственный.

138. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. – Москва : Наука, 1974. – 292 с. – Текст : непосредственный.

139. Падучева, Е. В. Презумпция и другие виды неэксплицитной информации в предложении / Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный // Научно-техническая информация. Серия 2. – 1981. – № II. – С. 23–29.

140. Падучева, Е. В. Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. – Москва : Языки славянских культур, 2013. – 304 с. – Текст : непосредственный.

141. Панфилов, В. З. Философские проблемы языкознания: гносеологические аспекты / В. З. Панфилов. – Москва : Наука, 1977. – 287 с. – Текст : непосредственный.

142. Переяшкин, В. В. Типология и формально-смысловые характеристики языкового отрицания / В. В. Переяшкин. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 128–130.

143. Петров, Г. П. Структура интонационных конструкций в разносистемных языках / Г. П. Петров. – Текст : непосредственный // Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия : сб. ст. Вып. 2. – Чебоксары, 1977. – С. 77–91.

144. Петров, Н. П. Магистр богословия Виктор Вишневский и его роль в истории старочувашской письменности и литературного языка / Н. П. Петров. – Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2004. – 107 с. – Текст : непосредственный.

145. Петрова, Е. С. Очерк сопоставительной типологии английского и русского языков: грамматическая норма и варианты / Е. С. Петрова. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 424 с. – Текст : непосредственный.

146. Петрова, Е. С. Сложное предложение в английском языке: варианты формы, значения и употребления : учебное пособие / Е. С. Петрова. – Москва : ГИС ; Санкт-Петербург : СПбГУ, 2001. – 136 с. – Текст : непосредственный.

147. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 511 с. – Текст : непосредственный.

148. Пилатова, В. Н. Экспрессивное отрицание в современном английском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Пилатова Валентина Николаевна. – Санкт-Петербург, 2002. – 198 с. – Текст : непосредственный.

149. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2 / Платон ; общая редакция А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; примечания А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи : перевод с древнегреческого. – Москва : Мысль, 1993. – 528 с. – Текст : непосредственный.

150. Поливанов, Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком / Е. Д. Поливанов. – Ташкент : Госиздат УзССР, 1933 (обл. 1934). – 182 с. – Текст : непосредственный.

151. Пospelова, А. Г. Косвенные высказывания / А. Г. Пospelова. – Текст : непосредственный // Спорные вопросы английской грамматики / ответственный редактор В. В. Бурлакова. – Ленинград, 1988. – С. 141–153.

152. Прокофьева, О. А. Функционально-семантические особенности категории отрицания в современном английском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Прокофьева Олеся Александровна. – Пятигорск, 2002. – 200 с. – Текст : непосредственный.

153. Рассел, Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел ; перевод с английского Н. В. Воробьева. – Москва : Ин-т общегуманит. исслед. ; Киев : Ника-Центр, 2001. – 556 с. – Текст : непосредственный.

154. Резюков, Н. А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков / Н. А. Резюков. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1959. – 327 с. – Текст : непосредственный.

155. Россяйкин, П. О. Сфера действия пропозициональных операторов (на материале отрицания и модальности) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.21 / Россяйкин Петр Олегович. – Москва, 2022. – 316 с. – Текст : непосредственный.

156. Савинов, А. В. Логические законы мышления : (о структуре и закономерностях логического процесса) / А. В. Савинов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ин-та, 1958. – 371 с. – Текст : непосредственный.

157. Савченко, А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков : учебное пособие / А. Н. Савченко. – Москва : Высшая школа, 1974. – 412 с. – Текст : непосредственный.

158. Свиридова, Е. И. Авторский концепт отрицания и его реализация средствами словообразования (на материале трилогии Э. Базена «Семья Резо») : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.05 / Свиридова Евгения Игоревна. – Воронеж, 2022. – 231 с. – Текст : непосредственный.

159. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 959 с. – Текст : непосредственный.

160. Сергеев, В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке / В. И. Сергеев. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 299 с. – Текст : непосредственный.

161. Сергеев, В. И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение, формообразование : монография / В. И. Сергеев. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2017. – 400 с. – Текст : непосредственный.

162. Серебренников, Б. А. О лингвистических универсалиях / Б. А. Серебренников. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 3–16.

163. Ситдикова, Ф. Б. Интонационно-маркированные единицы разговорной речи с имплицитной отрицательной семантикой / Л. Н. Юзмухаметова, Ф. Б. Ситдикова, М. Переточкина. – Текст : электронный // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 6 (42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intonatsionno-markirovannyye-edinitsy-razgovornoj-rechi-s-implitsitnoy-otritsatelnoy-semantikoy> (дата обращения: 18.04.2025).

164. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка: учебник / Ю. М. Скребнев. – Москва : Астрель, 2003. – 221 с. – Текст : непосредственный.

165. Сметанина, М. Н. О статусе категории отрицания в структуре языка и текста / М. Н. Сметанина. – Челябинск : Челяб. гос. пед. ин-т, 1988. – 10 с. – Текст : непосредственный.

166. Сметанина, М. Н. Экспрессивность средств выражения отрицания в английском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Сметанина Мария Николаевна. – Ленинград, 1977. – 21 с. – Текст : непосредственный.

167. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка. Ч. 3 / А. И. Смирницкий. – Москва : Наука, 1957. – 284 с. – Текст : непосредственный.

168. Смурова, О. В. Прагматика двойного отрицания в английском языке / О. В. Смурова. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного

лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 4(885). – С. 119–125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-dvoynogo-otritsaniya-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 20.04.2025).

169. Соболев, Д. М. Лексико-грамматические способы передачи отрицательного значения / Д. М. Соболев. – Текст : непосредственный // Яковлевские чтения : сборник научных статей II Межведомственной научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 21–22 марта 2023 года. В 2-х ч. Ч. 2 / под общей редакцией В. В. Косухина. – Новосибирск : Новосиб. воен. ин-т им. генерала армии И. К. Яковлева войск нац. гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 467–472.

170. Спринчак, Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса / Я. А. Спринчак. – Киев : Рад. школа, 1960. – 160 с. – Текст : непосредственный.

171. Студенцов, О. Р. Чувашские имена действия, образованные с помощью аффикса -у (-ў) на рубеже XIX–XX веков / О. Р. Студенцов. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 193–197.

172. Сызранцева, Л. М. Отрицание в семантической структуре предложения : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Сызранцева Лариса Михайловна. – Москва, 1995. – 196 с. – Текст : непосредственный.

173. Сытько, А. В. Отрицательные деонтические высказывания: семантика и прагматика (на материале немецкого и русского языков) / А. В. Сытько. – Текст : непосредственный // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2023. – № 2(123). – С. 40–49.

174. Тарасов, Р. В. Негативное согласование в славянских языках в типологической перспективе / Р. В. Тарасов. – Текст : непосредственный // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 26–27 марта 2021 года. – Минск : Белорусский государственный университет, 2021. – С. 221–229.

175. Толстой, И. Б. Отрицание как синтаксическое явление и его функционирование в публицистическом стиле / И. Б. Толстой. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского университета. – 1972. – № 4. – С. 58–65.

176. Умарова, С. Х. Функциональная значимость предложений со «взаимоуничтожением отрицаний» / С. Х. Умарова, А. Б. Гацаева. – Текст : непосредственный // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 17 мая 2022 года / главный редактор Ж. В. Мурзина. – Чебоксары : Среда, 2022. – С. 110–112.

177. Усмонов, Ю. М. Морфологические способы выражения отрицания в английском и русском языках / Ю. М. Усмонов, М. М. Усмонова. – Текст : непосредственный // XVIII Акмуллинские чтения : материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 30 ноября – 02 декабря 2023 года : в 2-х томах. – Уфа : Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2023. – С. 467–471.

178. Файрузова, А. Р. Сопоставительный структурно-семантический анализ средств выражения отрицания в английском и русском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02, 10.02.20 / Файрузова Анжела Расулевна. – Уфа, 2015. – 167 с. – Текст : непосредственный.

179. Фаткуллина, Ф. Г. Категория отрицания как общенаучный феномен / Ф. Г. Фаткуллина, Р. И. Сафина. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 2(93). – С. 354–356.

180. Фаткуллина, Ф. Г. Отрицание как способ репрезентации категории деструктивности / Ф. Г. Фаткуллина. – Текст : непосредственный // Доклады Башкирского университета. – 2022. – Т. 7. – № 6. – С. 345–351.

181. Федотов, М. Р. О генетической соотносимости пермского эн и чувашского ан в отрицательной форме повелительного наклонения / М. Р. Федотов. – Текст : непосредственный // Советское финно-угроведение. – 1965. – № 4. – С. 255–266.

182. Федотов, М. Р. Средства выражения модальности в чувашском языке / М. Р. Федотов ; под редакцией В. Г. Егорова. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1963. – 122 с. – Текст : непосредственный.

183. Федотов, М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. III / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 128 с. – Текст : непосредственный.

184. Формановская, Н. И. ИмPLICITный и эксплицитный интенциональный смысл высказываний / Н. И. Формановская. – Текст : непосредственный // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. – Красноярск, 1986. – С. 62–64.

185. Формановская, Н. И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях / Н. И. Формановская. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 1986. – № 3. – С. 71–77.

186. Хажмурадова, Х. З. Перемещенное отрицание в русском и чеченском языках / Х. З. Хажмурадова // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа : матер. II Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2 / Чеченский государственный педагогический университет. – Грозный, 2019. – С. 299–301.

187. Ханова, А. Ф. Средства и способы выражения категории отрицания в татарском языке: в сопоставлении с русским и немецким языками : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02, 10.02.20 / Ханова Айгуль Филусовна. – Елабуга, 2010. – 195 с. – Текст : непосредственный.

188. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – Москва : Наука, 1975. – 426 с. – Текст : непосредственный.

189. Чистоногова, Л. К. Синтаксические фразеологизмы со значением отрицания в современной английской разговорной речи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.00.00 / Чистоногова Леонора Кузьминична. – Ленинград, 1971. – 21 с. – Текст : непосредственный.

190. Чоршанбиева, З. А. Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках: когнитивно-прагматический аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Чоршанбиева Зайнабхон Ашуровна. – Душанбе, 2020. – Текст : непосредственный.

191. Шведова, Н. Ю. К изучению русской диалогической речи: реплики-повторы / Н. Ю. Шведова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1956. – № 2. – С. 67–82.

192. Шендельс, Е. И. Имплицитность в грамматике / Е. И. Шендельс. – Текст : непосредственный // Синтаксическая семантика : сборник научных трудов / Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени им. М. Горького. – Москва, 1977. – С. 77–79.

193. Шендельс, Е. И. Отрицание как лингвистическая категория / Е. И. Шендельс. – Текст : непосредственный // Ученые записки Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени им. М. Горького. – 1959. – Т. 19. – С. 125–142.

194. Шмелев, Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1958. – № 6. – С. 63–75.

195. Щемерова, В. С. Отрицание в мордовских языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.00.00 / Щемерова Валентина Семеновна. – Москва, 1972. – 18 с. – Текст : непосредственный.

196. Элназаров, Б. Сопоставительный анализ отрицательных предложений (на материале русского и таджикского языков) / Б. Элназаров. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник научных статей по материалам XXI международной научно-практической конференции, Киров, 17–20 мая 2022 года. – Киров : Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2022. – С. 304–313.

197. Юхт, В. В. Общеотрицательное предложение в мононегативной системе: на материале современного английского языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Юхт Виктор Владимирович. – Киев, 1983. – 24 с. – Текст : непосредственный.

198. Яковлев, И. Я. Моя жизнь: Воспоминания / И. Я. Яковлев ; вступительная статья Л. П. Куракова, археографическое предисловие Г. Н. Плечова ; примечание, именной указатель Н. Г. Краснова. – Москва : Республика, 1997. – 697 с. – Текст : непосредственный.

199. Ярцева, В. Н. Сопоставительная лингвистика и проблемы вариативности языка / В. Н. Ярцева. – Текст : непосредственный // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1986. – № 5. – С. 3–11.

200. Ярцева, В. Н. Теория и практика сопоставительного исследования языков / В. Н. Ярцева. – Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1986. – Т. 45, № 6. – С. 493–499.

201. Яхонтов, С. Е. О морфологической классификации языков / С. Е. Яхонтов. – Текст : непосредственный // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С. Е. Яхонтова. – Санкт-Петербург : НП-Принт, 2016. – 656 с.

202. Андреев, И. А. Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. I пайĕ = Вопросы чувашского синтаксиса. В 2 ч. Ч. 1 / И. А. Андреев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1973. – 170 с. – Текст : непосредственный.

203. Андреев, И. А. Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. II пайĕ = Вопросы чувашского синтаксиса. В 2 ч. Ч. 2 / И. А. Андреев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1975. – 206 с. – Текст : непосредственный.

204. Горский, С. П. Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ = Синтаксис современного чувашского литературного языка / С. П. Горский. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1970. – 216 с. – Текст : непосредственный.

205. Павлов, И. П. Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи = Современный чувашский литературный язык: морфология / И. П. Павлов. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1965. – 339 с. – Текст : непосредственный.

206. Чомокеева, К. У. Англис тилиндеги семантико-синтаксистик классификациядагы тануу сөз айкашы / К. У. Чомокеева. – Текст : непосредственный // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. – 2019. – № 1(47). – С. 7–9.

207. Auwera, J. van der. Negation / J. van der Auwera, D. van Olmen, F. Vossen. – Текст : электронный // The Oxford Guide to the Malayo-Polynesian Languages of Southeast Asia. – Oxford University Press, 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/370765881_Negation (дата обращения: 17.04.2025).

208. Baïamanova, M. S. Implicit negation in the English language: linguistic means of expression and features of functioning / M. S. Baïamanova, k N. Zhumagazy. – Текст : непосредственный / Вестник Бишкекского государственного университета. – 2024. – № 2(68). – С. 23–26.

209. Ball, W. J. Understatement and Overstatement in English / W. J. Ball. – Текст : непосредственный // English Language Teaching. – 1070. – Iss. 3. – PP. 201–208.

210. Baranova, V. V. Expressing absence in the Turkic languages of the Volga-Kama Sprachbund: Chuvash and Bashkir / V. V. Baranova, M. L. Fedotov, S. A. Oskolskaya. – Текст : электронный // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2021. – Iss. 4, № 34. – P. 9–31. – URL: <https://iling.spb.ru/publications/2443> (дата обращения: 20.04.2025).

211. Bergmann, J. Reine logik. Bd 1 / J. Bergmann. – Berlin : Mittler, 1879. – 434 s. – Текст : непосредственный.

212. Bolinger, D. Meaning and form / D. Bolinger. – London ; New York : Longmen, 1977. – 212 p. – Текст : непосредственный.

213. Evans, N. D. A grammar of Kayardild. With historical-comparative notes on Tangkic / N. D. Evans. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1995. – Текст : электронный. – URL: <https://m.eruditor.one/file/3757280/>. (дата обращения: 20.04.2025).

214. Fedotov, M. L. Without 'without': expressing caritive semantics in a language without a specialized caritive marker (the case of Gban) / M. L. Fedotov. – Текст : непосредственный // Caritive Constructions in the Languages of the World : Abstracts of the international conference Online, St. Petersburg, 30 ноября – 02 декабря 2020 года. – Saint Petersburg : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. – PP. 18–21.

215. Givon, T. Negation in language: pragmatics, function, ontology / T. Givon. – Текст : непосредственный // Syntax and semantics. – London ; New York, 1978. – Vol. 9 : Pragmatics. – PP. 59–116.

216. Hamari, A. The abessive in the Permic languages. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakau-skirja / A. Hamari. – Текст : электронный // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – 2011. – № 93. – PP. 37–84. – URL: <https://www.sgr.fi/susa/93/hamari.pdf> (дата обращения: 22.04.2025).

217. Helbig, G. Deutsche Grammatik. Langenscheidt. Verlag Enzyklopädie. Leipzig. Berlin. München. Wien. Zürich / G. Helbig, J. Buscha. – New York, 1996. – 736 s. – Текст : электронный – URL: <https://m.eruditor.one/file/1818493/> (дата обращения: 02.08.2016).

218. Horn, L. R. A natural history of negation / L. R. Horn. – Chicago : University of Chicago press, 1989. – 637 p. – Текст : электронный. – URL: <https://m.eruditor.one/file/2476297/> (дата обращения: 02.04.2016).

219. Horn, L. R. Introduction: Negation and Polarity at the Millennium / L. R. Horn, Y. Kato. – Oxford University Press, 2000. – PP. 1–19. – Текст : электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/255592030_Introduction_Negation_and_Polarity_at_the_Millennium (дата обращения: 01.04.2016).

220. Horn, L. R. *Meaning, Form and Use in Context: linguistic applications* / L. R. Horn. – Washington : Georgetown University Press, 1984. – 341 p. – Текст : непосредственный.
221. Ibañez, R. *Negation in Spanischen* / R. Ibañez. – München : Fink, 1972. – 188 s. – Текст : непосредственный.
222. Jackendoff, R. S. *Semantic Structures* / R. S. Jackendoff. – Cambridge : MIT Press, 1990. – 338 p. – Текст : непосредственный.
223. Jackendoff, R. *Semantic Interpretation in Generative Grammar* / R. Jackendoff. – Cambridge : MIT Press, 1972. – 400 p. – Текст : непосредственный.
224. Kämpfe, H.-R. *Abriß der Tschuktschischen Grammatik auf der Basis der Schriftsprache* / H.-R. Kämpfe, A. P. Volodin. – Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1995. – Текст : электронный. – URL: <https://glottolog.org/resource/reference/id/31637> (дата обращения: 17.07.2016).
225. Karlsson, F. *Finnish: An essential grammar* / F. Karlsson. – London : Routledge, 1999. – Текст : электронный. – URL: <https://m.eruditor.one/file/181650/> (дата обращения: 23.04.2025).
226. Karttunen, L. *Implicative verbs* / L. Karttunen. – Текст : непосредственный // *Language*. – 1971. – Vol. 47, № 2. – PP. 340–358.
227. Klima, E. S. *Negation in English* / E. S. Klima. – Текст : непосредственный // *The Structure of Language: readings in the philosophy of language* / ed. J. Fodor, J. Katz. – Englewood Cliffs ; N. J. : Prentice-Hall, 1964. – PP. 246–323.
228. Klimenko, S. *Caritive constructions in Tagalog* / S. Klimenko. – Текст : непосредственный // *Caritive Constructions in the Languages of the World : Abstracts of the international conference Online, St. Petersburg, 30 ноября – 02 декабря 2020 года*. – Saint Petersburg : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. – С. 32–34.
229. Klingvall, E. *The effects of negation on discourse structure* / E. Klingvall, F. Heinat. – Текст : непосредственный // *Journal of Pragmatics*. – 2025. – № 235. – PP. 115–131.

230. Lakoff, R. Language in context / R. Lakoff. – Текст : электронный // Language. – 1972. – Vol. 48, № 4. – PP. 907–927. – URL: http://5361invention.pbworks.com/f/Lakoff_72_fletch.pdf (дата обращения: 31.11.2017).

231. Language and space / P. Bloom, M. A. Peterson L Nadel [et al.]. – Cambridge : Mass ; London : MIT Press, 1996. – 597 p. – Текст : электронный. – URL: <https://m.eruditor.one/file/1447684/> (дата обращения: 20.04.2025).

232. Magistro, G. The rise and fall of illocutionary negation: the semantic reanalysis of Venetan *miga* / Giuseppe Magistro. – Текст : электронный // English for Specific Purposes. – 2023. – Vol. 70. – PP. 192–206. – URL: <https://ids11.phil-fak.uni-koeln.de/sites/IDSLI/dozentenseiten/gutzmann/SuB26-117.pdf> (дата обращения: 31.11.2017).

233. McGregor, W. A functional grammar of Gooniyandi / W. McGregor. – Amsterdam : John Benjamins, 1990. – Текст : электронный. – URL: <https://m.eruditor.one/file/441783/> (дата обращения: 31.11.2017).

234. Miller, J. Semantics and syntax: Parallels and connections / J. Miller. – New York : Cambridge : Cambridge university press, 1985. – 262 p. – Текст : электронный. – URL: <https://philpapers.org/rec/MILSAS> (дата обращения: 31.11.2017).

235. Oskolskaya, S. Typological study of caritives: an overview and methodology of research / S. Oskolskaya. – Текст : непосредственный // Caritive Constructions in the Languages of the World : Abstracts of the international conference Online, St. Petersburg, 30 ноября – 02 декабря 2020 года. – Saint Petersburg : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. – PP. 49–50.

236. Payne, T. E. Negation / T. E. Payne. – Текст : электронный // A Sample Grammatical Sketch of English. – Cambridge ; New York : Cambridge university press, 2010. – PP. 40–41. – URL: <https://pages.uoregon.edu/tpayne/engram.htm> (дата обращения: 31.11.2017).

237. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk. – London : Longman, 1985. – 1779 p. – Текст : электронный. – URL: https://books.google.ru/books?id=CrhZAAAAMAAJ&pgis=1&redir_esc=y (дата обращения: 31.11.2017).

238. Ranchinskaya, Ju. V. Expression of negation in English and some problems of translation Into Russian / Ju. V. Ranchinskaya, I. G. Petrovich. – Текст : непосредственный // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VII : сборник научных статей VII Международной научной конференции, Могилев, 03 ноября 2021 года. – Могилев : Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2022. – С. 173–176.

239. Robins, R. H. General Linguistics: An Introductory Survey / R. H. Robins. – London : Longmans, 1964. – 390 p. – Текст : электронный. – URL: https://openlibrary.org/books/OL13578119M/General_linguistics (дата обращения: 31.11.2017).

240. Russel, B. Logic and knowledge / B. Russel. – London : G. Allen and Unwin, Macmillan, 1956. – 382 p. – Текст : электронный. – URL: https://openlibrary.org/books/OL6203881M/Logic_and_knowledge (дата обращения: 31.11.2017).

241. Sammy, S. The Biggest Non Profit Organizations In The World / S. Sammy. – Текст : электронный // TheRichest : [сайт]. – URL: <https://www.therichest.com/rich-list/the-biggest-non-profit-organizations-in-the-world/> (дата обращения: 12.11.2021).

242. Shabanov, Y. The scalar interpretation of double negation / Y. Shabanov, E. Shetreet. – Текст : электронный // Journal of Pragmatics. – 2022. – Vol. 189, № 4. – PP. 55–65. – URL: https://www.researchgate.net/publication/357792823_The_scalar_interpretation_of_double_negation (дата обращения: 20.04.2025).

243. Stevenson, Ch. L. Some Pragmatic Aspects of Meaning / Ch. L. Stevenson. – Текст : электронный // Ethics and Language. – New Haven : Yale University Press ; London : H. Milford, Oxford University Press, 1944. – PP. 37–80. – URL: https://openlibrary.org/books/OL21137637M/Ethics_and_language (дата обращения: 31.11.2017).

244. Stolz, T. With (out): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives / T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. – Текст : электронный // WORD: Journal of the International Linguistic Association. – 2007. –

Vol. 58, № 1–3. – PP. 63–122. – URL: https://www.researchgate.net/publication/277918650_WITHOUT_On_the_markedness_relation_between_comitative_instrumentals_and_abessives (дата обращения: 20.04.2025).

245. Thurmair, M. Kombinieren Sie doch nur ruhig auch mal Modalpartikeln!: Combinatorial Regularities for Modal Particles and their Use as an Instrument of Analysis / M. Thurmair. – Текст : электронный // *Multilingua*. – 1991. – № 10–1/2. – S. 19–42. – URL: <https://epub.uni-regensburg.de/25101/1/thurmair1.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

246. Tursunova, N. Scope of Negation: Theory and Double Negatives / N. Tursunova. – Текст : электронный // *Bulletin of Science and Practice*. – 2021. – Vol. 7, № 7. – PP. 419–424. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/scope-of-negation-theory-and-double-negatives> (дата обращения: 14.05.2025).

247. Vinogradov, I. Privative constructions in Mesoamerica: How do languages without 'without' actually function? / I. Vinogradov. – Текст : непосредственный // *Journal of Language and Linguistic Studies*. – 2021. – № 17, special issue 1. – PP. 384–402.

248. Zolfaghari, F. The rhetoric of negation in research articles: A cross-disciplinary analysis of appraisal resources / F. Zolfaghari. – Текст : непосредственный // *English for Specific Purposes*. – 2023. – № 70. – PP. 192–206.

Словари, справочники, энциклопедии

249. AP Stylebook : [сайт]. – New York City. – URL: <https://www.apstylebook.com/> (дата обращения: 12. 02. 2025). – Текст : электронный.

250. British National Corpus : [сайт]. – Oxford, 2009 – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 12.11.2021). – Текст : электронный.

251. Cambridge Dictionary : [сайт]. – Cambridge. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 12.11.2021). – Текст : электронный.

252. Glosbe : словарь : платформа, предоставляющая бесплатные словари с

контекстными переводами : [сайт]. – Варшава. – URL: <https://glosbe.com/> (дата обращения: 27.04.2025). – Текст : электронный.

253. Macmillan Dictionary : [сайт]. – Oxford. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/about> (дата обращения: 12.11.2022). – Текст : электронный.

254. Merriam-Webster Dictionary : [сайт]. – Springfield. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 25.07.2023). – Текст : электронный.

255. Online Etymology Dictionary : [сайт]. – New York, 2001. – URL: https://www.etymonline.com/search?q=never&ref=searchbar_searchhint (дата обращения: 12.11.2021). – Текст : электронный.

256. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 605 с. – Текст : непосредственный.

257. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 1–17 / Н. И. Ашмарин. – Казань : Красный Печатник : Татполиграф ; Чебоксары : Чувашгиз, 1928–1950. – Текст : непосредственный.

258. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1964. – 355 с. – Текст : непосредственный.

259. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – Москва : Наука, 1975. – 717 с. – Текст : непосредственный.

260. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Русский язык, 1984. – 944 с. – Текст : непосредственный.

261. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. И. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 707 с. – Текст : непосредственный.

262. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова [и др.] / 7-е изд., стер. – Москва : Русский язык, 2002. – Текст : непосредственный.

263. Типология каритива. – Текст : электронный. – URL: <https://www.caritive.org/> (дата обращения : 20.04.2025).

264. Толковый словарь Ожегова : [сайт]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 17.04.2025). – Текст : электронный.

265. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. А – Р / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. – 470 с. – Текст : непосредственный.

266. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 2. С – Я / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. – 509 с. – Текст : непосредственный.

267. Чувашская энциклопедия : [сайт]. – URL: <http://enc.csp.ru/> (дата обращения: 17.07.2023). – Текст : электронный.

268. Электронлă сăмахсар = Электронные словари : [сайт]. –Чебоксары, 2011. – URL: <http://samahsar.chuvash.org/> (дата обращения: 12.11.2021). – Текст : электронный.

269. Энциклопедия Кругосвет: Чувашский язык : [сайт]. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/CHUVASHSKI_YAZIK.html (дата обращения: 17.07.2023). – Текст : электронный.

270. Языки Российской Федерации и соседних государств : энциклопедия. Т. 3. С – Я (1/3) / В. Н. Ярцева и др. (ред.). – Москва : Наука, 2005. – 605 с. – Текст : электронный. – URL: <https://m.eruditor.one/file/1790914/> (дата обращения: 03.10.2017).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Чувашские художественные произведения

271. Агаков, Л. Я. Пёрре, суркунне... : повесть / Л. Я. Агаков. – Шупашкар : ЧАССР гос. изд-ви, 1940. – 242 с. – Текст : непосредственный.

272. Агаков, Л. Я. Юманлăхра ҫапла пулнă: повесть / Л. Я. Агаков. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1993. – 285 с. – Текст : непосредственный.
273. Алендей, В. Кĕтни...: калав / В. Алендей. – Текст : непосредственный // Алендей В. Салтак чĕри. – Шупашкар : ЧАССР гос. изд-ви, 1960. – С. 37–43.
274. Аслан, С. С. Ахрат : роман / С. С. Аслан. – 2-мĕш кăларăм. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1983. – 320 с. – Текст : непосредственный.
275. Бараев, В. Тупа тунă чухне : сăвă / В. Бараев. – Текст : непосредственный // Бараев В. Сўнми хĕлхем : сăвăсем, поэмăсем, калавсем, юмахсем, ҫырусем, дневниксем. – Шупашкар : Чăваш АССР гос. изд-ви, 1961. – С. 51–57.
276. Волков, Г. Юманпа хĕвел / Г. Волков. – Текст : непосредственный // Волков Г. Кил илемĕ : калавсем, юмахсем, очерксем: кĕҫĕн тата вăтам ҫулхи школ ачисем валли / Г. Волков. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. – С. 57–58.
277. Иванов-Паймен, В. З. Кĕпер : роман / В. З. Иванов-Паймен. – Шупашкар : ЧАССР кĕн. изд-ви, 1972. – 606 с. – Текст : непосредственный.
278. Илпек, М. Хура ҫăкăр : роман. I кĕнеке / М. Илпек. – Шупашкар : Чăвашгосиздат, 1957. – 276 с. – Текст : непосредственный.
279. Кибек, Д. А. Кайăк тусĕ : роман / Д. А. Кибек. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2008. – 383 с. – Текст : непосредственный.
280. Кипек, М. «Хура караппăл» вилĕмĕ : калав / М. Кипек. – Текст : непосредственный // Кипек М. Парăнманнисем ҫĕнтересҫĕ. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1978. – С. 124–137.
281. Киплинг, Р. Маугли / Р. Киплинг ; пер. Манял. – Чебоксары : Чувашиздат, 1936. – 302 с. – Текст : непосредственный.
282. Мранька, Н. Ф. Ёмĕр сакки сарлака : роман : 3 том тухать. 1-мĕш том / Н. Ф. Мранька. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1989. – 592 с. – Текст : непосредственный.
283. Степанов-Маяксем, Л. Лива : повесть / Л. Степанов-Маяксем. – Текст : непосредственный // Тăван Атăл. – 1972. – № 2. – С. 52.

284. Трубина, М. Ача чухнехи : повесть, калавсем / М. Трубина. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1981. – 288 с. – Текст : непосредственный.

285. Уайльд, О. Тĕлĕнтермĕш юмахсем / О. Уайльд. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1986. – 127 с. – Текст : непосредственный.

286. Чиндыков, Б. Çатан карта çинчи хура хăмла сырли : пьесăсем / Б. Чиндыков. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1995. – 200 с. – Текст : непосредственный.

287. Юхма, М. Пурнескепе унăн тусĕсем : повесть юмах / М. Юхма. – Шупашкар : Çĕнĕ Вăхăт, 2008. – 156 с. – Текст : непосредственный.

Англоязычные художественные произведения

288. Hemingway, E. A. Farewell to Arms / E. A. Hemingway. – New York : Everyman`s Library, 1993. – 328 p. – Текст : непосредственный.

289. Kipling, R. The First Jungle Book: stories / R. Kipling. – Москва : Юпитер-Интер, 2003. – 188 с. – Текст : непосредственный.

290. Wilde, O. An Ideal Husband / O. Wilde. – New York : Dover Publications, 2005. – 210 p. – Текст : непосредственный.

291. Wilde, O. Fairy Tales / O. Wilde. – Москва : Прогресс, 1979. – 212 с. – Текст : непосредственный.

292. Wilde, O. The Devoted Friend : the tragic tale of a selfish miller, and his poor and generous friend / Oscar Wilde. – Текст : электронный // Storyberries : [сайт]. – URL: <https://www.storyberries.com/fairy-tales-the-devoted-friend-by-oscar-wilde/> (дата обращения: 29.07.2023).

293. Wilde, O. The Young king, and other Stories / O. Wilde. – Pearson, 2022. – 68 p. – (Pearson English Active Readers) – Текст : непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Средства выражения отрицания в переводных отрицательных конструкциях

(на материале аутентичных текстов и их перевода из авторской картотеки)

Отрицание предиката	Средства выражения отрицания	
	Английский язык	Чувашский язык
Изъявительное наклонение	<p>“When I was alive and had a human heart”, answered the statue, “I did not know what tears were <...></p> <p>You don’t mean to say you have sold it?</p> <p>I do not think it is much to ask of you</p>	<p>«Пурăннă чух ырайăх патне антăлаттăм, – хуравланă Принц. – Куççуль тутине пĕлмен эпĕ ун чухне <...>»</p> <p>Эсĕ ăна саклата хывнă тесшĕн мар пуль те?</p> <p><...> çавăнна санран ытла нумай ыйтатăн тесшĕн мар эпĕ</p>
Повелительное наклонение	<p><i>If an owl speaks to thee, make it no answer</i></p> <p><i>Do it no harm</i></p> <p><i>Oh! Don’t say so!</i></p>	<p>Енчен те санна тăмана калаçасшăн пулсан хирĕç ан чĕн.</p> <p>Ан сусăрла ăна.</p> <p>Ах, апла ан калăр-ха <...></p>
Условное наклонение	<p><i>He knew that if he filled it he would have no flowers left for the market</i></p>	<p>Ăна тăн-тулли тултарсан, пасара тухма чечек юлмассине курĕ Ганс.</p>

	<i>If you don't stop it <...></i>	<i>Халех пѣтермесен тырӑ йӑлтах кӑвакарса кайӑ</i>
Префиксация	<i>When Kaa disliked an acquaintance he could be more unpleasant than any of the Jungle People, except perhaps Bagheera</i>	<i>Каа ѓнтѣ пѣр-пѣр чуна юратми пулсан вара Джунглире такамаран та ытларах йѣксе калаҫма пултарасть</i>
Имя существительное	<i>I am not a family man in fact ...> but he had mistrust of men <...> She has no money and far too many relations For the future let those who come to play with me have no hearts But the little ducks paid no attention to her She has no conversation</i>	<i>Эпѣ хам ҫемьесѣр те. <...> анчах вӑл ҫынсене шанман <...> Уқҫи пѣр пус та ҫук, тӑванѣсем вара туллиех. Малашне манпа вяляма чѣресѣрсене ҫеҫ чѣннѣ пултӑ. Анчах пѣчѣк чѣпѣсем амӑшне пачах та итлемен. Калаҫма та пѣлмест-ҫке вӑл</i>

<p>Имя прилагательное</p>	<p><i>It is not a very big plank</i></p> <p><...> <i>but in all my garden there is no red rose</i></p> <p><i>What can such a hairless one do against the Red Dog?</i></p> <p><i>But that day was cloudless and still</i></p> <p><i>I hope so, but the sky is quite blue and cloudless</i></p> <p><...> <i>and when they came to the Mountain-Torrent she was hanging motionless in air, for the Ice-King had kissed her</i></p>	<p><i>Хăми ытлашии пысăках мар-иç.</i></p> <p><...> <i>анчах манăн пахчара пĕр хĕрлĕ кĕлчечек те çук.</i></p> <p><i>Çак çăмсăрскер Хĕрлĕ Йытăсене хирĕç мĕн тума пултарĕ?</i></p> <p><i>Анчах вăл кун пĕлĕтсĕр, çилсĕр кун пулнă.</i></p> <p><i>Пĕр пĕлĕт татки те çук.</i></p> <p><...> <i>Утсан-утсан, чухăнсем Ту çинчи Шывсикки патне çитнĕ, Шывсиккине Пăр Патши шăнтса пăрлантарса лартнă</i></p>
-------------------------------	---	---

Префиксация	<p><...> <i>it was a mark of disrespect</i></p> <p><i>What disobedient children!</i></p> <p><...> <i>the Miller used to say about the unselfishness of true friendship</i></p> <p>«Ungrateful!» – <i>said the girl</i></p> <p><...> <i>In fact, it is quite unpractical <...></i></p> <p><i>Injustice has parcelled out the world <...></i></p> <p><i>What a terrible misfortune!</i></p>	<p>Чулна пени – усаллӑх палли</p> <p><i>Бӹтла та тимсӗр ачасем-ӗке!</i></p> <p>Арманӗӗ чӑн-чӑн туслӑх пирки чун-чӗререн хавхаланса калаҫнине итлеме кӑмӑлланӑ вӑл</p> <p>«Пархатарсӑр!» – витленӗ хӗр</p> <p><...> ним пайти те ӗук унран</p> <p>Тӗнчере тӗрӗсмарлӑх хуҫаланать</p> <p>Чӑн та, калама ӗук хӑрушӑ!</p>
	<p><i>That was foolishness, for though Tabaqui is a mischief-maker <...></i></p>	<p>Ку айван ӗҫ: Табаки ирсӗрри ирсӗрсекер те <...></p>
	<p><...> <i>and saw the white faces of starving children looking out listlessly at the black streets</i></p>	<p><...> унта вӑл выҫӑна аптӑранӑ иуранка питлӗ ачасене курнӑ <...></p>
Средства усиления отрицания		
Отрицательные	<...> <i>and nobody cared to</i>	<...> <i>ӑна ӗулӗ ӗинче никам та</i>

местоимения	и	<i>cross his path <...></i>	<i>картласа тӓма хӓйймасть <...></i>
наречия		<i>I know a flower that grows in the valley, none knows it but I</i>	<i>Айлӓмра пӓр чечек уӓсет, мансӓр пуӓне ӓна никам та пӓлмест.</i>
		<i>Surely there is none so beautiful in the whole world!</i>	<i>Тӓнчине те ун пек шемлӓ сын сук паллах!</i>
		<i>None of the Jungle people like being disturbed <...></i>	<i>Джунглире пурӓнакан чӓр чунсенчен пӓри те хӓйне чӓрмав тунине юратмасть <...></i>
		<i>None of the beasts could reach them but on the other hand none of the beasts would notice them</i>	<i>Пӓр тискер кайӓк та вӓсем патне сывхараймасть, кайӓк та вӓсем сыне пӓхмасть, асӓрхамасть <...></i>
		<i>Ah! I know nothing about the feelings of parents</i>	<i><...> амӓйшлӓх туйӓмне пӓлместӓн сав <...></i>
		<i>There is nothing in you; you are hollow and empty</i>	<i>Сирӓн ӓшӓрта нимӓн те сук, пуш-пушӓй эсир</i>
		<i>They never hit me, of course</i>	<i>Паллах, пӓрре те тивертеймерӓс</i>
		<i>Dear Prince, I must leave you, but I will never forget you</i>	<i>Хаклӓ Принц, санран уйрӓлатӓп пулин те эпӓ сана нихӓсан та манас сук</i>
		<i>In the winter as the Miller</i>	<i>Хӓл ларсан Армансӓ та сӓуре</i>

		<i>never came to see him again</i>	пӑрахнӑ ун патне <...>
Усилительные частицы		<i>Only in the garden of the Selfish Giant it was still winter</i>	Улап пахчинче кӑна ҫаплах Хӗл хуҫаланнӑ
Частицы		<i>If the price be neither gold no silver</i>	Ылтӑн та , кӗмӗл те кирлӗ мар пулсан урӑх тата мӗн парам-ши сана?
Имплицитные средства отрицания			
Предлоги семантикой удаленности пространстве	с	<...> <i>you must go away to Egypt</i>	<...> санӑн Египета каймалла <...>
	в	<i>If only thou woudst send away the soul, then could I love thee</i>	Чуна хӑваласа ярсан ҫеҫ юратма пултара тӑн элӗ сана
		<...> <i>it slipped back into the ground again and went off to sleep</i>	<...> вара куляннипе пуҫне уснӑ та каллех ыйха пуннӑ
		<i>He hurried off into the darkness <...></i>	<...> пӑхмасӑр тӗттӗмре чупса кайнӑ
		<...> <i>and went out into the garden</i>	<...> шӑппӑн пахчана тухнӑ вӑл
		<...> <i>and remember what Pack cast thee out</i>	<...> кам кӗтӗвӗ сана кӑларса сирпӗтрӗ ?
Слова имплицитным	с	<i>The climate in the north of Europe is really dreadful</i>	Ытла та нӑрӗ ҫав ҫурҫӗр Европӑри ҫанталӑк

<p>значением отрицания</p>	<p><i>The boy is so thirsty and the mother so sad</i></p> <p><...> <i>till the Happy Prince looked quite dull and grey</i></p> <p><...> <i>I can see all the ugliness and all the misery of my city</i></p> <p><...></p>	<p>Пёчэк арсын ача калама сук шыв ёсесшён, амйше питех те хурлйхлй</p> <p><...> кёлетке тёссёрленсе, хитремарланса пынй</p> <p>Халё хулари мёнпур тасамарлйхна чухйнлйха курса тйратйп энё</p>
<p>Значение действия, которое имело место когда-то, но более не существует</p>	<p><i>The Reed used to like the rain, but that was merely her selfishness</i></p>	<p>Чинер Хймайш сумйр сунине юрататчё ёнтё, анчах шыв хёрринче суралса ўснёрен сеҫ юрататчё пуль вйл та</p>
<p>Союзы с семантикой предотвращения какого-либо события</p>	<p><i>He crept away, lest he should see it, and covered his eyes with his hands</i></p>	<p>Ҷав асапланнине курас мар тесе... <...></p>

**Базовые средства отрицания и их формы
в английском и чувашском языках**

Показатель отрицания	Английский язык	Чувашский язык
Отрицательные частицы	<i>not, no</i>	<i>мар, марччӗ, маррине, мар-и, мар-ши, мар-ха, марччӗске, мара; сук, сук-и, сук-ха, сук-ши, сукчӗ; ан.</i>
Аффикс отрицания		<i>-ма (-ме) и его алломорфы -мас (-мес), -м</i>
Каритивное значение	отрицательный суффикс <i>-less</i> ; предлог <i>without</i>	<i>-сӑр (-сӗр)</i>
Отрицательные префиксы	<i>il-, ir-, im-, in-, un-, dis-, mis-, non-, no-</i>	<i>ни-</i>